Ѳедоръ Сологубъ.

Ярый годъ

Московское книгоиздательство

М. Соломоновъ

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ЯРЫЙ ГОДЪ.

РАЗСКАЗЫ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1916.

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва.
1-я Мѣщанская, д. 5.

ПРАВДА СЕРДЦА.

ПРАВДА СЕРДЦА.

I.

Лѣто 1914 года въ Орго, маленькой эстонской деревушкѣ на южномъ берегу Финскаго залива, проходило пріятно и спокойно. Въ началѣ лѣта никто здѣсь и не думалъ о близости большой европейской войны. Все время стояла прекрасная погода, ясная, теплая, съ рѣдкими дождями. Дачники,—нѣмцы изъ Юрьева и изъ Ревеля, да русскіе интеллигенты изъ столицъ, — развлекались какъ умѣли. Тѣ, которые жили здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, хвалили очень это мѣсто, широкій видъ на море, великолѣпный паркъ, закаты,—все, что можно хвалить. Попавшіе сюда первый разъ, — потому что знакомые зимою часто хвалили Орго,—жаловались на скуку.

Въ самомъ дѣлѣ, Орго—глухое захолустье, нѣтъ ни кургауза, ни музыки. Общество благоустройства дачной мѣстности Орго только-что было основано, и успѣло только вывѣсить двѣ надписи о запрещеніи велосипедистамъ

ѣздить по пѣшеходной дорожкѣ въ деревнѣ, да еще устроило плохонькій теннисъ-гроундъ. Даже станція желѣзной дороги въ семи верстахъ,— не погуляешь по платформѣ, встрѣчая и провожая поѣзда. Только и было утѣшеніе, что купанье въ морѣ,—пляжъ очень хорошій, почти такой же, какъ въ Усть-Наровской купальной мѣстности, — да лаунъ-теннисъ, устроенный на полянѣ надъ моремъ.

Изъ-за лаунъ-тенниса молодежь ссорилась съ аптекаремъ: не хотѣли платить денегъ за право игры на теннисѣ, а аптекарь, казначей общества благоустройства дачной мѣстности Орго, грозилъ, что сниметъ сѣтку. Онъ старался быть очень аккуратнымъ, чтобы оправдать свою нѣмецкую фамилію, и чтобы его не сочли за эстонца.

Молодые люди говорили:

— Мы не обязаны платить вамъ за игру въ теннисъ. У васъ и сѣтка виситъ старая.

Аптекарь упрямо твердилъ:

— Нѣтъ, обязаны. Общество не имѣетъ суммъ на то, чтобы покупать сѣтку.

— Съ нашей дачи,—говорилъ веселый студентъ Бубенчиковъ,—вы уже взыскали три рубля.

— А съ нашей,—говорилъ мрачный Козоваловъ,—даже пять.

Аптекарь объяснялъ:

— Ну такъ это же за доставку корреспонденціи,—вы же сами знаете, что въ нашей мѣстности нѣтъ почтоваго отдѣленія. А мы хлопочемъ, и въ будущемъ году мы будемъ имѣть почтово-телеграфное отдѣленіе. Чего же вы хотите?

— Это намъ все равно,—говорили молодые люди,—нельзя же платить безъ конца.

Долго пререкались. Наконецъ аптекарь сѣтку снялъ,

и около теннисъ-гроунда вывѣсилъ на столбѣ записку съ надписью: «Игра безъ разрѣшенія правленія общества благоустройства запрещается».

Въ отместку за это легкомысленные молодые люди въ слѣдующую же ночь прибили на дверяхъ аптеки записку: «Ходить въ аптеку безъ рецепта врача строго воспрещается».

Многіе дачники, запасшись старыми сигнатурками, нарочно заходили въ аптеку справиться, почему входъ безъ рецепта воспрещенъ. Въ аптеку дачники ходили, какъ водится, не столько за лекарствами, сколько за открытками съ видами мѣстности, за фонариками для иллюминацій, за мыломъ и одеколономъ, и за прочими разнообразными вещами.

Аптекарь возмущался, увѣрялъ, что можно ходить и безъ рецепта, и, отпуская свои товары, жаловался всѣмъ на молодыхъ людей.

Раза два-три въ лѣто устраивались любительскіе спектакли и балы въ помѣщеніи мѣстнаго пожарнаго общества,—вотъ и все веселье. Приходилось въ остальное время довольствоваться домашними развлеченіями, а днемъ гулять и любоваться видами—занятіе, молодости мало свойственное.

II.

Лиза Старкина, юная дочь морского офицера, плавающаго гдѣ-то въ далекомъ морѣ, была въ нерѣшительности, на комъ изъ двухъ молодыхъ людей остановить ей свое вниманіе. Бубенчиковъ и Козоваловъ, два студента, юристъ и математикъ, оба были очаровательны, каждый въ своемъ родѣ.

Лизина мать, Анна Сергѣевна, предпочитала любезнаго и веселаго Бубенчикова. Лиза тоже оцѣнивала его превосходныя качества, но и въ мрачномъ Козоваловѣ были свои очарованія. Онъ не лишенъ былъ остроумія и находчивости, и хотя говорилъ ей иногда дерзости, но всегда готовъ былъ услужить, тогда какъ любезный и веселый Бубенчиковъ былъ эгоистъ, и отъ оказанія услугъ часто увиливалъ.

Впрочемъ, порою оба юноши казались Лизѣ скучноватыми. И казалось даже ей, что и живутъ они не по-настоящему, а такъ, между прочимъ, до окончанія курса,—а настоящая жизнь ихъ начнется потомъ, когда они выдержатъ свои государственные экзамены и пристроятся болѣе или менѣе хорошо.

Но Лизѣ уже хотѣлось кого-то любить. Такой ужъ возрастъ. И потому на пляжѣ она почти каждый день, сбросивъ юбочку и сандаліи, танцовала Дунканскіе танцы то для одного, то для другого, то для обоихъ вмѣстѣ. Лиза, какъ водится, училась на какихъ-то драматическихъ курсахъ. Она была очаровательна въ милыхъ своихъ танцахъ, стройная, тонкая, весело загорѣлая, легкая надъ гладью мелкаго, сѣровато-золотистаго песка.

Былъ еще и третій, склонный ухаживать за Лизою усерднѣе и самоотверженнѣе первыхъ двухъ. Это былъ мѣстный, Пауль Сеппъ, но для Лизы онъ былъ пока только комическимъ элементомъ.

Паулю Сеппу было двадцать восемь лѣтъ. Онъ былъ красивый, высокій, сильный, широкоплечій, очень сдержанный человѣкъ, добродушный и немного мѣшковатый. У него были ясные голубые глаза и свѣтлые волосы. Онъ не пилъ водки, не курилъ. Не зналъ никакого разврата. Кончилъ какое-то сельскохозяйственное училище. Много читалъ, по-русски и по-нѣмецки. Очень любилъ

литературу и философію. Игралъ на роялѣ. Пѣлъ баритономъ. Двѣ его сестры, молоденькія дѣвушки, недавно кончили учиться въ гимназіи.

Съ весны онъ былъ влюбленъ въ Лизу Старкину,—съ перваго же раза, какъ увидѣлъ ее на обрывѣ надъ моремъ, въ туникѣ, веселую, бѣлую, еще не успѣвшую загорѣть. Но онъ былъ простой крестьянинъ, эстонецъ, и самъ работалъ на своемъ полѣ, вмѣстѣ со своими двумя сестрами. У него было тридцать десятинъ земли, и лѣтомъ жило нѣсколько работниковъ и работницъ.

Онъ былъ еще холостъ и непороченъ, какъ мальчикъ. Зимою онъ мечталъ о далекихъ красавицахъ. Каждое лѣто онъ влюблялся въ русскую барышню, — теперь влюбился въ Лизу. Въ нѣмокъ онъ почему-то не влюблялся ни разу.

И вотъ было трое влюбленныхъ въ одну Лизу. Лиза никогда еще въ жизни не чувствовала себя такою гордою и счастливою. Лиза и Пауля Сеппа не совсѣмъ отвергала на страхъ двумъ другимъ. Поддразнивая ихъ, она говорила:

— Захочу и выйду за эстонца.

И всѣхъ трехъ вышучивала, весело и мило, какъ все, что она дѣлала.

Анна Сергѣевна очень сердилась, когда Лиза говорила съ нею объ эстонцѣ. Она восклицала.

— Лиза! Твой отецъ—капитанъ перваго ранга, а ты говоришь о простомъ эстонцѣ.

Лиза хохотала. Говорила:

— Мы съ Паулемъ будемъ косить траву, сѣять хлѣбъ, пасти свои стада, и разговаривать о Шиллерѣ и о Кантѣ.

— Ужасъ, ужасъ!—восклицала Анна Сергѣевна.

Лиза продолжала дразнить мать:

— Я буду доить коровъ и каждое утро носить для тебя парное молоко. Ты увидишь, какое оно будетъ вкусное, густое и чистое.

Анна Сергѣевна затыкала уши пальцами, и уходила.

III.

Лиза съ мамою, Бубенчиковъ и Козоваловъ гуляли въ паркѣ. Паркъ принадлежалъ остзейскому барону, и на входъ туда надобно было брать билеты. За билетами приходилось ходить къ управляющему, чистенькому нѣмцу изъ Риги.

Любовались на великолѣпный, бѣлый, вознесенный надъ силлурійскимъ обрывомъ, домъ барона. Одинъ только Козоваловъ упрямо говорилъ, что домъ ему не нравится, что онъ годится развѣ только для устройства въ немъ музея дурного вкуса. Съ нимъ спорили. Но онъ былъ, конечно, правъ. У него былъ хорошій вкусъ, и эта дурно-слаженная постройка, совсѣмъ не гармонировавшая съ мѣстностью, не могла его удовлетворить.

Когда уже видно было синее море, Козоваловъ сказалъ, указывая на отдѣльно стоящее громадное дерево:

— Вотъ то самое дерево.

— Какое?—спросила Лиза.

Козоваловъ мрачно улыбнулся, и промолчалъ. У него былъ въ эту минуту таинственный и значительный видъ. Лиза вдругъ зажглась любопытствомъ. Бубенчиковъ разсказалъ:

— На этомъ деревѣ весною повѣсился баронскій конюхъ. Онъ выстегнулъ кнутомъ глазъ одной лошади. Управляющій ему сказалъ, что взыщетъ триста рублей и посадитъ въ тюрьму. Ну, онъ пошелъ сюда ночью, и по-

вѣсился. Утромъ нашли. Молоденькій былъ совсѣмъ, очень скромный, и у него была невѣста, здѣшняя эстонка Эльза,—она живетъ въ горничныхъ у Левенштейна.

Анна Сергѣевна заахала:

— Ахъ, какой ужасъ! Зачѣмъ вы насъ здѣсь повели! Мнѣ этотъ эстонецъ ночью будетъ сниться. И зачѣмъ вы это разсказали!

Лиза сказала досадливо:

— Мама, какъ же ему не разсказать, когда его объ этомъ просятъ!

Лизу всегда утомляла дѣланная экспансивность и кокетливость ея матери.

Бубенчиковъ говорилъ оживленно, какъ что-то радостное:

— Многіе теперь боятся ходить въ паркѣ вечеромъ.

— Да и днемъ жутко,—сказала Анна Сергѣевна.—Знала бы, такъ не стала бы и билета брать.

— Ну, я бы и сама взяла,—отвѣчала Лиза.

Козоваловъ сказалъ злорадно:

— И молодая баронесса не пріѣхала нынче лѣтомъ.

— Почему?—спросила Лиза.

— Боится, что эстонцы разозлятся и станутъ мстить,—объяснилъ Козоваловъ.—Потому и билеты надо брать,—боятся пускать всѣхъ.

— Вовсе не потому, — заспорила Лиза, — прежде всѣхъ пускали, такъ подходили къ самому замку, и всѣ цвѣты обрывали.

— Ну, ужъ ты, спорщица!—сказала Анна Сергѣевна,—всегда все лучше всѣхъ знаешь.

Вечеромъ, встрѣтившись съ Паулемъ Сеппомъ, Лиза спросила его:

— Почему повѣсился этотъ конюхъ? Неужели изъ-за какой-то баронской лошади?

— Да, изъ-за лошади,—отвѣчалъ Пауль Сешъ.

— Но неужели же это правда?—спрашивала Лиза.—Что же съ нимъ могли сдѣлать? Вѣдь мы же не во времена крѣпостного права живемъ!

Пауль Сешъ спокойно отвѣчалъ:

— Управляющій—нѣмецъ.

— Ну такъ что же? — съ удивленіемъ спросила Лиза.

— Нѣмцы народъ аккуратный, не проститъ,—сказалъ Пауль Сешъ.

И ясные глаза его зажглись мгновенною злостью.

IV.

Какъ-то совсѣмъ неожиданно стали говорить, что скоро будетъ война. Съ жадностью читали газеты. Злое нападеніе Австріи на Сербію и явное потворство ей со стороны Германіи раздражали многихъ. Возрастало негодованіе противъ Германіи. Припоминали, что Германія держала уже много лѣтъ всю Европу въ состояніи неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, и заставляла всѣхъ дѣлать чрезмѣрныя усилія для вооруженій. Вскрылась нараставшая въ теченіе долгихъ лѣтъ вражда къ надменнымъ и заносчивымъ пруссакамъ. Уже и мѣстные нотабли, аптекарь и булочникъ (онъ же содержатель пансіона) объявили, что они — не нѣмцы, а эстонцы; до сихъ поръ они это тщательно скрывали.

Появились указы о мобилизаціи, сначала частичной, а потомъ и общей. Дачники читали расклеенныя объявленія, и толковали ихъ, кто какъ умѣлъ.

Вотъ и война объявлена. Въ газетахъ, которыя пришли вечеромъ, было напечатано о германскомъ нагломъ

ультиматумѣ Россіи. А къ ночи Бубенчиковъ, съѣздивъ на велосипедѣ на станцію, привезъ важныя новости. Онъ вошелъ торопливо на закрытую стеклянную террасу дачи Старкиныхъ, гдѣ сидѣли за чайнымъ столомъ Лиза, Анна Сергѣевна и Козоваловъ со своею матерью. Здороваясь, онъ объявилъ испуганно и радостно:

— Германія объявила намъ войну. Францъ-Іосифъ умеръ.

Анна Сергѣевна всплеснула руками, и воскликнула:

— Ну, вотъ, дождались, досидѣли! Ужасъ, ужасъ!

— Нѣмцы, можетъ быть, здѣсь высадятся, — говорилъ Бубенчиковъ,—здѣсь крѣпости нѣтъ, и флота у насъ нѣтъ, они сюда и пойдутъ, и отсюда на Петербургъ.

Говорилъ это, какъ что-то радостное.

— Ужасъ, ужасъ! — повторяла Анна Сергѣевна.— Что же съ нами будетъ?

Козоваловъ говорилъ:

— Нѣтъ, нѣмцы придутъ съ юга, и разрушатъ желѣзную дорогу. А что съ нами будетъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ, кто уцѣлѣетъ отъ непріятельскихъ снарядовъ, тому, надо полагать, нѣмцы ничего особенно-плохого не сдѣлаютъ: народъ культурный.

Лиза не вѣрила ни въ десантъ, ни въ разрушеніе желѣзной дороги. У нея было спокойное и смѣлое сердце чисто-русской дѣвушки. Она любила Россію, и потому вѣрила, что Россія побѣдитъ. Она говорила:

— Нѣмцамъ здѣсь не дадутъ высадиться. И до нашей желѣзной дороги имъ не дойти.

Мать спорила:

— Какъ же не дойдутъ, Лизочка, если изъ Восточной Пруссіи на насъ три арміи двигаются! Вѣдь это во всѣхъ газетахъ написано!

Лиза спокойно возражала:

— Да вѣдь и наши арміи есть!

— Ну, гдѣ же нашимъ!—говорила мать,—нѣмцы сильнѣе, у нихъ всѣ мужчины на войну пошли.

Бубенчиковъ говорилъ:

— Нѣмцы быстротой возьмутъ. Наши не успѣютъ опомниться, какъ уже нѣмцы подойдутъ къ Петербургу. Не даромъ же вокругъ Петербурга окопы роютъ, и всѣ деревья рубятъ.

— Такъ-таки всѣ?—насмѣшливо спросила Лиза.— Зачѣмъ же это?

— Ну, это по военнымъ соображеніямъ, — сказалъ Бубенчиковъ.—Ну, я пойду. Надо нашимъ сказать и Лихутинымъ.

Бубенчиковъ наскоро попрощался со всѣми, и побѣжалъ по дорожкѣ темнаго сада.

— Газета!—досадливо сказала Лиза.

Бубенчиковъ обошелъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Дачники заволновались. До утра ходили по деревнѣ, и сообщали другъ другу нивѣсть откуда пришедшіе слухи, одинъ другого невѣроятнѣе.

На другой день съ утра Анна Сергѣевна говорила о томъ, что надобно поскорѣе уѣхать въ Петербургъ. Лизѣ не хотѣлось. Она говорила:

— Такая хорошая погода! Что мы будемъ дѣлать въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, укладываться и уѣзжать!—съ выраженіемъ растерянности и ужаса на лицѣ говорила Анна Сергѣевна.—Пока еще впускаютъ въ Петербургъ, а потомъ ужъ ни впускать, ни выпускать не станутъ. А если сейчасъ поѣдемъ, такъ успѣемъ еще, дастъ Богъ, и изъ Петербурга уѣхать.

Лиза досадливо спрашивала:

— Куда же еще ѣхать, мама?

Анна Сергѣевна отвѣчала:

— Въ Вологду, въ Нижній, подальше куда-нибудь.

Лиза засмѣялась. Спросила:

— Что же, ты думаешь, они и въ Москву придутъ?

Анна Сергѣевна сказала упавшимъ голосомъ:

— Ахъ, Лизанька, это—только вопросъ времени.

Лиза съ удивленіемъ всмотрѣлась въ испуганное лицо матери. Сказала укоризненно:

— Ну, мама, и трусиха же ты!

Анна Сергѣевна заплакала и сказала:

— Лиза, я не хочу, чтобы прусскій солдатъ меня прикладомъ пришибъ.

Лиза пожала плечами, и подошла къ окну.

Ясное небо, простодушные цвѣты на клумбахъ, невозмутимый миръ высоко-зеленѣющихъ деревьевъ,—ясная, милая жизнь, и влитая въ нее мудрая близость успокоительной, глубокой смерти,—а рядомъ, здѣсь, эта ненужная, жалкая трусость! Какъ странно!

Лиза увидѣла изъ окна проходившаго мимо сада по узкой межѣ за рожью ихъ хозяина. Онъ смирный и добродушный. Любитъ пиво, но никогда не буянитъ. Боится онъ войны или нѣтъ?

Лиза быстро вышла къ нему. Спросила:

— Андрей Иванычъ, вы на войну идете?

Хозяинъ снялъ шляпу, поклонился. Сказалъ:

— Нѣтъ, я—ратникъ, до меня еще не дошла очередь. Безъ меня много народу.

— Андрей Иванычъ, а что, если нѣмцы придутъ?—спросила Лиза.

Толстый, рослый эстонецъ засмѣялся, и сказалъ:

— Мы ихъ сюда не пустимъ. Я возьму ружье, и одинъ сто нѣмцевъ убью.

Лиза закричала матери въ окно:

— Мама, мама, послушай, что онъ говоритъ!

Анна Сергѣевна только махнула рукою.

Когда Лиза вернулась, Анна Сергѣевна ходила по комнатѣ и повторяла:

— Ужасъ, ужасъ! Все равно, здѣсь жить нельзя. Наши или чужіе, все равно, придутъ солдаты, поселятся въ нашей дачѣ, а намъ велятъ уходить.

V.

Пошли гулять передъ вечеромъ,—Лиза съ матерью, молодые люди. Зашли въ эстонскую лавочку, подъ предлогомъ купить Жоржъ-Бормановскаго шоколада. На самомъ же дѣлѣ Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось доказать Лизѣ, что оставаться здѣсь нельзя, потому что всѣхъ лошадей возьмутъ, и у лавочника тоже, и не на чемъ будетъ товары возить, да и до станціи не на чемъ добраться: опоздаешь уѣхать теперь,—сиди и умирай съ голода.

Хитрый эстонецъ лавочникъ, какъ всегда, посмѣивался. Онъ увѣрялъ, что за лошадей даютъ меньше, чѣмъ онѣ ему самому стоили. Лиза не вѣрила.

— Зато, — говорила она,—вамъ ихъ зимой кормить не надо, а весной новыхъ купите.

Эстонецъ говорилъ, хитро посмѣиваясь:

— У кого плохія лошади, тому выгодно, а я потерялъ.

— А товаръ-то есть?—спросила Анна Сергѣевна.

— Теперь есть. Скоро не будетъ,—отвѣчалъ эстонецъ.

Анна Сергѣевна съ торжествомъ поглядѣла на дочь. Бубенчиковъ предлагалъ купить побольше шоколаду:

— Будемъ варить шоколадный супъ.

— Нѣтъ, не надо,—сказалъ Козоваловъ,—у насъ воронъ много, я стрѣлять буду.

Анна Сергѣевна обидѣлась.

— Сами и кушайте, я воронину ѣсть не привыкла.

Выйдя изъ лавочки, читали расклеенныя тутъ же объявленія о мобилизаціи, и комментировали ихъ. Анна Сергѣевна говорила:

— Даже аммуниціи нѣтъ. Просятъ, чтобы съ собою солдатики сапоги приносили. Несчастные люди! Опять будетъ, какъ въ японскую войну.

Лиза сердилась и спорила. Она говорила съ досадою:

— Мама, ты — жена военнаго, а разсуждаешь совсѣмъ, какъ ничего не понимающая.

— Ты много понимаешь!—отвѣчала Анна Сергѣевна обычною стариковскою отповѣдью дѣтямъ.—Ты бы посмотрѣла на запасныхъ, — у нихъ совсѣмъ сумасшедшіе глаза.

— Ну, этого я ни у кого не видѣла,—отвѣчала Лиза.

VI.

Вечеромъ опять сошлись у Старкиныхъ. Говорили только о войнѣ. Кто-то пустилъ слухъ, что призывъ новобранцевъ въ этомъ году будетъ раньше обыкновеннаго, къ восемнадцатому августу; и что отсрочки студентамъ будутъ отмѣнены. Поэтому Бубенчиковъ и Козоваловъ были угнетены,—если это вѣрно, то имъ придется отбывать воинскую повинность не черезъ два года, а нынче.

Воевать молодымъ людямъ не хотѣлось,—Бубенчиковъ слишкомъ любилъ свою молодую и, казалось ему, цѣнную и прекрасную жизнь, а Козоваловъ не любилъ,

чтобы что бы то ни было вокругъ него становилось слишкомъ серьезнымъ.

Козоваловъ говорилъ уныло:

— Я уѣду въ Африку. Тамъ не будетъ войны.

— А я во Францію,—говорилъ Бубенчиковъ,—и перейду во французское подданство.

Лиза досадливо вспыхнула. Закричала:

— И вамъ не стыдно! Вы должны защищать насъ, а думаете сами, гдѣ спрятаться. И вы думаете, что во Франціи васъ не заставятъ воевать?

— Да, и правда!—невесело сказалъ Бубенчиковъ.

Мать Козовалова, полная, веселая дама, сказала добродушно:

— Это они нарочно такъ говорятъ. А если ихъ позовутъ, такъ и они покажутъ себя героями. Не хуже другихъ будутъ сражаться.

Гримасничая и ломаясь, по обыкновенію, Бубенчиковъ спрашивалъ Лизу:

— Такъ вы не совѣтуете мнѣ ѣхать во Францію?

Лиза отвѣчала сердито:

— Да, не совѣтую. Васъ по дорогѣ могутъ взять въ плѣнъ, и разстрѣлять.

— За что же?—дурашливо спрашивалъ Бубенчиковъ.

Анна Сергѣевна сказала сердито:

— Имъ еще надо учиться, поддерживать своихъ матерей. На войнѣ имъ нечего дѣлать.

Бубенчиковъ, обрадовавшись поддержкѣ, нахмурился и сказалъ важно:

— Я о войнѣ и говорить больше не хочу. Я хочу заниматься своими дѣлами, и этого съ меня достаточно.

— Да мы въ герои и не просимся,—сказалъ Козоваловъ.

— И отчего это женщинъ на войну не берутъ!—воскликнула Лиза.—Вѣдь были же въ древности амазонки!

— Была и у насъ дѣвица-кавалеристъ Дурова,—сказала Козовалова.

Анна Сергѣевна съ кислою усмѣшечкою посмотрѣла на Лизу, и сказала:

— Она у меня патріоткой оказалась!

Слова ея были, какъ порицаніе. Козовалова засмѣялась и сказала:

— Сегодня утромъ въ теплыхъ ваннахъ я говорю банщицѣ: Смотрите, Марта, когда придутъ нѣмцы, такъ вы съ ними не очень любезничайте. Она какъ разсердится, бросила шайку, говоритъ: «Да что вы, барыня! Да я ихъ кипяткомъ ошпарю!»

— Ужасъ, ужасъ!—повторяла Анна Сергѣевна.

VII.

Изъ Орго призвали шестнадцать запасныхъ. Былъ призванъ и ухаживающій за Лизою эстонецъ, Пауль Сеппъ. Когда Лиза узнала объ этомъ, ей вдругъ стало какъ-то неловко, почти стыдно того, что она посмѣивалась надъ нимъ. Ей вспомнились его ясные, дѣтски-чистые глаза. Она вдругъ ясно представила себѣ далекое поле битвы,—и онъ, большой, сильный, упадетъ, сраженный вражескою пулею. Бережная, жалостливая нѣжность къ этому, уходящему, поднялась въ ея душѣ. Съ боязливымъ удивленіемъ она думала:

«Онъ меня любитъ. А я,—что жъ я? Прыгала, какъ обезьянка, и смѣялась. Онъ пойдетъ сражаться. Можетъ быть, умретъ. И, когда будетъ ему тяжело, кого онъ вспомнитъ, кому шепнетъ: «прощай, милая»? Вспомнитъ русскую барышню, чужую, далекую».

И такъ грустно стало Лизѣ,—плакать хотѣлось.

Въ тотъ день, когда запаснымъ надобно было итти, утромъ Пауль Сеппъ пришелъ къ Лизѣ прощаться. Лиза смотрѣла на него съ жалостливымъ любопытствомъ. Но глаза его были ясны и смѣлы. Она спросила:

— Пауль, страшно итти на войну?

Пауль улыбнулся и сказалъ:

— Все великое страшно. Но умереть—не страшно. Было бы страшно, если бы я зналъ, что буду бояться въ рѣшительную минуту. Но этого не будетъ, я знаю.

— Какъ вы можете это знать?—спросила Лиза.

— Я себя знаю,—сказалъ Пауль.

Лиза спросила:

— Но вѣдь вы, эстонцы, не хотите войны?

Пауль Сеппъ спокойно отвѣчалъ:

— Кто же ее хочетъ? Но если насъ вызвали, мы будемъ воевать. И мы побѣдимъ. Россія не можетъ не побѣдить.

Лиза хотѣла сказать:

— Вѣдь вы—не русскіе.

Но не рѣшилась или не успѣла. Пауль, какъ бы угадывая ея мысль, сказалъ:

— Мы, эстонцы, очень не любимъ нѣмцевъ. Это—наслѣдственное. Много они здѣсь дѣлали жестокостей.

Лиза говорила:

— Да вѣдь это были здѣшніе нѣмцы, а не германскіе. А германскіе что же вамъ сдѣлали? и вѣдь вы же любите Бетховена и Гете?

— Они всѣ одинаковые,—жестокіе, хитрые, коварные,—сказалъ Пауль.—Съ тѣхъ поръ, какъ они побѣдили французовъ и отняли Эльзасъ и Лотарингію, они точно отравою какою-то опились. И ужъ какъ-будто это не тотъ народъ, изъ котораго вышли Бетховенъ и Гете.

Возьмите хоть то, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ, кромѣ Германіи, нѣтъ закона о двойномъ подданствѣ.

Лиза не знала, что такое двойное подданство. Пауль Сеппъ растолковалъ. Лиза слушала съ удивленіемъ.

— Но вѣдь это—подлый обманъ!—воскликнула она.

Пауль Сеппъ пожалъ плечами.

— Это—германскій законъ,—сказалъ онъ.—Конечно, они считаютъ себя правыми, но намъ трудно стать на ихъ точку зрѣнія. Намъ непонятна ихъ правда, и кажется намъ она ложью. Будемъ надѣяться, что среди нихъ найдутся люди, писатели, рабочіе, которые возвысятъ свой голосъ противъ германскаго безумія.

VIII.

Призванныхъ провожали торжественно. Собралась вся деревня. Говорили рѣчи. Игралъ мѣстный любительскій оркестръ. И дачники почти всѣ пришли. Дачницы принарядились.

Пауль шелъ впереди, и пѣлъ. Глаза его блистали, лицо казалось солнечно-свѣтлымъ,—онъ держалъ шляпу въ рукѣ, — и легкій вѣтерокъ развѣвалъ его свѣтлые кудри. Его обычная мѣшковатость исчезла, и онъ казался очень красивымъ. Такъ выходили нѣкогда въ походъ викинги и ушкуйники. Онъ пѣлъ. Эстонцы съ одушевленіемъ повторяли слова народнаго гимна.

Анна Сергѣевна шла тутъ же, и повторяла тихонько:

— Ужасъ, ужасъ! Вы посмотрите, у нихъ у всѣхъ безумные глаза. Они знаютъ, что ихъ всѣхъ убьютъ.

— Ну, что ты, мама!—возражала Лиза.—Гдѣ ты это видишь? Всѣ они идутъ съ одушевленіемъ. Такой подъемъ духа,—развѣ ты не видишь?

Дошли до лѣска за деревнею. Дачницы стали возвращаться. Призываемые разсаживались на экипажи. Набѣгали тучки. Стало небо хмуриться. Сѣренькіе вихри завивались и бѣжали по дорогѣ, маня и дразня кого-то. Анна Сергѣевна сказала:

— Пойдемъ, Лиза, домой. Ужъ дождь накрапываетъ.

Лиза тихо отвѣтила:

— Подожди, мама.

— Ну, чего тамъ ждать!—досадливо сказала Анна Сергѣевна.—Проводили, утѣшили, сколько могли, и довольно. Пусть останутся одни, поплачутъ, можетъ быть, все-таки легче будетъ.

Лиза засмѣялась и сказала весело:

— Нѣтъ, мама, они не заплачутъ. Они не думаютъ о смерти. А если и думаютъ,—такъ на міру и смерть красна.

Лиза остановила Сеппа:

— Послушайте, Пауль, подойдите ко мнѣ на минутку.

Пауль отошелъ на боковую тропинку. Онъ шелъ рядомъ съ Лизою. Походка его была рѣшительная и твердая, и глаза смѣло глядѣли впередъ. Казалось, что въ душѣ его ритмично бились торжественные звуки воинственной музыки. Лиза смотрѣла на него влюбленными глазами. Онъ сказалъ:

— Ничего не бойтесь, Лиза. Пока мы живы, мы нѣмцевъ далеко не пустимъ. А кто войдетъ въ Россію, тотъ не обрадуется нашему пріему. Чѣмъ больше ихъ войдетъ, тѣмъ меньше ихъ вернется въ Германію.

Вдругъ Лиза очень покраснѣла и сказала:

— Пауль, въ эти дни я васъ полюбила. Я поѣду за вами. Меня возьмутъ въ сестры милосердія. При первой возможности мы повѣнчаемся.

Пауль вспыхнулъ. Онъ наклонился, поцѣловалъ Лизину руку, и повторялъ:

— Милая, милая!

И когда онъ опять посмотрѣлъ въ ея лицо, его ясные глаза были влажны.

Анна Сергѣевна шла на нѣсколько шаговъ сзади, и роптала:

— Какія нѣжности съ эстонцемъ! Онъ Богъ знаетъ что о себѣ вообразитъ. Можете представить,—цѣлуетъ руку, точно рыцарь своей дамѣ!

Бубенчиковъ передразнивалъ походку Пауля Сеппа. Анна Сергѣевна нашла, что очень похоже и очень смѣшно, и засмѣялась. Козоваловъ сардонически улыбался.

Лиза обернулась къ матери, и крикнула:

— Мама, поди сюда!

Она и Пауль Сеппъ остановились у края дороги. У обоихъ были счастливыя, сіяющія лица.

Вмѣстѣ съ Анною Сергѣевною подошли Козоваловъ и Бубенчиковъ. Козоваловъ сказалъ на ухо Аннѣ Сергѣевнѣ:

— А нашему эстонцу очень къ лицу воинственное воодушевленіе. Смотрите, какой красавецъ, точно рыцарь Парсифаль.

Анна Сергѣевна съ досадою проворчала:

— Ну ужъ красавецъ! Ну, что, Лизанька?—спросила она у дочери.

Лиза сказала, радостно улыбаясь:

— Вотъ мой женихъ, мамочка.

Анна Сергѣевна въ ужасѣ перекрестилась. Воскликнула:

— Лиза, побойся Бога! Что ты говоришь!

Лиза говорила съ гордостью:

— Онъ—защитникъ отечества.

Анна Сергѣевна растерянно смотрѣла то на Пауля, то на Лизу. Не знала, что сказать. Придумала наконецъ:

— Такое ли теперь время? Объ этомъ ли ему надо думать?

Бубенчиковъ и Козоваловъ насмѣшливо улыбались. Пауль горделиво выпрямился и сказалъ:

— Анна Сергѣевна, я не хочу пользоваться минутнымъ порывомъ вашей дочери. Она свободна, но я никогда въ моей жизни не забуду этой минуты.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричала Лиза,—милый Пауль, я люблю тебя, я хочу быть твоею!

Она бросилась къ нему на шею, обняла его крѣпко, и зарыдала. Анна Сергѣевна восклицала:

— Ужасъ, ужасъ! Но вѣдь это же—чистая психопатія!

ОБРУЧАЛЬНОЕ.

ОБРУЧАЛЬНОЕ.

Мама и Сережа долго спорили.

— Всѣ наши знакомыя дамы такъ сдѣлали,—говорила мама.—И я такъ сдѣлаю.

— Нѣтъ, мама,—возражалъ Сережа,—ты такъ не должна дѣлать.

— Почему я не должна, если другія дѣлаютъ?—спрашивала мама.

— Онѣ не хорошо дѣлаютъ,—спорилъ Сережа,—и я не хочу, чтобы ты это сдѣлала.

— Да это—не твое дѣло, Сережа!—говорила мама, досадливо краснѣя.

Тогда Сережа принимался плакать. Мама стыдила:

— Четырнадцатилѣтній мальчикъ, а плачешь, какъ совсѣмъ маленькій.

И такъ продолжалось нѣсколько дней,—все изъ-за кольца обручальнаго. Мама хотѣла его пожертвовать въ пользу раненыхъ. Говорила Сережѣ:

— Такъ всѣ дѣлаютъ. Изъ этаго большія деньги можно собрать.

Сережа настойчиво требовалъ, чтобы его мама такъ не дѣлала.

— Папа сражается, а ты его кольцо отдашь!—кричалъ онъ.

— Пойми, для раненыхъ,—уговаривала мать.

— Отдай что-нибудь другое, а не кольцо обручальное,—говорилъ Сережа.—Деньгами дай.

Мать пожимала плечами.

— Сережа, ты знаешь, у насъ не такъ много денегъ. Штабсъ-капитанское жалованье, — на него не раскутишься.

— Не покупай яблоковъ, накопишь побольше, чѣмъ за колечко дадутъ; да и мало ли на чемъ можно сберечь!

Спорили, спорили. Мама почему-то не рѣшалась сдѣлать по-своему, отдать кольцо,—ужъ очень горящими глазами смотрѣлъ на нее Сережа, когда объ этомъ заходила рѣчь.

Каждый разъ, когда мама уходила, Сережа рѣшительно говорилъ ей:

— Мама, безъ кольца не смѣй приходить.

Наконецъ, рѣшили написать отцу,—какъ онъ скажетъ, такъ и сдѣлать. Мама написала, а Сережа въ своемъ письмѣ отцу ничего о кольцѣ не писалъ: что-то скажетъ самъ папа?

Перестали спорить. Но Сережа все посматривалъ на мамины руки. Изъ гимназіи придетъ,—къ мамѣ: блеститъ колечко? блеститъ,—и успокоится Сережа. Мама откуда-нибудь вернется, Сережа бѣжитъ къ ней навстрѣчу, нетерпѣливо смотритъ, какъ мама снимаетъ перчатки: блеститъ колечко? блеститъ,—и успокоится Сережа.

Прошло нѣсколько дней, пришли отвѣты изъ арміи отъ Сережина отца, и Сережѣ, и мамѣ. Почтальонъ принесъ письма вечеромъ, когда сидѣла мама съ Сережею за чаемъ. Сережа свое письмо распечаталъ, а читать не можетъ: сердце бьется отъ нетерпѣнія узнать, что въ

томъ письмѣ написано, которое мама читаетъ. Мама письмо прочла, обрадовалась, улыбнулась.

— Папа согласенъ.

Покраснѣлъ Сережа, стоитъ передъ мамою потупясь.

— Вотъ, читай самъ,—говоритъ мама.

Сережа читаетъ:

«Насчетъ кольца дѣлай, какъ хочешь. Дѣло, конечно, не въ кольцѣ, я знаю, что ты меня любишь, ты обо мнѣ тоже знаешь, а все остальное—ерунда, не суть важно».

И дальше о другомъ.

Сережа прочелъ, улыбнулся. Спросилъ:

— Тебѣ, мама, этого достаточно?

Мама слегка повела плечомъ, сказала:

— Ну вотъ видишь, папа согласенъ.

— А ты, мама, умѣешь между строчекъ читать?—спросилъ Сережа.—Невесело было папѣ тебѣ такъ писать о колечкѣ. Онъ свое носитъ, не снимаетъ.

Посмотрѣлъ Сережа на маму внимательно. Мама покраснѣла, но все-таки спорила:

— Да вѣдь согласился же папа!

— Мама, пойми,—убѣждающимъ голосомъ говорилъ Сережа,—вѣдь если и кольцо, и всякая памятная вещь—ерунда, не суть важно, то подумай, что же въ душѣ-то у человѣка должно быть! Милая была вещичка, памятная, — ерунда! Хорошій былъ соборъ въ Реймсѣ, — не суть важно!

— Сережа,—строго сказала мама,—нельзя сравнивать: тамъ всенародная святыня, много поколѣній...

— Мама!—воскликнулъ Сережа, перебивая ее,—то для всѣхъ свято, а это свято только для насъ, но свято, свято! Если въ каждомъ домѣ нѣтъ святого, завѣтнаго, такъ какъ же оно для всего народа выраститъ, изъ чего?

Все—ерунда, не суть важно,—изъ чего же большое, великое накопится! Ты думаешь, когда папа это писалъ, что онъ чувствовалъ?

— Что чувствовалъ!—нерѣшительно сказала мама. —Чувствовалъ, что я для раненыхъ...

— Нѣтъ, мама,—горячо говорилъ Сережа,—очень ему горько было. Шутливыя слова писалъ нарочно, чтобы не показать тебѣ, и другимъ не показать. Пойдетъ въ сраженіе, подумаетъ: ну, что жъ, у вдовы моего колечка не будетъ, кто-нибудь надѣнетъ ей на пальчикъ другое.

Мама вскрикнула:

— Сережка, противный, не смѣй такъ говорить!

И заплакала горько. Сережа стоялъ передъ нею на колѣняхъ, цѣловалъ ея руку,—гдѣ еще блестѣло обручальное,—и говорилъ:

— Мама, милая, мы сбережемъ для раненыхъ на другомъ. Можно вмѣсто бѣлаго хлѣба ѣсть черный, не покупай мнѣ новыхъ башмаковъ, я дома босикомъ ходить буду; можно мало ли какой расходъ сократить, но колечка не смѣй отдавать.

— Хорошо, не отдамъ,—тихо сказала мама.—Только о раненыхъ надо же подумать?

— Подумаемъ, мама,—весело сказалъ Сережа.

Сберегли колечко для себя, сберегли для раненыхъ на другомъ. Мама съ Сережею сильно сократили всѣ свои расходы, и каждый мѣсяцъ удавалось имъ не мало отдавать на раненыхъ. Маленькая, домашняя святыня теплилась на маминой рукѣ, радовала Сережу, и утѣшала его за маленькія лишенія. Въ уютѣ милыхъ комнатъ босыя Сережины ноги свѣтились, какъ восковыя свѣчи, и радовали маму.

А отцу мама и Сережа написали въ тотъ же вечеръ, что съ колечкомъ передумали и не отдадутъ его ни за что.

ТАНИНЪ РИЧАРДЪ.

ТАНИНЪ РИЧАРДЪ.

Было раннее утро въ началѣ августа. Таня Горная, молоденькая дочь полковника, проснулась радостная и счастливая. Ей было стыдно, что она такъ радостна,— ея отецъ и оба брата ушли на войну, и мама каждый день плакала, а обѣ старшія сестры ходили съ грустными и озабоченными лицами. Но Таня знала почему-то, что отецъ и братья вернутся благополучно и что ее самоё ждетъ большое счастье. Знала она это по тому особенному чутью къ будущему, которое жило въ ней съ дѣтства и никогда не обманывало ее. Сестры смѣялись иногда надъ ея предвѣщательными снами, и она избѣгала разсказывать о нихъ.

Сегодня уже подъ утро Танѣ приснился свѣтлый, лучистый сонъ. Въ озареніи необычайнаго свѣта предсталъ предъ нею воинъ въ блистающихъ латахъ, съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ. У воина этого было лицо ея молодого друга, англичанина Ричарда Тайта. Воинъ приблизился къ ней, и сказалъ:

— Ничего не бойся, Таня.

— Я ничего не боюсь,—отвѣтила ему во снѣ Таня.

Она привыкла къ постояннымъ спорамъ съ Ричардомъ, и потому и теперь не могла удержаться отъ того, чтобы не возразить на слова невѣдомаго воина, похожаго на Ричарда. Но, сразу же вспомнивъ, что это—воинъ, а не инженеръ Ричардъ, и что онъ только похожъ на Ричарда, и, догадавшись, что онъ посланъ возвѣстить ей нѣчто, она застыдилась того, что споритъ, и стала на колѣни передъ свѣтлымъ воиномъ. Тогда воинъ, ласково улыбаясь ей, сказалъ:

— Мы побѣдимъ, и я принесу тебѣ великую радость.

И на этомъ Таня проснулась и увидѣла въ незанавѣшенномъ окнѣ своей спальни еще совсѣмъ низкое солнце.

Танѣ стало радостно. Она проворно одѣлась, заплела свои косы, и вышла босая въ садъ. Щеки ея горѣли, и ей весело было чувствовать, что она сильная и здоровая. Весело вспомнились вчерашнія нянины слова:

— Какъ ни молись, Танечка, а въ монастырь тебя не возьмутъ. Ты что больше молишься, то толще дѣлаешься.

Таня весело подумала:

«Богъ меня любитъ, посылаетъ мнѣ здоровье».

И вдругъ опять ей стало стыдно этой хвастливой мысли. Она закрыла ярко-покраснѣвшее лицо полными загорѣлыми руками, стала на песокъ дорожки голыми колѣнями и молилась.

Уже она хотѣла подняться съ колѣнъ, какъ вдругъ подумала, что мысли ея о только что увидѣнномъ снѣ были грѣшныя. Грѣшными въ нихъ было то, что лицо свѣтлаго воина показалось ей похожимъ на лицо Ричарда. Она опять закрыла лицо руками, и молилась долго.

Когда она встала и пошла по сырымъ еще пескамъ дорожекъ къ садовой рѣшеткѣ, чтобы смотрѣть на ши-

рокую тамъ, далеко внизу, рѣку, ей все же было весело и радостно, и лицо Ричарда припоминалось ей. И уже она не упрекала себя за это.

«Что жъ такое!—думала она.—Вѣдь я же его не люблю. А если онъ любитъ быть со мною, то это, можетъ быть, потому, что онъ любитъ спорить и дразнить меня, а я должна это терпѣть. Можетъ быть, потому у дивнаго воина было Ричардово лицо, чтобы дать мнѣ понять, что я не должна такъ много съ нимъ спорить и такъ отстаивать правоту моей вѣры. Кротостью и смиреніемъ я скорѣе достигну того, что онъ меня пойметъ,—вѣдь онъ очень добрый и милый человѣкъ».

Никого не было въ саду, и по дорогѣ за рѣшеткою никто еще не шелъ. Таня стояла долго, и уже легкая дрема упала на ея глаза. И вдругъ за рѣшоткою сада послышались быстрые, увѣренные шаги, скрипнула калитка,—и, похожій на видѣніе утренняго сна, въ свѣтлой лѣтней одеждѣ, передъ Танею сталъ, весело улыбаясь, Ричардъ.

— О, какъ вы рано сегодня встали!—сказала Таня, протягивая ему руку.

— Какъ всегда, милая Таня, раньше васъ,—отвѣчалъ Ричардъ.

— Ну,—начала было Таня спорить, но вспомнила свои недавнія мысли, стала еще румянѣе и засмѣялась.

— Что вамъ сегодня снилось?—спросилъ Ричардъ.

«Хочетъ надо мной посмѣяться?—подумала Таня.—Ну и пусть смѣется».

Но, всмотрѣвшись въ его лицо, Таня увидѣла на немъ необыкновенное выраженіе серьезности и значительности. Сердце ея предвѣщательно забилось, и она почувствовала, что голосъ ея звенитъ трепетно, когда она говорила:

— Представьте себѣ, Ричардъ, я видѣла во снѣ васъ, въ свѣтлой одеждѣ, въ одеждѣ воина.

Ричардъ и не думалъ засмѣяться. Онъ смотрѣлъ на Таню очень удивленными глазами.

— Таня,—сказалъ онъ,—вы видите удивительные сны.—Я вѣдь затѣмъ и пришелъ къ вамъ, чтобы разсказать вамъ новость,—я поступилъ добровольцемъ въ русскую армію.

Таня задрожала.

— Вамъ холодно?—участливо спросилъ онъ.

Она молча покачала головою. Сердце ея билось больно и тревожно. Она разсказала Ричарду, что сказалъ ей свѣтлый воинъ ея сна.

— Таня,—спросилъ Ричардъ, нѣжно заглядывая въ ея глаза,—а больше ничего онъ вамъ не сказалъ?

— Нѣтъ, ничего,—тихо отвѣчала Таня.

Страшно, стыдно и сладко стало. Знала, что онъ сейчасъ скажетъ ей.

— Не сказалъ, что я васъ люблю?—опять спросилъ Ричардъ.

Танѣ стало вдругъ весело. Еще стыдящимися глазами она посмотрѣла на него, какъ смотрятъ на солнце, со страхомъ и съ радостью, и сказала:

— Ричардъ, мнѣ этого не надо говорить,—я это сама знаю.

Ричардъ покраснѣлъ. Взволнованнымъ голосомъ,—первый разъ такой голосъ слышала Таня у своего обычно флегматичнаго друга,—онъ спросилъ:

— А вы, Таня?

Она опустила глаза. Тихо, тихо сказала:

— А развѣ это надобно говорить?

И сказала громко и смѣло:

— Ричардъ, мое сердце меня еще никогда не обма-

нывало. Я вѣрю въ Бога, и молюсь Ему, и Богъ ко мнѣ милостивъ,—я знаю, что ты вернешься ко мнѣ, что тебя не убьютъ.

И вдругъ застыдилась, закрыла лицо локтемъ милой руки, подражая стыдливому движенію деревенской дѣвушки.

«Что же это я говорю?»—подумала она.

И только теперь поняла, какъ взволнована и обрадована ея душа тѣмъ, что ея милый спорщикъ Ричардъ захотѣлъ сражаться за Россію, которую она такъ богомольно любитъ. Обрадована ея душа, и словно развязана, и теперь она смѣетъ и хочетъ его любить.

Смѣясь и плача,—не отъ горя, отъ высокой радости,—она почувствовала на своемъ жаркомъ локтѣ его сильную руку. Сопротивлялась было, да недолго,—какъ она ни сильна, а онъ все-таки сильнѣе, отвелъ ея локоть, прямо въ радостные ея глаза смотритъ.

Таня засмѣялась, протянула ему руку.

— Желаю тебѣ счастливаго пути и успѣховъ,—сказала она, и сильно пожала его руку.

— Таня, а развѣ ты меня не поцѣлуешь?—спросилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

Она обвила его шею руками, заплакала разнѣженно и счастливо, и цѣловала долго, долго. Безъ конца цѣловала бы, да послышались на ближнихъ дорожкахъ голоса и шаги сестеръ.

ТРИ ЛАМПАДЫ.

ТРИ ЛАМПАДЫ.

Съ тѣхъ поръ, какъ полковникъ Косоуровъ уѣхалъ на войну, въ квартирѣ Косоуровыхъ теплились каждый день три лампады. Теплились онѣ съ утра, а къ вечеру опять подливалось масло, такъ чтобы всю ночь лампады не гасли.

Первая лампада теплилась въ спальнѣ вдовы генеральши Анны Павловны Косоуровой, передъ темнымъ ликомъ Николы Угодника. У генеральши на войнѣ былъ сынъ; онъ былъ еще молодъ, но дѣлалъ хорошую карьеру, довольно рано получилъ полкъ, а теперь на войнѣ нерѣдко бывалъ въ опасныхъ сраженіяхъ, и скоро долженъ былъ получить генеральскій чинъ и бригаду.

Генеральша вставала рано, долго и старательно выполняла всѣ домашніе обряды, а послѣ завтрака выѣзжала, сначала въ лазаретъ, потомъ въ попечительство, потомъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, чтобы не порывать давно налаженныхъ хорошихъ связей и отношеній. Что бы она ни дѣлала, она всегда думала о сынѣ, о томъ, что онъ въ опасности, что его могутъ убить. И потому на

ея красивомъ и умномъ лицѣ еще не старой женщины лежала печать особой значительности, которая заставляла всѣхъ ея знакомыхъ обращаться съ нею еще почтительнѣе, чѣмъ всегда.

Двойное чувство горѣло въ ней: скорбный страхъ за нѣжно любимаго сына и великая гордость матери, сынъ которой совершаетъ подвиги. Если бы ей пришлось надѣть трауръ, ея горе было бы неутѣшно, но оно достойно и прекрасно наполнило бы остатокъ ея дней. У нея въ жизни было достаточно счастія и въ мѣру горя. Вся ея жизнь, въ мѣру трудная и въ мѣру радостная, научила ея мудрому, величавому спокойствію.

Въ первый же день, проводивъ на вокзалъ сына, она призвала горничную Дашу, и дала ей обстоятельныя наставленія, когда и какъ теплить лампаду, какъ слѣдить за тѣмъ, чтобы огонь свѣтился ни слишкомъ ярко, ни слишкомъ слабо, и чтобы онъ никогда не погасалъ.

— Понимаешь, Даша,—негасимая лампада.

Горничная Даша, пожилая степенная дѣвица, сильная, какъ деревенская баба, и вышколенная долголѣтнею службою въ генеральскомъ домѣ, выслушала и запомнила твердо все, что генеральша ей говорила. Она знала, что генеральшу нельзя не слушаться, и что она не любитъ повторять одно и то же дважды. Даша заботилась о генеральшиной лампадѣ добросовѣстно, и каждый разъ, подливая въ нее масло, клала передъ темнымъ ликомъ строгаго Угодника три земные поклона,— каждый разъ съ чувствомъ своего недостоинства вспоминая свое бурное прошлое.

Генеральша молилась передъ своею лампадою съ тихою и смиренною надеждою,—Милостивый Богъ, быть можетъ до конца будетъ милостивъ къ ней, и вернетъ ей сына.

Жена полковника Косоурова, Евгенія Алексѣевна, теплила вторую лампаду, передъ образомъ Спасителя, серебряная риза котораго блистала надъ двумя кроватями, ея и мужа, на стѣнѣ посрединѣ. День Евгенія Алексѣевна проводила внѣшне такъ же, какъ и ея свекровь, но вся душа ея была возмущена страхомъ и тоскою. По ночамъ она долго не могла заснуть, плакала и молилась. Днемъ она старалась прилѣпиться къ кому-нибудь, чаще всего къ старой генеральшѣ, чтобы хоть немного заглушить свою тоску, отогнать свой страхъ. Но стоило ей остаться одной, чтобы слезы неудержимо лились изъ ея глазъ. Только бесѣды съ дочерью Валентиною утѣшали ее, и послѣ нихъ было на время легко и сладостно.

За ея лампадою ходила тоже Даша. Но Евгенія Алексѣевна не довѣряла ей, постоянно ходила смотрѣть, не убываетъ ли масло, и часто звала Дашу поправлять огонь.

— Даша,—говорила она,—никакъ ты забыла сегодня о моей лампадкѣ? Мамочкину хорошо заправляешь, а мою какъ-нибудь.

— Простите, барыня,—степенно говорила Даша,—я вашу лампадку никогда не забывала, и она въ полной исправности. А если вы безпокоитесь, то я сейчасъ прибавлю масла,—мнѣ не въ трудъ.

Шла за масломъ, и сердито ворчала про себя:

— Нагрѣшишь только съ вами.

Валентинина лампада ясно и ровно горѣла передъ иконою Божіей Матери Скоропослушницы. Валентина зажигала ее сама, и даже сама на свои деньги покупала для нея масло. Дашѣ не нравилась такая самостоятельность барышни. Даша каждый день поглядывала на Валентинину лампадку съ тайною надеждою увидѣть, что барышня забыла подумать о маслѣ или о фитилѣ. Но

ясно и ровно горѣлъ огонь передъ кроткимъ ликомъ Скоропослушницы, и Даша думала завистливо, что ей такъ не заправить лампадокъ, какъ заправляетъ барышня. А если Даша замѣтитъ, что масла въ бутылкѣ остается ужъ очень мало, она говорила Валѣ:

— Забыла про масло, молитвенница. Дала бы мнѣ покупать масло, исправнѣе было бы.

Валя краснѣла и говорила:

— Спасибо, Даша, что напомнила.

И вынимала изъ кошелечка монеты на масло.

У Валентины въ арміи было двое, отецъ и женихъ, но Валентина не боялась ни за одного, ни за другого.

Валентина была веселая и здоровая дѣвушка. Ей мила была дружба стихій, она любила обжигающіе поцѣлуи небеснаго Змія-Солнца, и буйное вѣяніе морского вѣтра, и объятія ледяной холодной воды, и суровыя ощущенія земныхъ глинъ и песковъ подъ ногами. Она любила свое тѣло въ движеніи, въ работѣ, въ милыхъ ощущеніяхъ дружескихъ стихій, и любила свою мысль, вѣчно дѣятельную и что-нибудь придумывающую. И очень любила молиться. Скоропослушница, юная и прекрасная, увѣнчанная жемчужною короною, смотрѣла на нее благостно, и Младенецъ на ея рукахъ сидѣлъ прямой и спокойный, Господь бодрыхъ и неунывающихъ.

Валентина знала, что все будетъ къ лучшему, надобно только предаться волѣ Господней. Въ ней была увѣренность, что и отецъ и женихъ вернутся къ ней,—но она не смѣла предаваться этой увѣренности, потому что будущее въ рукахъ Господнихъ, и Богъ не хочетъ, чтобы люди думали о будущемъ и знали. Эту увѣренность въ благополучномъ возвращеніи милыхъ Валентина таила отъ самой себя въ глубинѣ души, но отъ этой увѣренности ей было всегда спокойно и радостно. И еще она

знала, что надобно имѣть непрерывное молитвенное общенiе съ Богомъ,—надобно, чтобы душа всегда открыта была передъ Господомъ, и тогда молитва ея будетъ хранить ея милыхъ, такъ что если Господь и пошлетъ ангела брани по ихъ души, то все же смерть ихъ будетъ легка и непостыдна, и легка-легка будетъ ея скорбь. И она плакала, молясь, но въ слезахъ ея была радость.

Она одна изъ трехъ была всегда ясна, терпѣлива, и всегда спокойно поддерживала домашнiй порядокъ, и заботилась о матери и о бабушкѣ. Ея ясное спокойствiе всегда успокаивало и утѣшало ту и другую, и когда матери или бабушкѣ было очень грустно, онѣ звали къ себѣ Валю, или чаще сами приходили посидѣть съ нею, посмотрѣть на ясный и ровный, молитвенный огонь лампады передъ благостными взорами Скоропослушницы.

Вечеромъ, помолившись со слезами передъ своими лампадами, мать и бабушка ложились спать. Бабушка засыпала скоро, мать долго плакала, Валя приходила утѣшать ее. Иногда мать и въ самомъ дѣлѣ утѣшалась и засыпала, иногда притворялась, что засыпаетъ, и отсылала Валентину спать. Валентина шла къ себѣ, раздѣвалась и становилась на колѣни передъ Скоропослушницею,—молиться.

Наступалъ лучшiй, блаженный часъ ея жизни. Не отрывая тихо-мерцающаго взора отъ нѣжнаго лика вѣчно-юной Скоропослушницы, она шептала слова съ дѣтства знакомыхъ и всегда волнующихъ молитвъ. Ея бѣлая сорочка казалась торжественнымъ одѣянiемъ, эмблемою горней чистоты. Ея обнаженныя ноги смиренно лежали на свѣтло-синемъ коврикѣ, какъ ноги молящагося на небесахъ свѣтлаго существа. Она поднимала руки къ благостному лику, и всѣмъ тѣломъ тянулась къ нему, и улыбалась, и плакала.

Вдругъ вспоминала она:

«Мама спитъ ли? Пожалуй, опять плачетъ».

Она вставала съ колѣнъ и тихо шла къ матери. Почти всегда Валентина заставала мать плачущею горько. Валентина садилась къ ней на постель, и говорила ей утѣшныя слова. И унимались слезы, и утихала скорбь. Говорила мать:

— Валечка, иди, спи. Что ты босикомъ ходишь по холодному полу! еще простудишься.

— Пріучена, мамочка,—отвѣчала Валя.

Мать улыбалась.

— Ты у меня сильная и крѣпкая, Валечка,—говорила она.—Безъ тебя мы съ мамочкой совсѣмъ бы отъ слезъ истаяли. Ты и молишься за насъ, ты и утѣшаешь насъ.

— Спи, мама, спи,—говорила Валентина.

Дожидалась Валя, что мама заснетъ, крестила ее неторопливымъ движеніемъ стройной руки, и шла опять къ себѣ. И опять молилась, и поднимала руки, и всѣмъ тѣломъ тянулась къ пресвѣтлому лику, предаваясь на волю Господню. Иногда и засыпала тутъ же, свернувшись свѣтлымъ комочкомъ подъ образомъ.

Горничная Даша спала чутко. Комната Валина была рядомъ съ людскою. Всегда около двухъ часовъ ночи Даша просыпалась и шла взглянуть, спитъ ли барышня. Если Валя стояла еще на колѣняхъ, Даша подходила къ ней, молча брала ее за руку, и вела къ постели. Валентина не спорила, знала, что Даша непремѣнно уложитъ ее. Иногда думала:

«Уйдетъ Даша, уснетъ, я еще помолюсь».

Но едва голова ея касалась подушки, какъ Валентина засыпала безмятежно-спокойнымъ сномъ.

Если Валя лежала бѣлымъ комочкомъ подъ образомъ, Даша пыталась поднять ее. Иногда Валя просыпа-

лась и шла спать. Иногда же, усталая за день, Валя продолжала спать. Тогда Даша, сердито ворча, трясла Валю за плечо, а иногда, если это не помогало, то она сильно рабочею рукою шлепала Валентину по крѣпкому тѣлу. Тогда Валентина, не открывая глазъ, поднималась и шла къ постели.

Ясно и ровно горѣлъ надъ ея постелью огонь лампады, и Скоропослушница благостно улыбалась и ясно засыпающей дѣвушкѣ, и ея усердной служанкѣ. Даша крестилась на образъ, клала передъ нимъ земной поклонъ, и уходила къ себѣ.

Три лампады теплились передъ тремя иконами, и три ангела-хранителя бодрствовали надъ тремя изголовьями, навѣвая на спящихъ утѣшающіе сны.

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ.

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ.

I.

Вѣра Липинская весь день чувствовала какую-то неопредѣленную тревогу, тягостную тоску, и эти ощущенія тоски и тревоги все усиливались и не давали ей ничѣмъ заняться. Весь день она была на людяхъ, какъ и всю эту недѣлю. Такъ случилось, что ужъ больше недѣли каждый вечеръ она куда-нибудь выѣзжала, и потому этотъ вечеръ она хотѣла провести дома, почитать. Но безпокойство и тоска такъ томили ее, что она и сегодня рѣшилась куда-нибудь уйти. Вѣра вспомнила, что старшая сестра ея, Надежда, звала ее сегодня на вечеръ къ Незнаевымъ. Вѣра отказалась ѣхать, но послѣ обѣда передумала.

Она вошла къ сестрѣ, когда та уже одѣлась на вечеръ и внимательно смотрѣла въ зеркало, соображая, прибавить ли губной помады или пудры. Ей пріятно было смотрѣться въ зеркало,—она была румяная, веселая, и знала, что сегодня за нею будетъ ухаживать адвокатъ Кадымовъ, будетъ наливать ей за ужиномъ вино и гово-

рить забавные комплименты. Полныя, пріоткрытыя Надеждины плечи почему-то были досадны Вѣрѣ, и она уже опять хотѣла передумать и остаться. Но сейчасъ же тоска больно схватила ее за сердце.

— И я поѣду съ тобой,—сказала Вѣра.

Надежда весело улыбнулась. Вдвоемъ пріятнѣе ѣхать, чѣмъ одной, туда. А обратно ей не захотѣлось, чтобы Кадымовъ провожалъ ее. Все-таки не надо, чтобы онъ слишкомъ много воображалъ о себѣ.

— И отлично, развлечешься,—сказала Надежда.

Бросила на Вѣру быстрый взглядъ. Сказала:

— Ты сегодня что-то очень блѣдна. Будешь переодѣваться?

— Нѣтъ,—сказала Вѣра.

— Какъ хочешь,—сказала Надежда,—только въ этомъ черномъ ты кажешься очень блѣдной.

— Ну и пусть,—упрямо говорила Вѣра.

— Какъ хочешь,—повторила Надежда.—Что-то ты сегодня неспокойна. Ну, ничего, дастъ Богъ, все обойдется хорошо, и твой Сергѣй Николаевичъ вернется благополучно.

— Я ничего не думаю,—тихо сказала Вѣра.—Я только молюсь. А если убьютъ,—надо же кому-нибудь.

Губы ея дрогнули. Она съ трудомъ удерживалась отъ слезъ. Надежда весело говорила:

— Бери примѣръ съ меня,—мой Володя тоже на войнѣ, а я носа не вѣшаю.

Вѣра засмѣялась невесело.

— Твой мужъ въ штабѣ, мой женихъ въ строю. Разница!

— Ну, не такая ужъ большая,—беззаботно сказала Надежда.

II.

Вечеромъ было весело и шумно. Много разговаривали, передавали разные неожиданные слухи, спорили, больше о войнѣ, о нашихъ интеллигентскихъ отношеніяхъ къ ней. Потомъ дочь Незнаевыхъ пропѣла нѣсколько романсовъ. Потомъ молодой человѣкъ съ длинными и прямыми волосами сыгралъ нѣсколько пьесъ Скрябина. Потомъ опять спорили.

Многіе уже ушли, а Вѣра и Надежда оставались до самаго поздняго часа. Спорили, спорили. О войнѣ, о культурѣ, о достоинствахъ германцевъ и о недостаткахъ русскихъ. Одни говорили, что надобно побѣдить внѣшняго врага, другіе говорили, что еще болѣе необходимо измѣнить то, что въ нашихъ порядкахъ осталось нехорошаго. Какъ всегда, люди неискренніе и слабые восклицали, восторгались и негодовали, а люди искренніе и сильные старались разобраться въ томъ, чего намъ не достаетъ. Какъ всегда, холодные эгоисты казались пламенными патріотами, и произносили красивыя слова.

Вѣра принимала горячее участіе въ спорахъ.

— Четыре мѣсяца прошло,—говорила она,—пора и разобраться во многомъ.

Былъ уже пятый часъ утра, почти всѣ гости ушли. Вѣра вдругъ почувствовала страшный приступъ тоски и слабости. Синій цвѣтъ обоевъ и мебели прокинулся въ ея глазахъ фіолетовымъ дымомъ, и лица гостей мерцали зеленовато-палевыми пятнами.

Точно кто-то сказалъ Вѣрѣ:

«Тебѣ-то что до всего этого, до этихъ споровъ и разговоровъ? Русскіе, германцы,—что тебѣ? Развѣ ты забыла о миломъ своемъ?»

И вдругъ темный глубинный голосъ сказалъ ей, что милый ея раненъ. Вѣра не повѣрила, но страшно поблѣднѣла и стала собираться домой.

Хозяйка, молодая, полная дама, наклоняя къ Вѣрѣ слишкомъ крупные на бѣломъ лицѣ синіе глаза, откуда полились на Вѣру фіалковые блестки, участливо спрашивала:

— Что съ вами? Вы такъ вдругъ поблѣднѣли.

Вѣра говорила что-то поблѣднѣвшими губами,—а что именно, и сама не помнила. Собрала всю себя, кое-какъ прогнала фіолетовые дымы. Надежда говорила:

— У тебя голова кружится. Поѣдемъ домой.

III.

Вѣринъ женихъ, поручикъ Сергѣй Николаевичъ Блатовъ, былъ ея женихомъ не потому, что былъ влюбленъ въ нее: онъ почти никогда не говорилъ Вѣрѣ о своей любви, ни въ чемъ ни увѣрялъ ее, и не давалъ ей никакихъ обѣщаній. И она не казалась безмѣрно влюбленною въ него. Они сошлись только потому, что на землѣ не было для него болѣе близкаго по душевному строю человѣка, чѣмъ Вѣра, и потому, что на землѣ не было для нея болѣе по душевному строю близкаго человѣка, чѣмъ Сергѣй.

Оставаясь наединѣ, они не торопились наговориться. Они улыбались другъ другу, и смотрѣли другъ на друга, и держали другъ друга за руки, и словно невидимый токъ переливался отъ нея къ нему и отъ него къ ней.

Они молчали иногда подолгу, но имъ казалось, что они думаютъ объ одномъ и томъ же. Когда кто-нибудь изъ нихъ начиналъ говорить, это всегда было какъ бы отвѣтомъ на мысли другого. Ихъ даже не удивляло, что они могли читать мысли другъ у друга,—такое сліяніе душъ казалось имъ совершенно естественнымъ.

Случалось, что онъ, приходя утромъ въ домъ Липинскихъ, разсказывалъ Вѣрѣ, что съ нею вчера случилось. И Вѣру не удивляло, что онъ говоритъ о ея дѣлахъ, мысляхъ, надеждахъ и мечтаніяхъ, словно читаетъ въ ея душѣ, какъ въ открытой книгѣ. Вѣдь и она такъ же свободно читала въ его душѣ.

IV.

Вѣра ѣхала на извозчикѣ, и краемъ уха слушала оживленную болтовню Надежды, которая перебирала всѣ впечатлѣнія и сенсаціи вечера. Надежда изъ-дѣтства, какъ всѣ мы, была очарована Европою, и была рада тому, что многіе изъ говорившихъ заступались за германцевъ.

Кто-то тихій и темный приникъ къ Вѣрѣ, и ей казалось, что она явственно слышитъ тихія слова:

«Тебѣ-то что до всѣхъ этихъ разговоровъ? Милый твой тяжко раненъ. Онъ умираетъ, а ты болтаешь и не хочешь удержать его на этой милой землѣ».

Вѣра вздрогнула, осмотрѣлась. Никого. Только оживленный Надеждинъ говоръ слышится.

— Да что съ тобой?—спросила Надежда.—Ты дрожишь? Тебѣ холодно? Ты простудилась?

— Нѣтъ,—сказала Вѣра,—спать хочется, только.

Но, какъ всегда, не слушая отвѣта, Надежда быстро говорила:

— Какъ только пріѣдемъ домой, примешь хинину. Если такъ плохо себя чувствовала, не надо было выѣзжать. Хотя тебѣ, конечно, полезно иногда развлечься,— ты ужъ очень впечатлительна. И надо признаться, сегодня были довольно интересные разговоры. Мнѣ, напримѣръ, очень понравилось, что говорилъ Погорѣльскій.

И опять полилась живая, веселая Надеждина рѣчь. А въ Вѣриномъ сердцѣ была своя тоска, и въ умѣ ея свой вопросъ:

«Воля наша къ жизни такъ ли сильна, чтобы можно была удержать уходящаго?»

V.

Вѣра спала тревожно. Тяжелые сны мучили ее. Ей снился идущій гдѣ-то на далекой галиційской желѣзной дорогѣ слабоосвѣщенный вагонъ съ ранеными. Кто-то стоналъ, кто-то бредилъ. Какой-то солдатъ, блестя яркими, лихорадочными глазами, худой и желтый, оживленно разсказывалъ стоявшему передъ нимъ чернобородому еврею-санитару о томъ, какъ его ранили.

— Спи, голубчикъ, спи,—уговаривалъ его санитаръ.

Выбѣгалъ на площадку, хватался за голову, дышалъ тяжело и поспѣшно, словно запасаясь воздухомъ, и опять возвращался въ вагонъ.

И вотъ знакомое, милое лицо. Вѣра видитъ Сергѣя. Онъ лежитъ, прикрытый шинелью. Подъ его головою заботливая рука еврея-санитара положила подушку, но подушка измятая и томная. Сергѣевы глаза открыты, но сознаніе въ нихъ только иногда вспыхиваетъ. И тогда онъ чувствуетъ духоту вагона, истому лихорадочной ночи, скрежетъ колесъ и толчки на стыкахъ. Потомъ въ его

сознанiи тупо и медленно вползаетъ боль плохо перевязанной раны. Эта боль возрастаетъ, разгорается, становится остро-жгучею. Онъ стискиваетъ зубы, и невольно, самъ того не замѣчая, стонетъ. Измученное, блѣдное лицо санитара наклоняется надъ нимъ. Чужой голосъ участливо спрашиваетъ его:

— Что съ вами, голубчикъ? Воды не хотите ли выпить?

Сергѣй смотритъ на него мутными глазами, и вдругъ вагонъ, ночь, санитаръ,—все это тонетъ въ какомъ-то морѣ мрака, и боль забыта, и томленiя душной вагонной ночи отошли. Ему снится далекiй, холодный, милый городъ на сѣверѣ, снится Вѣра. Онъ видитъ, какъ она мечется въ тоскѣ на своей постели. Вотъ она встаетъ, подходитъ къ образу, становится на колѣни, молится и плачетъ.

Сергѣю отрадно смотрѣть на бѣлую ризу образа, на слабый огонекъ голубой лампады. Изъ серебрянаго оклада виденъ благостный ликъ Богоматери,—благостный и утѣшающiй, такой далекiй отъ жизни, и такъ утоляющiй всѣ печали. Младенецъ на ея рукахъ, и въ глубокихъ очахъ его обѣщанiя небесныхъ наградъ. Жажда жизни отходитъ,—жить, умереть, не все ли равно?

Говоритъ кто-то тихiй и свѣтлый:

— Ты душу свою отдалъ за другихъ, и развѣ есть на землѣ большая любовь?

Но подъ образомъ, на холодномъ полу, мечется и стонетъ бѣдная дѣвушка. И плачетъ, и молится:

— Я люблю его, люблю. Приснодѣва Марiя, спаси его, сохрани его, верни его мнѣ.

И молится, и плачетъ, и вся тянется къ свѣтлому лику. И уже мутный зимнiй день глядитъ въ окно. Приходитъ старая няня, беретъ Вѣру за руку, и ведетъ ее на постель, приговаривая ласково:

— Спи, голубушка моя, спи.

Снится Вѣрѣ далекій вагонъ. Смутный свѣтъ зимняго утра льется въ узкія вагонныя окна. Сергѣй открываетъ утомленные болью мутные глаза, и смотритъ на нее.

VI.

За завтракомъ Надежда спрашиваетъ:

— Что съ тобою, Вѣра? На тебѣ лица нѣтъ?

Вѣра смотритъ на нее испуганными глазами и говоритъ:

— Ахъ, Надя, я знаю, съ Сергѣемъ что-то случилось.

— Полно, Вѣра, откуда ты это можешь знать? Мы только что получили отъ него письмо,—онъ здоровъ и веселъ.

— Я знаю, что его вчера тяжело ранили.

— Вѣра, если его ранили вчера, то объ этомъ сегодня здѣсь еще нельзя ничего знать. Такъ скоро извѣстія о раненыхъ не приходятъ. Все это твое воображеніе. Прими брому, и успокойся.

Надежда даетъ Вѣрѣ бромъ,—много брому,—и Вѣра весь день ходитъ, какъ свинцомъ налитая. Равнодушіе и тоска. Тоска спокойная, тяжелая, домашняя, словно навѣки угнѣздившаяся въ сердцѣ. Такая тоска, отъ которой лицо блѣднѣетъ и губы улыбаются.

И вотъ опять ночь. Вѣра одна, долго не спитъ. То она молится, то вдругъ встаетъ передъ нею сонъ не сонъ, греза не греза, явь не явь.

Сергѣя привезли на мѣсто. Онъ лежитъ на лазаретной койкѣ. Въ палатѣ бѣлыя стѣны, большія окна, завѣшенныя гладкими, бѣлыми шторами. Ровно и не весело

горитъ одна электрическая лампочка, и свѣтъ ея отраженъ фарфоровымъ щиткомъ на потолокъ, и уже отъ потолка разсѣянъ ровно на палату, гдѣ шесть кроватей. Пять заняты, одна пустая.

Вѣра смотритъ, не видитъ, кто эти другіе четверо въ одной палатѣ съ Сергѣемъ. Она видитъ только Сергѣя. Онъ лежитъ прямо и неподвижно. Боль достигла такого напряженія, такъ истомила, что уже перестала чувствоваться отдѣльно отъ остальныхъ впечатлѣній бытія, —и все предстоящее стало только великою болью.

Но вотъ качнулись и растаяли стѣны палаты. Тихо, ясно. Опять милый Вѣринъ покой, и ясный ликъ Приснодѣвы Маріи, и слабый огонекъ въ голубой лампадѣ.

Вѣра встаетъ молиться. Молится долго. Мутный свѣтъ льется въ окно. Льются Вѣрины слезы.

Вѣра стоитъ на колѣняхъ, и опять видитъ далекую палату и Сергѣя.

Сонъ со сномъ, греза съ грезой сплетаются, здѣсь и тамъ.

VII.

Утро. Врачъ обходитъ палату. Останавливается у кровати, гдѣ лежитъ Сергѣй. Тихо говоритъ съ сестрою милосердія. Сергѣй открываетъ глаза.

— Ну-съ, поручикъ, — бодрымъ голосомъ говоритъ врачъ,—какъ мы себя чувствуемъ?

Сергѣй молчитъ. Не знаетъ, что сказать. Наконецъ, слабо шепчетъ:

— Голова болитъ.

— Ничего, пройдетъ. Все пройдетъ. Черезъ недѣлю опять молодцомъ будете.

Сергѣй знаетъ, что докторъ говоритъ одно, а думаетъ

другое. По унылому, привычно-равнодушному лицу сестры милосердія онъ угадываетъ, что врачъ только что шепнулъ ей:

— Врядъ ли выживетъ. Во всякомъ случаѣ до вечера дотянетъ.

Онъ отчетливо повторяетъ:

— До вечера дотяну.

Но врачъ не слышитъ его словъ. Переходитъ къ другому.

VIII.

И вотъ опять вечеръ. И уже поздно. Вѣра опять одна. Думаетъ:

«Мы съ нимъ сердце въ сердце и душа въ душу. Или воля наша—ничто? И не удержу его на этой милой землѣ?»

И усиліемъ воли зоветъ къ себѣ Сергѣя. И снится Сергѣю, что Вѣра зоветъ его. Ему тяжело и покойно, онъ обжился въ ощущеніяхъ своей великой боли, поглотившей въ себя весь его міръ,—и какъ ему выйти изъ этого міра? Какъ встать? Какъ пойти? Лежать бы, лежать успокоенно навсегда.

Но зоветъ Вѣра, и великая власть въ ея зовѣ. И въ душѣ его сквозь багровый туманъ боли встаетъ предчувствіе великой радости. Снится ему, что онъ всталъ. Снится ему, что онъ входитъ въ Вѣринъ милый покой. Рана горитъ, но онъ идетъ прямо и твердо, и на груди его, на мундирѣ, новый, только что полученный, крестъ. Онъ гордъ этимъ крестомъ, и радъ, что увидитъ Вѣру. И вотъ видитъ Вѣру.

Ликъ Богоматери, ясный огонь голубой лампады, Вѣра на колѣняхъ передъ образомъ.

Долго молилась, легкимъ забылась сномъ,—и снится ей: открылась дверь, знакомые шаги слышны, подходитъ Сергѣй. Онъ веселый, а ей страшно.

Сонъ въ сонъ, греза въ грезу,—слились два сна, словно оба они стали образами чьего-то сна, и кто-то иной видитъ ихъ обоихъ въ своемъ благостномъ снѣ.

Вѣра встала, идетъ къ нему. На лицѣ ея улыбка, но сердце у нея тяжелое. Радость или печаль? Не знаетъ.

Вѣра, Вѣра, обрадуйся,—вѣдь онъ съ тобою!

Онъ идетъ къ ней, но между ними—преграда. Ей страшно.

Она идетъ къ нему, но между ними — преграда. И подъ сердцемъ его горитъ кровавая рана.

Вѣра, Вѣра, обрадуйся,—онъ будетъ съ тобою!

Стоятъ другъ передъ другомъ, не смѣя вѣрить, не смѣя хотѣть,—бѣдныя дѣти земли, отвычныя отъ святыхъ чудесъ. Стоятъ, колеблясь передъ роковою чертою.

Но сжалилась Приснодѣва Марія, и умолила Сына, и дала Вѣрѣ силу и радость. Вѣра воскликнула:

— Смерть твоя да будетъ моею. Мы вмѣстѣ, милый, милый, мой навсегда.

И бросилась къ нему, и обняла его, и вопила громкимъ голосомъ:

— Не отдамъ тебя, съ тобою буду.

Услышали громкій крикъ, прибѣжали Надежда, няня. Вѣра лежала на полу, и плакала.

— Что съ тобою, Вѣрочка?

Молчала Вѣра.

IX.

Сергѣй застоналъ, повернулся на бокъ. Ему было легко и весело. Сестра подошла. Онъ улыбнулся ей, и сказалъ весело:

— А я, сестрица, умирать раздумалъ. Поживемъ, повоюемъ.

Сестра улыбнулась.

— Ну, и хорошо, голубчикъ.

Утромъ врачъ подошелъ къ Сергѣю, осмотрѣлъ его, пожалъ плечами.

— Ну что жъ, все идетъ хорошо. Здоровый у васъ организмъ, батенька,—благодарите родителей. Сказать по правдѣ, не чаялъ сегодня съ вами разговаривать, ну, а теперь все будетъ хорошо.

— И я не чаялъ,—сказалъ Сергѣй улыбаясь,—да Вѣра не пустила.

Докторъ поглядѣлъ на сестру.

— Ну, еще побредитъ немного,—сказалъ онъ.

И отошелъ къ другимъ.

СНИМИ ТРАУРЪ.

СНИМИ ТРАУРЪ.

I.

Первую вѣсть о кончинѣ молодого литератора, Сергѣя Аполлоновича Лепинскаго, пошедшаго на войну добровольцемъ рядовымъ и убитаго шрапнелью, получилъ его близкій давній другъ, Борисъ Михайловичъ Тимаевъ. Они были дружны съ дѣтства, вмѣстѣ учились въ гимназіи, вмѣстѣ отбыли годы университетской науки, оба на юридическомъ факультетѣ. Потомъ Лепинскій и Тимаевъ вмѣстѣ зачислились помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, но оба занялись не столько юридическою практикою, сколько журнальною и газетною работою. Для довершенія близости они даже и женаты были на родныхъ сестрахъ.

Лепинскій былъ человѣкъ большой душевной чистоты, и, какъ всякій хорошій русскій интеллигентный человѣкъ, чувствовалъ себя отвѣтственнымъ свыше мѣры своихъ силъ за несовершенства русской общественной жизни. Это бросало тѣнь грусти на его одушевленное,

нервное лицо, съ пламенно-горящими глазами, и заставляло его строить личную жизнь строго аскетически. Онъ изобрѣлъ свою систему возрожденія Россіи, и страстно проповѣдывалъ ее. Къ женщинамъ онъ относился цѣломудренно-нѣжно. Женился онъ очень рано, еще когда былъ въ университетѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, на старшей изъ двухъ дочерей покойнаго профессора Дѣяновскаго, Евгеніи Валентиновнѣ. Эта дѣвушка плѣнила его своею тихостью и улыбчивою мечтательностью. Черезъ годъ послѣ свадьбы у нихъ родился сынъ Леонидъ. Другихъ дѣтей не было.

Тимаевъ былъ самый обыкновенный молодой литераторъ, питерскій, съ издерганными нервами и съ зеленымъ лицомъ. Его жена, Валентина, младшая дочь Дѣяновскаго, занималась живописью, была тонка, блѣдна и раздражительна.

Въ редакціи газеты, гдѣ работалъ Тимаевъ, онъ узналъ о смерти Лепинскаго. Онъ помчался домой, яростно погоняя извозчика.

— Дорога плохая,—оправдывался бородатый и, по питерскому обыкновенію, очень грязный извозчикъ, подергивая свою дымящуюся лошаденку мышинаго цвѣта съ раздутымъ животомъ, что дѣлало ее похожею на безрогую корову.

Сани то скользили по неглубокому сѣроватому снѣгу, то визжали на обледенѣлыхъ камняхъ крупно-булыжной мостовой. Извозчикъ вытаскивалъ кнутъ, и замахивался надъ лошадью. Тимаевъ кричалъ:

— Извозчикъ, не бейте лошади! Вы ее вожжами правьте. Вы вожжи опустили, кнутомъ хотите. Нельзя бить лошадь!

— Безъ кнута она не побѣжитъ,—уныло отвѣчалъ извозчикъ.—Она—хитрая.

Кое-какъ добрались до дому. Тимаевъ взлетѣлъ на лифтѣ въ седьмой этажъ громаднаго дома, гдѣ была его квартира.

Валентина сидѣла передъ натянутымъ полотномъ, освѣщеннымъ сверху яркимъ свѣтомъ стосвѣчевой электрической лампочки, и судорожно бросала на холстъ мазки самыхъ неожиданныхъ колеровъ. Первыя слова, которыя услышалъ Тимаевъ, были гнѣвнымъ окрикомъ:

— Не можешь стоять, не надо было браться! Самъ напросился, потерпи немножко.

Тонкій голосокъ робко пищалъ:

— Да я, тетечка, ничего. Я только немножко ворохнулся, а то по ногамъ мурашки побѣжали.

Тимаевъ досадливо подумалъ:

«Совершенно неожиданное осложненіе. Нельзя же при мальчикѣ вдругъ бухнуть о смерти его отца».

А ждать было нельзя. Тимаевъ потому и торопился домой, что хотѣлъ, чтобы Валентина осторожно подготовила сестру Евгенію къ ужасной вѣсти.

Тимаевъ вошелъ въ комнату. Маленькій Леонидъ радостно улыбнулся ему навстрѣчу, но не двигался. Мускулы его худенькаго тѣла слегка вздрагивали отъ усталости, но это тѣло казалось радостнымъ и еще хранящимъ слѣды глубокаго лѣтняго загара.

Тимаевъ молча пожалъ руку Валентины, и глянулъ на холстъ.

«Хорошо!»—подумалъ онъ.

Изъ безформеннаго хаоса мазковъ уже возникалъ образъ яркій, сильный, стремительный, радостный,—буйный и сильный отрокъ съ пламенно-горящими, какъ у покойнаго Сергѣя, глазами.

— Непохоже, но хорошо!—сказалъ онъ тихо.

— Ты не можешь безъ критики!—двинувъ плечами, сказала Валентина.

Тимаевъ отошелъ къ диванчику. Чтобы сѣсть за спиною мальчика, онъ подвинулъ къ одному краю торопливо брошенную на диванчикъ одежду Леонида. Сѣлъ и, видя, что мальчику онъ не виденъ, сдѣлалъ выразительный жестъ женѣ отъ мальчика къ дверямъ. Валентина поняла, но разсердилась.

— Еще бы только полчаса.

— Ленька усталъ,—сказалъ Тимаевъ.

Леонидъ, не оборачиваясь къ нему, сказалъ все тѣмъ же нѣжнымъ и хрупкимъ голоскомъ:

— Дядечка, я еще могу постоять полчаса.

Тимаевъ нахмурился, и настойчиво повторилъ свой жестъ. По отчаянному выраженію его лица Валентина поняла, что случилось что-то важное. Она шумно отодвинула стулъ, бросила на табуретъ кисти и палитру, и досадливо крикнула:

— Ленька, одѣвайся!

Леонидъ подбѣжалъ къ полотну поглядѣть.

— Не смѣй смотрѣть,—крикнула Валентина.—Совсѣмъ еще ничего не сдѣлано.

Леонидъ засмѣялся, обхватилъ тонкими руками ея шею, крикнулъ:

— Спасибо, тетечка!

Поцѣловалъ ее, и побѣжалъ одѣваться.

Когда Леонидъ ушелъ Валентина тревожно спросила:

— Ну, что, Борисъ?

— Сергѣй убитъ,—сказалъ Тимаевъ.

Валентина поблѣднѣла, задрожала, заплакала.

— Боже мой! Боже мой! Евгенія не вынесетъ этого.

— У нея сынъ,—угрюмо сказалъ Тимаевъ.

Схватился за голову, и бросился къ себѣ въ кабинетъ, чувствуя на щекахъ своихъ слезы, стыдясь ихъ и странно имъ радуясь. Онъ упалъ на свой диванъ, лицомъ къ спинкѣ, и только теперь ясно понялъ и почувствовалъ, какое въ этой вѣсти для него горе. И для него, и для родныхъ, и для друзей, которые всѣ такъ любили свѣтлую душу покойнаго Сергѣя Лепинскаго.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла Валентина, уже одѣтая, въ шубкѣ и шляпѣ.

— Я пойду къ Женѣ,—сказала она.

Тимаевъ, поспѣшно вытеревъ платкомъ слезы, быстро всталъ съ дивана.

— Да, да, пойди. Только ты не сразу.

— Ахъ, конечно, не сразу!—отвѣчала Валентина.— Я подготовлю постепенно.

Какъ это часто бываетъ, когда душа потрясена высокимъ чувствомъ, проказливая память подсказала Тимаеву глупый анекдотъ, и онъ сказалъ:

— Карапетъ немножко простудился, завтра похороны.

Валентина сердито посмотрѣла на него, хотѣла сказать что-то рѣзкое, но увидѣла его разстроенное лицо и покраснѣвшіе глаза, опять заплакала, поцѣловала мужа, и вышла.

II.

Лепинскіе жили недалеко, минутъ пять ходьбы. Такой же громадный домъ съ такими же архитектурными вычурами, такой же узкій лифтъ, двумъ едва повернуться, такая же свѣтлая и уютная квартирка на седьмомъ, полумансардномъ этажѣ.

Евгенія встрѣтила Валентину въ передней. Улыбаясь нѣжно, поцѣловала ее. Сказала:

— Ленька счастливый пришелъ, говоритъ, — портретъ очень красивый будетъ, гораздо лучше меня самого.

Потомъ, вглядѣвшись, обезпокоилась.

—Ты плакала о чемъ-то?

Валентина принужденно улыбнулась.

— О чемъ мнѣ плакать? Очень рѣзкій свѣтъ былъ у меня въ мастерской, и я немножко долго работала, глаза покраснѣли, да и Ленька усталъ.

Леонидъ выбѣжалъ, опять поцѣловалъ Валентину.

— Нѣтъ, тетечка, ничего, я только немножко усталъ.

Вошли въ комнаты. Было свѣтло, тепло и грустно.

— Выпьешь съ нами чаю?—спросила Евгенія.

— Да, пожалуйста.

«Надо удалить Леонида»,—подумала Валентина.

— Саша, чаю,—сказала Евгенія вошедшей на звонокъ горничной.

Валентина тихо сказала сестрѣ:

— У меня капризы, точно я въ положеніи.

И погромче, чтобы слышалъ вертѣвшійся тутъ же, все еще радостный, Леонидъ:

— Вдругъ захотѣлось калача. И непремѣнно отъ Филиппова.

— Я сбѣгаю,—вызвался Леонидъ.

— Вотъ я и хотѣла просить, Женя, чтобы ты Леньку послала. Если Сашу послать, она возьметъ гдѣ попало, а Ленька ужъ вѣрно добѣжитъ до Филиппова. Да, Ленечка, ничего что далеко?

— Ничуть не далеко, тетечка, — весело отвѣчалъ Леонидъ,—живымъ духомъ слетаю.

Евгенія внимательно смотрѣла на Валентину. Она

слегка поблѣднѣла, и пальцы ея дрожали, когда она доставала изъ кошелька серебряную монетку для Леонида.

— Одѣнься потеплѣе, Ленька, — говорила она сыну, — да не бѣги очень скоро, еще упадешь, поскользнешься. Саша только что самоваръ поставила, успѣешь вернуться и не торопясь. На сдачу можешь купить себѣ шоколадинку.

Сама затворила за Леонидомъ дверь на лѣстницу, и вернулась къ сестрѣ.

«Леонидъ еще не такъ скоро вернется,—думала Валентина боязливо,—успѣю понемногу, какъ-нибудь, въ разговорѣ».

Евгенія сѣла противъ сестры, и смотрѣла на нее молча и тревожно. Валентина заговорила о вѣстяхъ изъ арміи.

— Отъ Сергѣя давно писемъ нѣтъ,—тихо сказала Евгенія.

Ея блѣдное, вдругъ словно похудѣвшее лицо передернулось жалкою гримасою страданія и горя. Она заплакала.

— Я знаю, зачѣмъ ты пришла,—тихо сказала она,—Сергѣя убили, я это чувствую. Потому ты и Леньку отослала.

Валентина хотѣла что-то сказать,—и не смогла. Слезы мѣшали ей говорить.

III.

На другой день въ обычный часъ Леонидъ пришелъ къ Валентинѣ. Уже онъ былъ въ траурной курточкѣ, и лицо его было блѣдное, огорченное и заплаканное. Онъ молча раздѣлся и сталъ на то же мѣсто, какъ и вчера.

Валентина нерѣшительно взялась за кисти. Леонидъ сказалъ:

— Послѣзавтра мамины именины. Тетечка, подари этотъ портретъ мамѣ въ ея именины. Онъ такой свѣтлый! Мама обрадуется, тогда я ей скажу: «Мама, сними трауръ, не плачь, — отецъ умеръ, но я съ тобою, его сынъ, и я буду сильный, смѣлый, и буду тебя радовать».

Ему хотѣлось плакать, но онъ стойко удерживалъ слезы. Онъ зналъ, что подъ кистью Валентины возникаетъ яркій, радостный, сильный образъ могучаго отрока, такого, какимъ Леонидъ хочетъ быть, какимъ онъ будетъ.

Валентина быстро работала. Цѣлый вечеръ продержала Леонида, давая ему по нѣсколько минутъ отдыха.

Евгенія пришла за сыномъ, въ траурномъ платьѣ, блѣдная, еще болѣе похудѣвшая. Заслышавъ ея голосъ въ прихожей, Леонидъ быстро подбѣжалъ къ Валентинѣ, и зашепталъ:

— Тетечка, не пускай сюда маму. Я хочу, чтобы она сразу увидѣла портретъ и обрадовалась.

Валентина кивнула головою, Леонидъ быстро отбѣжалъ на свое мѣсто. Открылась дверь, вошла Евгенія. Валентина поспѣшно отодвинула подставку.

— Не смотри, Женя, — крикнула она, — портретъ еще не конченъ. Я и Ленькѣ его пока не показываю.

— Хорошо,—отвѣчала Евгенія,—я посижу съ Борисомъ.

IV.

На другой день къ вечеру портретъ былъ готовъ. Леонидъ стоялъ передъ нимъ, смотрѣлъ долго, счастливо улыбался и плакалъ. Огненные глаза, похожіе на отцовы, глядѣли на него съ портрета.

— Ну, глупый, о чемъ же ты плачешь?—лаская его, спрашивала Валентина.

— Тетечка,—говорилъ Леонидъ,—я на портретѣ такой яркій и радостный, точно не я, и въ то же время я. Ничего не боюсь, и все могу, что захочу.

— Да,—сказала Валентина,—все сможешь, что захочешь. Выростай умѣющимъ хотѣть и дѣлать. А завтра пораньше утромъ приходи за портретомъ,—покажешь его мамѣ самъ.

V.

Въ день маминыхъ именинъ Леонидъ утромъ сбѣгалъ къ тетѣ Валентинѣ. Принесъ портретъ,—большой, тяжелый, едва дотащилъ. Непремѣнно захотѣлъ самъ нести.

— Что дѣлаетъ мама?—спросилъ онъ у Саши.

Саша хмуро отвѣчала:

— Извѣстно что, — смотритъ на вашего папаши портретъ, да плачетъ.

Леонидъ вошелъ къ матери.

— Мамочка, тетя Валя прислала тебѣ подарокъ.

— Ну, покажи, разверни,—слабо улыбнувшись, сказала Евгенія.

Леонидъ торопливо сорвалъ бумагу, и поставилъ портретъ на стулъ.

— Смотри, мама.

И самъ пытливо смотрѣлъ на мамино лицо. Лицо Евгеніи слегка зарумянилось. Она глядѣла на изображеніе отрока, ярко-пламенѣющее передъ нею.

— Хорошо! Очень хорошо!

— Мама, это еще не я,—говорилъ Леонидъ,—но я такимъ буду.

— Это—мечта моя о тебѣ,—сказала Евгенія,—о моемъ сынѣ, о сынѣ моего Сергѣя.

И опять заплакала. Леонидъ говорилъ настойчиво:

— Я такимъ буду. А ты, мама, радуйся, — отецъ умеръ доблестно, и я буду его помнить, и буду достоинъ его свѣтлой памяти. Мама, мама, когда люди умираютъ такъ доблестно, не надо носить по нимъ трауръ. И когда они оставляютъ послѣ себя сыновей, сильныхъ и смѣлыхъ, не надо носить по нимъ трауръ. Мама, сними трауръ, не печалься,—отецъ будетъ радъ, что его смерть не сломила тебя.

Евгенія плача обняла Леонида.

— Слабенькій ты у меня,—сказала она тихо.

Леонидъ быстрымъ движеніемъ вырвался изъ ея рукъ.

— Мама!—крикнулъ онъ,—и я не хочу носить траура. Я хочу быть сильнымъ, радостнымъ и смѣлымъ.

И онъ проворно сбросилъ съ себя всю одежду, и стоялъ обнаженный рядомъ со своимъ изображеніемъ, блѣдная тѣнь созданнаго чарами искусства яркаго образа. Но глаза его пламенѣли такъ же, какъ огненные глаза изображеннаго отрока. Онъ дрожалъ весь, и настойчиво повторялъ:

— Мама, надѣнь то платье, которое ты сшила къ именинамъ, а это ужасное платье сними, сожги! Сними трауръ, мама, и радуйся!

Евгенія покачала головою.

— Какъ я могу радоваться, когда милый мой убитъ!

Леонидъ заплакалъ и закричалъ:

— Я пойду на лѣстницу, на дворъ, и буду тамъ стоять на морозѣ голый, пока ты не скажешь мнѣ, что сегодня же снимешь трауръ и надѣнешь праздничное платье.

И онъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты, толкнулъ въ дверяхъ входившую зачѣмъ-то Сашу, и побѣжалъ въ переднюю.

— Ленечка, Ленечка, куда вы? — закричала испуганная Саша.

Но уже Леонидъ выскочилъ на лѣстницу, и побѣжалъ внизъ. Успѣлъ добѣжать до пятаго этажа, когда сверху послышался голосъ Евгеніи:

— Леня, вернись, я сниму трауръ, и не надѣну его, пока ты со мною.

Леонидъ побѣжалъ вверхъ, навстрѣчу бѣгущей къ нему по лѣстницѣ Евгеніи. Она обняла его, смѣясь и плача, и повела его домой, повторяя:

— Радость моя, сыночекъ свѣтлый, мы не будемъ носить трауръ. Свѣтлой душѣ отца твоего не нужны наши слезы, наши воздыханія. А я помогу тебѣ стать такимъ свѣтозарнымъ, какимъ написала тебя тетя Валя.

ВИЗИТЪ.

ВИЗИТЪ.

— Принимаютъ?—спросилъ, увѣренный услышать да, Латанскій у открывшей дверь на его звонокъ румяно-спокойной горничной, эстонки Эльзы.

И вошелъ въ переднюю, гдѣ послѣ его звонка рукою быстро-прибѣжавшей Эльзы былъ повернутъ бронзовый выключатель и вспыхнула электрическая лампочка въ голубоватаго стекла тюльпанѣ.

— Генеральша дома,—отвѣчала Эльза, стаскивая съ молодого человѣка мѣховое пальто.—Примутъ. Только онѣ въ слезахъ. И въ сборахъ.

Латанскій приглаживалъ передъ зеркаломъ жидковатые волосы на начинающей лысѣть головѣ. Кстати любовался своимъ холоднымъ, холенымъ лицомъ, на которомъ носъ былъ тонокъ и прямъ, губы алы, брови черны, глаза холодны и остры. Это лицо казалось ему красивымъ. Дамы холоднаго города въ этомъ были съ нимъ согласны.

Онъ улыбнулся на слова Эльзы, и спросилъ негромко:

— О чемъ слезы? И куда сборы?

— Насчетъ генерала огорчаются, — отвѣчала Эльза.—Собираются вечеромъ нынче ѣхать въ армію.

— Въ чемъ дѣло?—тревожно спросилъ Латанскій.

У него были расчеты провести этотъ вечеръ вмѣстѣ съ молодою генеральшею, Евгеніею Петровною. Потому онъ и зашелъ днемъ въ этотъ праздничный день, хоть былъ здѣсь только вчера, въ первый день Рождества.

— Генералъ раненъ,—сказала Эльза.—Сегодня пришло письмо.

Открыла дверь въ гостиную. Латанскій взглянулъ на нее, хотѣлъ потрогать ее за подбородокъ, чтобы полюбоваться тѣмъ, какъ вспыхнетъ непорочная Эльза, но раздумалъ, увидѣвъ въ Эльзиныхъ глазахъ слезинки. Спросилъ:

— Кого же тебѣ жалко, генерала или генеральшу?

— Все утро барыня плачетъ, глядѣть жалко,—сказала Эльза, и пошла докладывать.

Латанскій пожалъ плечами.

«Чудитъ Евгенія Петровна,—думалъ онъ досадливо.—Мужа не любитъ, въ меня влюблена, о чемъ плакать, не понимаю».

Нетерпѣливо ходилъ по гостиной, гдѣ стѣны, ковры и мебель были въ сѣровато-жемчужныхъ и блекло-розовыхъ тонахъ, и невнимательно поглядывалъ на картины и портреты. Досадливо думалъ, что придется долго ждать, пока Евгенія будетъ уничтожать слѣды пролитыхъ ею слезъ. Но ждать пришлось не долго. Въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе, быстрые шаги. Латанскій едва успѣлъ согнать съ лица гримасу скуки и нетерпѣнія и сдѣлать изъ своихъ прямо-разрѣзанныхъ губъ улыбающееся подобіе готоваго натянуться тугого лука, алѣющаго на этой тетивѣ.

Молодая, красивая и заплаканная, вышла Евгенія. Протянула Латанскому руку, и заговорила:

— Можно ли было этого ожидать? Раненъ! И тяжело! Начальникъ дивизіи,—и раненъ, какъ прапорщикъ! Какая отчаянная храбрость!

— Милая Женечка, — говорилъ Латанскій, цѣлуя ея руки,—успокойтесь, не плачьте. Вашъ мужъ — доблестный воинъ, онъ не жалѣетъ своей жизни, но вѣдь ваши слезы ему не помогутъ, и не упадутъ на его раны цѣлебнымъ бальзамомъ.

— Я все утро плачу, — сказала она жалующимся голосомъ.

И опять заплакала. Латанскій говорилъ ласково, но уже слегка нетерпѣливо:

— Женя, милая, но вѣдь я съ вами. Я васъ люблю, я васъ не оставлю.

Евгенія глянула на него, на секунду отнявъ отъ глазъ платокъ. Ея заплаканные глаза блеснули остро и зло. Латанскому стало досадно, что она плачетъ при немъ, не заботясь о томъ, что отъ слезъ краснѣютъ вѣки и некрасивымъ дѣлается лицо.

Евгенія сказала:

— Да, вижу, вы не на войнѣ. Васъ еще не призвали.

Латанскому стало весело, какъ всегда при мысли, что ему-то не придется лежать въ холодныхъ окопахъ, что жизни его не угрожаетъ никакая опасность.

— И не призовутъ,—весело сказалъ онъ.—Къ счастію, я занимаю такое мѣсто, которое меня освобождаетъ.

Пріятная теплота разлилась по всему его, облеченному въ элегантный костюмъ, тѣлу. Такъ пріятно знать, что ничто не нарушитъ милыхъ привычекъ удобной жизни.

Евгенія, шурша бѣлымъ шелкомъ платья, подошла къ окну. Смотрѣла разсѣянно на людную улицу. Сказала тихо:

— Какой онъ отважный! Я сегодня къ нему ѣду. Онъ въ госпиталѣ въ ... Завтра я его увижу. Какъ я взгляну ему въ глаза!

— Женя, что вы говорите?—съ удивленіемъ воскликнулъ Латанскій.

Въ его сѣрыхъ глазахъ мелькнуло что-то, похожее на испугъ.

Евгенія посмотрѣла на него внимательно, и заговорила тихо, и голосъ ея слегка дрожалъ, точно отъ страха:

— Послушайте, Николай Сергѣевичъ, а что, если онъ зналъ? Если онъ зналъ, что я дѣлаю? Если онъ нарочно? Если онъ искалъ смерти?

Латанскій улыбнулся. На его холодномъ лицѣ появилось выраженіе самодовольства, противное теперь для Евгеніи. Его лицо точно лакомъ покрылось. Онъ говорилъ:

— Что вы придумали, Женечка? Спокойный, разсудительный генералъ, и вдругъ... Нѣтъ, онъ слишкомъ преданъ своей службѣ, чтобы придавать такое значеніе дѣламъ любви. Слишкомъ служака, чтобы рисковать собою безъ надобности. Если онъ раненъ, значитъ, это такъ случилось, безъ всякой вашей вины. Несчастная случайность, которая на войнѣ можетъ постигнуть всякаго военнаго.

Евгенія смотрѣла на Латанскаго холодными, чужими глазами. Внимательно разглядывала такія знакомыя черты холоднаго, красиваго лица. Вдругъ сама себѣ удивилась. Гдѣ же очарованіе этого лица? Этого чело-

вѣка она любитъ? Для него она уже готова была измѣнить своему отважному, доблестному мужу? Неужели это такъ?

Она тихо говорила:

— Мой доблестный мужъ! Онъ—герой!

И слова ея словно заражали ея душу очарованіемъ доблестью мужа и влюбленностью въ него.

Латанскій сказалъ холодно и насмѣшливо:

— Женечка, не влюбитесь въ него опять.

— Онъ достоинъ, чтобы его любила женщина лучше меня,—тихо и задумчиво говорила Евгенія,—чище меня, благороднѣе. Да, я сегодня же поѣду къ нему.

Латанскій пожалъ плечами. Но, вспомнивъ свои сегодняшнія надежды, сдѣлалъ себя нѣжнымъ, насколько могъ, и сказалъ:

— Я понимаю ваше побужденіе ѣхать къ нему,—это трогательно и очень прилично. Поѣзжайте, но помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который преданно и неизмѣнно любитъ васъ. И, по-моему, лучше вамъ ѣхать завтра. Сегодняшній вечеръ подарите мнѣ. Объ этомъ просить васъ я и пріѣхалъ.

Евгенія молчала. Стояла передъ Латанскимъ, опустивъ глаза. Уже не плакала. Ея тонкіе пальчики мяли маленькій кружевной платокъ. Потомъ она вздохнула и сказала:

— Что же мы стоимъ! Сядемте.

Сѣла на диванъ. Заговорила о постороннемъ. Латанскій ходилъ по комнатѣ. Смутныя желанія томили его.

«Нѣтъ,—думалъ онъ, — сегодня я не пущу ее уѣхать. Необходимо ее удержать. Иначе весь мой день будетъ испорченъ».

— Женечка,—сказалъ онъ,—сегодня вы очень милы. Слезы идутъ къ вамъ такъ же, какъ и смѣхъ. Я да-

же и не подозрѣвалъ, какъ вы можете быть очаровательны, когда плачете.

Онъ говорилъ не то, что думалъ, но ему хотѣлось лестью вызвать улыбку на милыхъ Жениныхъ губахъ.

Евгенія слабо улыбнулась. И сейчасъ же погасла улыбка.

— Не говорите мнѣ этого,—тихо сказала она.

Латанскій сѣлъ рядомъ съ нею. Она боязливо глянула на него. Глаза его, холодные глаза благополучнаго чиновника, зажглись. Онъ быстро обнялъ Евгенію, и поцѣловалъ ее въ щеку.

Евгенія вздрогнула, порывисто вскочила, закричала:

— Я ненавижу васъ! Если онъ умретъ, я васъ убью.

И выбѣжала изъ комнаты.

Такъ быстро все это произошло, что Латанскій не успѣлъ даже встать. Онъ сидѣлъ на диванѣ, и растерянно глядѣлъ на дверь, за которою скрылась Евгенія. Ни одна фраза не складывалась въ его мозгу, словно вдругъ обезкровленномъ.

Вошла Эльза. Глянула на Латанскаго сердитыми глазами преданной господамъ служанки, потупилась и сказала:

— Барыня извиняются, у нихъ очень голова разболѣлась. Легли отдохнуть.

Латанскій нахмурился и вышелъ. Онъ чувствовалъ, что эта недавняя связь порвалась навсегда. Поэтому онъ старался внушить самому себѣ, что Евгенія уже начала надоѣдать ему.

Плохое утѣшеніе! «Плохой конецъ благихъ минутъ!»

А Евгенія, у себя запершись, плакала и цѣловала послѣдній портретъ своего мужа. И плакала, и раскаивалась, и давала себѣ клятвы никогда, никогда не измѣнять мужу. И потомъ молилась долго, чтобы мужъ остался живъ.

НЕЗАМЕРЗАЮЩІЙ МАЛЬЧИКЪ.

НЕЗАМЕРЗАЮЩІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Какія бы трагическія и значительныя событія въ странѣ ни совершались, жизнь тѣхъ, кто въ этихъ событіяхъ непосредственно не участвуетъ, должна итти своимъ порядкомъ. Духомъ унынія да не заразимся: это — духъ липкій, и, разъ угнѣздившись, раскидывается широко. Своимъ чередомъ пусть празднуются радостные дни, пусть зажигается въ каждомъ домѣ традиціонная елка, обрусѣвшая не за нашу память. Газеты и журналы пусть печатаютъ святочные разсказы. Какъ бы ни смѣялись юмористы надъ шаблонностью темъ этихъ разсказовъ, пусть будетъ въ нихъ даже обычный рождественскій мальчикъ, которому очень холодно. Правда, нравы наши смягчились,—замораживать до смерти нищихъ простыхъ мальчиковъ не слѣдуетъ,— но можно взять здороваго мальчика изъ зажиточной и образованной семьи, и подвергнуть его легкому дѣйствію холода, по его доброй волѣ. Это будетъ эстетическое преобразованіе стараго образа, — жалкіе лохмотья

нищаго да преобразятся въ красивое одѣяніе, пригодное для закаливанія юнаго организма. Намъ же въ Россіи такъ надобно, чтобы новое поколѣніе возрастало бодрымъ и здоровымъ. Извѣстно, что «полезенъ русскому здоровью нашъ укрѣпляющій морозъ».

Каждый годъ тридцать перваго декабря у Мажаровыхъ устраивалась елка, соединяемая со встрѣчею Новаго Года. Гришѣ Мажарову исполнилось тринадцать лѣтъ въ мартѣ, другихъ дѣтей у Мажаровыхъ не было, и Гриша, конечно, могъ бы и безъ елки обойтись. Но эта традиціонная елка радовала и взрослыхъ, отца и мать, а потому и Гриша, мальчикъ въ мѣру серьезный и въ мѣру веселый, ждалъ ее съ такимъ же пріятнымъ чувствомъ, съ какимъ ждалъ онъ всегда и другихъ семейныхъ праздниковъ. Притомъ же елка была только предлогомъ для того, чтобы весело провести день и ночь.

Днемъ, съ трехъ часовъ, приходили мальчики и дѣвочки короткознакомыхъ семей. Въ четыре часа дѣти обѣдали, потомъ веселились около елки. Въ семь часовъ обѣдали взрослые. Въ девятомъ часу обѣдъ кончался. Пили кофе съ ликерами въ гостиной, а въ кабинетѣ Мажарова курили. Въ одиннадцать часовъ начинали съѣзжаться приглашенные встрѣчать Новый Годъ. Елка опять зажигалась. Въ половинѣ двѣнадцатаго садились ужинать. Гришѣ въ послѣдніе годы позволялось сидѣть съ большими до половины перваго. Большіе же начинали по-настоящему веселиться только во второмъ часу ночи,—танцовали, кто-нибудь игралъ на рояли, кто-нибудь пѣлъ.

Въ остальные дни святокъ бывали на елкѣ у знакомыхъ.

Но въ этомъ году передъ праздниками о елкѣ старались не вспоминать. Вообще въ этомъ году все было не такъ, какъ всегда. Присяжный повѣренный Алексѣй Дмитріевичъ Мажаровъ поѣхалъ воевать, надѣвъ мундиръ защитнаго цвѣта и погоны съ одною полоскою и одною звѣздочкою. Принимая послѣдній разъ кліентовъ, онъ говорилъ весело:

— Я уже не адвокатъ, я—прапорщикъ.

Его жена, Елена Юрьевна, шила кисеты, три раза въ недѣлю ходила въ лазаретъ, устроенный адвокатами, и заботилась о сборахъ и сбереженіяхъ. Гриша въ свободное отъ своихъ уроковъ время читалъ о войнѣ, и помогалъ матери въ ея заботахъ о вещахъ, посылаемыхъ на позиціи. Было Гришѣ скучно, что нѣтъ отца, что пустъ его большой и уютный кабинетъ. Алексѣй Дмитріевичъ Мажаровъ былъ человѣкъ рѣшительный и веселый. При немъ Гришѣ нельзя было распускаться и шалопайничать, жизнь текла въ строго-очерченныхъ берегахъ и выходить изъ границы установленнаго порядка было опасно. Зато бывало иногда очень весело, въ часы досуга и отдыха: отецъ былъ неистощимъ въ придумываніи самыхъ разнообразныхъ занятій и развлеченій, и всѣ его выдумки всегда бывали остроумны и полезны.

Привычка къ домашней дисциплинѣ была сильна въ Гришѣ, и безъ отца онъ велъ себя очень хорошо. Но, такъ какъ мать была мягче отца, то иногда налаженный домашній порядокъ все-таки расхлябывался, и отъ этого Гришѣ дѣлалось скучно и кисло,—возможность своевольничать его не радовала. Онъ выросъ въ привычкахъ спартанскихъ, и всякая разслабленность тревожила его.

Иногда Гриша даже ворчалъ на мать:

— Надо рѣшительно говорить, можно или нельзя. Я не могу всего знать. Я—не отецъ семейства, чтобы за все отвѣчать.

Если Елена Юрьевна за что-нибудь упрекала Гришу, онъ, случалось, говорилъ ей:

— Мама, въ тебѣ нѣтъ никакой послѣдовательности: сегодня такъ, завтра иначе. А вотъ у отца всегда одно и то же, что вчера, то и сегодня.

Елена Юрьевна то хмурилась, то улыбалась и говорила:

— Ты, Гришка, кажется, чувствуешь недостатокъ родительской строгости? Такъ вотъ погоди, отецъ вернется, за все сразу высѣчетъ. Будешь доволенъ!

Гриша досадливо краснѣлъ.

— Мама,—говорилъ онъ,—отецъ вернется, такъ его что жъ огорчать? Я веду себя въ общемъ не плохо, и тебя слушаюсь. Тебѣ на меня жаловаться не придется.

— Ты много разсуждаешь,—отвѣчала мать,—и мнѣ съ тобой некогда.

Да Гриша и самъ зналъ, что мама очень занята.

Уже въ началѣ декабря Гриша услышалъ разговоръ о елкѣ,—очень непріятный разговоръ. Услышалъ отрывокъ разговора, случайно. Что-то понадобилось спросить у матери, и онъ пошелъ искать ее.

Въ гостиной у Елены Юрьевны сидѣла одна изъ ея подругъ Анна Александровна Латанская, молодая, бѣлоликая дама съ лѣнивыми и нерѣшительными движеніями. Она тоже была жена присяжнаго повѣреннаго, но ея мужа не взяли,—онъ былъ для этого старъ и тяжелъ. Говорили о разномъ. Елена Юрьевна услышала изъ сосѣдней большой комнаты приближающійся знакомый скрипъ на гладко-натертомъ паркетѣ голыхъ Гришиныхъ ногъ: дома Гриша всегда ходилъ босой, иногда

такъ выбѣгалъ и на снѣгъ ненадолго, гордясь тѣмъ, что онъ—спартанецъ, сильный и закаленный. Подумавъ о Гришѣ, Елена Юрьевна вспомнила о приближающихся праздникахъ, и спросила:

— Ну, какъ въ этомъ году елка? У васъ будетъ? Какъ всегда?

Латанская нерѣшительно пожала круглыми плечами, и сказала:

— Да ужъ не знаю, право. Говорятъ, что елка—нѣмецкій обычай. Я слышала, что и не позволятъ рубить елки. Пожалуй, не будемъ дѣлать.

— Да,—сказала Елена Юрьевна,—и я думаю, лучше эти деньги на елку въ окопы послать. Не позволять едва ли станутъ, но не такое настроеніе.

Въ это время въ комнату вошелъ Гриша. Онъ услышалъ эти слова. Удивился немного, но сейчасъ же подумалъ:

«Отца нѣтъ, такъ ужъ какая была бы елка!»

Латанская, улыбаясь, посмотрѣла на его коротко-остриженную голову, на его сѣренькую мягкую курточку съ бѣлымъ длиннымъ галстукомъ, на его стройныя, сильныя ноги, и спросила:

— А что Гриша на это скажетъ?

Елена Юрьевна вздохнула, улыбнулась.

— Онъ у насъ—спартанецъ. Думаю, самъ откажется. Но если онъ захочетъ, конечно, елка будетъ, какъ всегда, подъ Новый Годъ.

Гриша поцѣловалъ у гостьи сладко-пахнувшую руку, и сказалъ:

— Конечно, лучше эти деньги послать на елку въ окопы. У насъ все есть, а бѣднымъ солдатамъ холодно.

— Конечно, — сказала Латанская, — это—вѣрно, Гриша.

И, обратясь къ Еленѣ Юрьевнѣ:

— Молодежь такъ отзывчива ко всему этому, такъ работаетъ и помогаетъ, — сердце радуется, глядя на нихъ.

Больше объ этомъ не говорили. Только черезъ нѣсколько дней самъ Гриша напомнилъ, что пора посылать елочныя деньги. Тогда, не откладывая дѣла, Елена Юрьевна съ Гришею сосчитали, сколько могла бы стоить нынче елка, и отнесли эти деньги знакомому литератору, сбиравшему пожертвованія на рождественскій подарокъ солдатамъ.

Когда Елена Юрьевна и Гриша возвращались домой, швейцариха, жена запасного, замѣнявшая своего ушедшаго на войну мужа, сказала Еленѣ Юрьевнѣ:

— И чего это все господа придумываютъ? Ужъ такъ разсчитывала для Петяйки на теплую курточку, да не туда повернулось. Ничего ему нонче не будетъ,— вѣдь вотъ незадача!

— А что такое?—спросила Елена Юрьевна, остановившись около швейцарской.

Гриша слушалъ внимательно,—Петяйка, десятилѣтній заморышъ, былъ ему милъ.

— Да что, — говорила швейцариха, — пришелъ сегодня Петяйка въ школу, а имъ учительница говоритъ: «Милыя дѣти, говоритъ, дума городская велитъ васъ благодарить, что вы такія выказались очень добрыя, отъ елки въ пользу солдатиковъ отказались». Мальчишки глазами хлопаютъ, а она посмотрѣла, ухмыльнулась, говоритъ: «Елки у васъ до будущаго года не будетъ, а деньги ваши елочныя дума въ окопы посылаетъ». Вотъ и остался мой Петяйка безъ теплой курточки. Такъ одно къ одному,—и отца нѣтъ, и елки Петяйкѣ не будетъ.

— Пусть онъ къ намъ на елку придетъ, — съ размаху сказалъ Гриша.

И вдругъ вспомнилъ:

— Ахъ, да и у насъ не будетъ елки!

Елена Юрьевна погладила его по плечу:

— Ничего, теплую куртку Петяйкѣ мы сдѣлаемъ.

Гриша призадумался надъ швейцарихинымъ разсказомъ. За обѣдомъ онъ сказалъ:

— Ну, хорошо, мы нашему Петяйкѣ дадимъ теплую куртку, а вѣдь есть такіе, которымъ, пожалуй, никто теплой куртки не дастъ.

— Что жъ дѣлать!—отвѣчала Елена Юрьевна.

— Бѣднымъ дѣтямъ надо устраивать елку, — имъ теплыя вещи даютъ,—говорилъ Гриша.

— Теплыя вещи солдатамъ еще нужнѣе,—сказала мать.

— Правда,—согласился Гриша.

Шли дни. Настали праздники. Лампады теплились, а елки не у всѣхъ знакомыхъ были. Ну, что жъ! все жъ таки кое у кого была елка. Приглашали Елену Юрьевну съ Гришею. Говорили:

— Вы сами нынче елки не устраиваете, такъ у насъ побывайте.

Отказываться было неудобно. Если сказать:

— Нѣмецкій обычай.

Отвѣчали:

— Да ужъ онъ обрусѣлъ.

Если сказать:

— Война, а мы веселимся.

Отвѣчали:

— Солдатамъ легче не станетъ, если мы носъ на квинту повѣсимъ.

Да были Гришѣ и другія развлеченія.

На третій день праздника отъ отца пришло письмо,

женѣ и сыну вмѣстѣ. Какъ всегда, полученіе письма было праздникомъ, волнующимъ обоихъ. Письмо было длинное, на четырехъ страницахъ, писано карандашомъ. Мажаровъ писалъ, между прочимъ:

«Жалѣю, что меня не будетъ на нашей елкѣ. Но душою буду опять съ вами. Глазами души буду видѣть, какъ у васъ горятъ огоньки свѣчекъ, какъ блеститъ и искрится на елкѣ сусальный снѣгъ. Снѣгъ и у насъ будетъ настоящій, и елки, пожалуй, будутъ, а свѣчекъ зажечь не придется».

Гришѣ стало какъ-то неловко. Онъ сказалъ:

— Отецъ и не знаетъ, что мы эти деньги, елочныя, пожертвовали, и что елки у насъ не будетъ.

— Мы ему объ этомъ напишемъ,—сказала Елена Юрьевна.

На томъ и успокоились. Отцу написали,—какъ всегда, шесть страничекъ Елена Юрьевна, вечеромъ, и рано утромъ послѣднія двѣ странички Гриша. Онъ же надписалъ конвертъ, и заклеилъ его.

Отправляясь утромъ кататься на конькахъ, Гриша положилъ письмо въ карманъ своего пальто, чтобы опустить въ почтовый ящикъ. Почтовый ящикъ былъ совсѣмъ близко, только перейти черезъ переулокъ и пройти саженъ пятнадцать до угла ближней улицы. Но Гришѣ надо было итти въ другую сторону, онъ торопился застать товарищей,—и такъ немного опоздалъ, занявшись письмомъ,—и потому онъ рѣшилъ опустить письмо въ другой ящикъ, гдѣ-нибудь по дорогѣ.

О домашней елкѣ не говорили всѣ эти дни.

Днемъ тридцатаго декабря Гришѣ стало почему-то скучно. Мать была въ лазаретѣ, Гриша былъ одинъ. Читалъ книгу, сидя въ своей комнатѣ, скрестивъ подъ столомъ ноги. Читалъ невнимательно. Думалъ объ отцѣ.

На улицѣ уже темнѣло. Въ комнатѣ топилась печка. Гриша оставилъ надоѣвшую книгу и подошелъ къ печкѣ. Онъ любилъ смотрѣть на огонь. Дровъ уже не было, только-что сгорѣли, разсыпались на ровную розсыпь углей; цвѣтъ ихъ былъ—расплавленный янтарь, а тѣни были фіолетовы и казались пятнами жаркой крови. Въ глубинѣ печки жаркій воздухъ казался гуще, и казалось, что видны восходящіе токи безвиднаго пламени. Иногда взлетали и опять опускались черныя, плоскія пепелинки, мелькая, какъ птицы. И все пространство безпламенно горящихъ углей казалось раскаленнымъ пожарищемъ погибшаго міра.

Гриша сѣлъ на полъ передъ печкою, обхвативъ руками скрещенныя голыя ноги. Засмотрѣлся на огонь. Вдругъ скрипнула, открываясь, дверь. Гриша обернулся. Вошла горничная Таня, молодая пополнѣвшая на городскихъ легкихъ хлѣбахъ и неутомительной работѣ дѣвица, грамотная, любезная и хитрая. У нея въ рукахъ было письмо.

Гриша радостно вскочилъ и вскрикнулъ:

— Изъ арміи! Отъ папочки!

Таня засмѣялась.

— Да нѣтъ, Гришенька, не изъ арміи а въ армію. Забыли, видно опустить, въ карманѣ проносили.

Гриша растерянно вертѣлъ письмо въ рукахъ. Таня лукаво говорила:

— Сходить, опустить? или до барыни подождать? Барыня, пожалуй, разсердится. А то я схожу опущу, барыня и не узнаетъ.

Гриша покраснѣлъ и сказалъ досадливо:

— Я и не думаю отъ мамы скрывать. Оставьте письмо у меня. Я самъ спрошу у мамочки.

Таня хихикнула, и вышла.

Гриша положилъ письмо на столъ, опять опустился на полъ передъ печкою, и сталъ раздумывать, что теперь дѣлать. Яркое пыланіе углей раздражало и волновало его.

«Что жъ тутъ сидѣть?—подумалъ онъ.—Можетъ быть, сейчасъ письма изъ ящика вынимать будутъ. Надо послать скорѣе».

Гриша вдругъ рѣшился, схватилъ письмо, и побѣжалъ въ переднюю, на лѣстницу, на улицу. Ни шапки, ни обуви не надѣлъ, очень торопился.

Сбѣжалъ съ третьяго этажа, къ выходной двери. Швейцариха, жена запасного, поглядѣла на него, и сказала:

— Морозно, Гришенька. Простудитесь.

Гриша весело сказалъ:

— Ничего, я только до почтоваго ящика.

— Письмо, что ль, опустить?—спросила швейцариха.—Такъ Петяйка сбѣгаетъ, онъ дома.

Но Гришѣ хотѣлось самому кончить начатое. Самому всегда веселѣе все дѣлать. Онъ крикнулъ:

— Нѣтъ, я самъ. Петяйка сунетъ въ благотворительный ящикъ, письмо заваляется, а оно спѣшное.

И выбѣжалъ на улицу. Только бѣлый галстукъ взметнулся отъ сквозняка въ дверяхъ. Швейцариха покачала головой. Подошедшая къ телефону барышня изъ двадцать второго номера, зеленолицая и худенькая, всплеснула руками, и вскрикнула:

— Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ вы его выпустили на морозъ раздѣтаго? Онъ себѣ ноги отморозитъ.

Швейцариха махнула рукою, и засмѣялась.

— Ништо ему сдѣлается. Онъ, барышня, не такой, какъ мой Петяйка, хлипкій. Здоровый мальчишка, крѣпкій. Ему и морозъ нипочемъ.

Гриша перебѣжалъ неширокій переулокъ наискосокъ къ почтовому ящику. Какъ всегда, крѣпкія объятія мороза веселили и забавляли Гришу. Хотѣлось громко кричать отъ восторга, вбирая глубоко въ грудь бодрый морозный воздухъ.

Снѣгъ былъ неглубокій, хрупкій, остро-радостный. Въ слабо-освѣщенномъ фонарями переулкѣ никто не шелъ и не ѣхалъ. Уже Гриша стоялъ передъ желтымъ ящикомъ, и уже толкнулъ письмомъ жестяную завѣсу узкаго прорѣза. Но вдругъ ярко блеснули въ Гришиной головѣ тревожныя мысли:

«Папа душою будетъ на нашей елкѣ, будетъ видѣть ее глазами своей души, а елка не зажжется. Нѣтъ, тутъ что-то неладно вышло. Я никогда ничего не забываю, а это письмо забылъ,—можетъ быть, это—указаніе, что его и не надо посылать. Надо еще съ мамою поговорить».

По улицѣ мчались санки, завернули въ переулокъ. Знакомый голосъ окликнулъ Гришу. Гриша глянулъ,—это возвращалась домой мама.

«Вотъ и еще указаніе!—подумалъ Гриша.—Только что я о мамѣ подумалъ, а она тутъ, какъ тутъ».

И бросился бѣжать домой. Подбѣжалъ къ подъѣзду въ то время, когда мама уже выходила изъ санокъ.

— Ты къ почтовому ящику бѣгалъ, Гриша?—спросила мать, входя за нимъ съ улицы въ дверь.

— Да, мамочка,—сказалъ Гриша,—письмо носилъ, да раздумалъ бросать, назадъ принесъ, съ тобой поговорить о немъ надо.

— Кому письмо?—спрашивала Елена Юрьевна.

— Папочкѣ,—отвѣчалъ Гриша.

— Опять?—съ удивленіемъ спросила она.

Гриша засмѣялся.

— Да нѣтъ, мамочка, то же самое письмо.

— Тебѣ холодно, Гриша? — спросила мать, глядя на тающія снѣжинки на Гришиныхъ покраснѣвшихъ и радостно проворныхъ ногахъ.—Морозъ на улицѣ.

— Нѣтъ, мамочка. На улицѣ было холодно, здѣсь сразу стало тепло. Точно въ горячую воду вошелъ.

— Ну, скорѣе домой,—торопила мать.—Все же надо согрѣться. Такъ что же съ письмомъ? Забылъ тогда опустить?

Гриша стыдливо пожалъ плечами.

— Догадалась, мамочка? Да, такая досада!

Подымаясь по лѣстницѣ, Гриша торопливо разсказывалъ матери, что случилось съ письмомъ, и что онъ объ этомъ думаетъ.

Вошли домой. Таня встрѣтила, усмѣхаясь. Гриша сказалъ:

— Таня думала, что я хочу отъ тебя скрыть.

— Мнѣ что жъ!—сказала Таня, весело усмѣхаясь. —Я пальто Гришенькино чистила, письмо нашла, отдала,—мнѣ какое дѣло!

— Она хотѣла меня покрыть, — весело говорилъ Гриша.—Она сегодня добрая, письмо отъ своего жениха получила, изъ арміи.

Таня зардѣлась, засмѣялась.

— Да что вы, Гришенька! Какой онъ мнѣ женихъ!

— Такъ какъ же, Гриша?—спросила Елена Юрьевна. Отецъ тамъ, въ арміи, завтра вечеромъ будетъ думать о нашей елкѣ, будетъ воображать, какъ на ней свѣчки горятъ, какъ намъ весело?

— Да, мамочка.

— А елки у насъ не будетъ?

— Да, мамочка. Потомъ отецъ получитъ наше письмо, узнаетъ, что елки у насъ не было,—и выйдетъ, что напрасно онъ представлялъ нашу елку, то, чего не было.

— Выдетъ, Гриша, что мы его обманули?

— Да, мамочка.

Отвѣчалъ Гриша на мамины вопросы, и уже чувствовалъ, что вотъ еще немного, и онъ заплачетъ. Мать засмѣялась, погладила его по стриженной головѣ, и сказала:

— Ну, Гриша, одѣвайся. Магазины еще открыты, пообѣдаемъ позже. Я пока на завтра кое-кого приглашу. Остальныхъ вечеромъ.

Гриша радостно улыбался, Елена Юрьевна говорила:

— А вы, Таня, во что бы то ни стало достаньте на завтра елку. Лучше сегодня же купите.

— Да ужъ достата,—сказала Таня.—Катя еще вчера купила.

— Какъ купила?

— Да такъ. Въ кухнѣ стоитъ. Я ей говорю,—не будетъ нонче у нашихъ господъ елки. А она мнѣ,—не можетъ того быть,—каждый годъ бывала елка, какъ такъ нонче не будетъ! Взяла, да и купила. Ужъ она такая самовольная!

— У нея было предчувствіе, что папа непремѣнно захочетъ елки!—весело закричалъ Гриша.

Елена Юрьевна улыбнулась.

— Что на папу сваливать? Не Гриша ли захотѣлъ?

Гриша засмѣялся и побѣжалъ къ себѣ. Натягивая сѣрыя чулки на быстро потеплѣвшія ноги, онъ думалъ:

«Вотъ какъ хорошо выходитъ! Папа не даромъ завтра будетъ думать о нашей елкѣ,—елка будетъ, мы его не обманемъ».

И зажглась подъ Новый Годъ елка, и собрались вокругъ нея веселою толпою.

А ночью Гришѣ снились веселые сны. Снилось, что отецъ вернулся живой и нераненый, и разсказываетъ безъ конца интересныя исторіи.

ДѢДЪ И ВНУКЪ.

ДѢДЪ И ВНУКЪ.

Надъ бѣлою скатертью обѣденнаго стола горѣла шестнадцатисвѣчная лампа Осрамъ. Сидѣли за столомъ, какъ всегда, двое, дѣдъ и внукъ, инженеръ Заревой въ сѣрой тужуркѣ и гимназистъ Дима въ домашней красивой и легкой синей курточкѣ, въ короткихъ панталонахъ, съ босыми ногами: онъ воспитывался по-спартански. Разговаривали. Пожилая горничная Христина ухмылялась, слушая.

— Если бы мнѣ тебя, дѣдушка, не было жалко, я бы давно ушелъ на войну,—сказалъ Дима.

— Четырнадцатилѣтнихъ не берутъ, — спокойно возразилъ дѣдушка.—Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, и меня въ солдаты не возьмутъ. Такъ-то, другъ, старый да малый сиди дома. Безъ насъ воиновъ въ Россіи много, сильныхъ, молодыхъ, здоровыхъ.

— Нѣтъ, дѣдушка,—спорилъ Дима,—мнѣ ужъ скоро пятнадцать. На войнѣ такіе есть. Иные мои сверстники отличиться успѣли. Я еще подумаю, подожду, да и поѣду.

— А тебя вернутъ съ дороги,—говорилъ дѣдъ.

— А я опять уѣду,—отвѣчалъ Дима.

Заспорили, стали горячиться.

— Я тебя не пущу.

— Да я самъ убѣгу.

— И думать не смѣй. Чуть что замѣчу, высѣку.

Дима улыбнулся и заговорилъ спокойно, убѣждающимъ голосомъ:

— Дѣдушка, я смерти не боюсь, и ранъ не боюсь, такъ развѣ мнѣ отъ тебя будетъ что-нибудь страшно?

— А вотъ высѣку, такъ забоишься,—ворчливо сказалъ дѣдъ.

— Дѣдушка, я—спартанецъ, — говорилъ Дима.— Бояться мнѣ нечего. Если бы я чего-нибудь боялся, я бы самъ себя презиралъ. Ты на меня не сердись, милый дѣдушка, но я тебѣ прямо скажу, что меня дома не страхъ держитъ.

— А что же?—спросилъ дѣдъ.

— Да такъ,—все думаю,—отвѣчалъ Дима.—Буду ли полезенъ? Не буду ли только помѣхой? Посмотрю на себя въ зеркало,—ростомъ малъ, съ лица мальчишка. Патроны подавать? Нѣтъ, лучше развѣдчикомъ быть, бойскоутомъ. Если бы я въ тѣхъ мѣстахъ выросъ, давно бы я въ дѣлѣ былъ. А въ незнакомой мѣстности... Да нѣтъ, дѣдушка, ужъ ты не сердись, если я въ одно прекрасное утро исчезну.

Дѣдъ нахмурился, и сердито сказалъ:

— Да и ты, другъ, не сердись, когда тебѣ отъ меня за эти разговоры достанется.

Такъ часто перекорялись дѣдъ со внукомъ. Рѣдкій день не было такого спора. Иногда кончались эти споры мирно, иногда большими непріятностями.

Дима остался круглымъ сиротою по пятому году, и

выросъ у дѣда. Былъ онъ мальчикъ разсудительный, спокойный, сильный, здоровый. Жажда приключеній не томила его, можетъ быть, потому, что дѣдъ мало стѣснялъ его, и лѣтомъ Дима жилъ вольною птицею.

Когда Дима оставался дома одинъ, онъ доставалъ припрятанный имъ съ осени отцовскій мундиръ пѣхотнаго штабсъ-капитана, и надѣвалъ его на себя. Великоватъ! Стоя передъ зеркаломъ, Дима самъ себѣ казался слишкомъ малымъ и забавнымъ въ этомъ большомъ для него одѣяніи. Ему казалось тогда, что въ солдатскомъ мундирѣ онъ будетъ похожъ на оловяннаго солдатика, и надъ нимъ будутъ смѣяться. Да и не дадутъ ему солдатскаго мундира,—такого роста развѣ бываютъ солдаты? Если бы хоть на полвершка быть повыше!

Иногда Дима плакалъ отъ досады, иногда утѣшалъ себя соображеніями, что отецъ былъ высокій, и что онъ самъ, Дима, скоро подраститъ.

А дѣдъ, уйдя къ себѣ въ кабинетъ и притворивши поплотнѣе двери, пробовалъ заняться гимнастикою,—дѣлалъ присѣданія, сгибаніе и вытягиваніе рукъ, нагибаніе туловища впередъ, назадъ и въ стороны. Бралъ стулъ, и съ нимъ сгибалъ и вытягивалъ руки. Та же мечта была у него, какъ и у внука,—пойти на войну,—и надежда: вотъ отъ гимнастики прибавится силъ, помолодѣетъ, потеплѣетъ кровь. Но скоро убѣждался, что сила ужъ не та, какъ въ молодости, и не прибавляется, скорѣе убываетъ,—скоро уставалъ, руки и ноги дрожали, сердце билось, хотѣлось полежать. Онъ думалъ съ досадою:

«Да, и я не гожусь въ воины».

Кончался годъ, дни стали понемногу прибывать. Дима пересталъ спорить съ дѣдомъ. Онъ окончательно рѣшилъ, что седьмого января уйдетъ изъ дому, какъ-будто

въ гимназію, а самъ проберется въ воинскій поѣздъ, и отправится на войну.

Когда люди долго живутъ вмѣстѣ и очень дружны, у нихъ иногда совпадаютъ біенія волевыхъ темповъ. И у дѣда явилась мысль послѣ праздниковъ проситься, чтобы его хоть ратникомъ зачислили. Въ войскахъ онъ никогда не служилъ, но былъ рьянымъ охотникомъ, и стрѣлялъ хорошо. Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и день намѣтилъ онъ тотъ же, что и внукъ намѣтилъ: седьмое января. А пока сталъ пріискивать, кого бы пригласить въ домъ для Димы. Иногда думалъ, что лучше Диму отдать куда-нибудь.

Встрѣтили Новый Годъ дѣдъ и внукъ вдвоемъ, какъ всегда. Пожелали другъ другу исполненія желаній, и оба почему-то смутились при этомъ. А ночью оба видѣли почти одинаковый сонъ.

Снилось Димѣ великое полчище охотниковъ-отроковъ въ синихъ одеждахъ, такихъ же, какъ домашняя Димина. У каждаго за спиною на перевязи висѣло охотничье ружье. Они шли изъ города, утонувшаго въ садахъ, по широкой дорогѣ, обсаженной липами и березами, веселыми деревьями. Мальчики были веселые, шли быстро и бодро. Они пѣли пѣсню, мелодія которой радовала и волновала. Изъ этой пѣсни запомнился Димѣ припѣвъ:

«Убивайте только звѣря!»

Дима стоялъ одинъ на краю дороги, и дивился на проходившихъ мальчиковъ.

— Иди съ нами!—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ Димѣ, когда замолкъ припѣвъ пѣсни.

— А куда вы идете?—спросилъ Дима.

— Мы идемъ въ лѣса убивать вредныхъ звѣрей,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Дима,—мнѣ съ вами не по дорогѣ. Я иду на войну.

Засмѣялись мальчики.

— О чемъ вы смѣетесь?—дивясь, спросилъ Дима.

Мальчикъ, разговаривавшій съ нимъ, сказалъ:

— Развѣ ты не знаешь, что окончилась послѣдняя война? Берлина нѣтъ, войны больше не будетъ, и наши ружья только для дикаго звѣря.

— Да, да!—закричали другіе мальчики,—войны больше не будетъ.

— Берлина нѣтъ!

— Это была послѣдняя война.

— Послѣднее кровавое Рождество.

— Наши отцы и братья умирали не даромъ.

— Они побѣдили войну!

— Войны больше не будетъ!

Громко и радостно звучали ихъ голоса, какъ перезвонъ колоколовъ большого праздника.

Дима проснулся. Вскочилъ съ постели, и бросился бѣжать къ дѣду, крича:

— Дѣдушка, это—послѣдняя война.

Дѣду снился бѣлый пріемный залъ. Окна открыты, съ улицы доносится гулъ многихъ голосовъ. Высокій сѣдой генералъ идетъ навстрѣчу дѣду. Дѣдъ говоритъ:

— Возьмите меня хоть въ ратники, хоть провіантскіе магазины сторожить. Вѣдь взяли же во Франціи Анатоля Франса, а я на десять лѣтъ моложе.

Генералъ улыбается и отвѣчаетъ:

— Я знаю, вы—отличный охотникъ и стрѣлокъ. И внукъ вашъ отличился на пробной стрѣльбѣ. Онъ въ нашемъ городѣ по мѣткости оказался первымъ.

Дѣдъ и радъ и гордъ. Но ему страшно за внука, и онъ говоритъ;

— Димѣ еще рано, меня возьмите.

Генералъ говоритъ:

— Да, вы будете начальникомъ юныхъ охотниковъ нашего города. Надо истребить послѣднихъ волковъ и медвѣдей.

— Я хочу на войну,—говоритъ дѣдъ.

Генералъ смѣется и говоритъ:

— Развѣ вы не знаете, что это была послѣдняя война? Берлина нѣтъ, войны не будетъ, наши ружья только для дикаго звѣря.

Въ открытыя окна съ улицы слышны громкіе крики:

— Убивайте только дикаго звѣря!

— Войны больше не будетъ,—кричитъ Дима, тормоша дѣда.—Убивать будемъ только звѣря.

Дѣдъ просыпается. Дима садится на его постели, и разсказываетъ свой сонъ. Дѣду весело. Онъ говоритъ:

— Такъ-то, другъ, кровь проливается не даромъ. Великое слово—послѣдняя война! Война противъ войны!

— Великое слово,—повторяетъ Дима.

— Что же, милый другъ, ты долженъ дѣлать?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима думаетъ, краснѣетъ и говоритъ:

— Жить для будущаго.

— А что надо для будущаго?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ:

— Много учиться. Быть сильнымъ и добрымъ.

— А зачѣмъ нужна сила и доброта?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ:

— Убивать только дикаго звѣря. Уничтожать всякое зло.

Дѣдъ говоритъ:

— Зло уничтожать не мы съ тобой начали. И о прошломъ помнить надо.

— Знаю, дѣда,—говоритъ Дима.—Я знаю, что долженъ чтить подвиги доблестныхъ воиновъ, побѣждающихъ войну. И быть поскромнѣе,—не соваться съ моими слабыми силенками на великій подвигъ. А если эта война будетъ длиться долго, придетъ и моя очередь. Позовутъ, пойду. А тайкомъ отъ тебя не сбѣгу.

— Спасибо, другъ, утѣшилъ,—говоритъ дѣдъ.

Хочетъ поцѣловать Диму, но Дима быстро соскакиваетъ съ его кровати, и становится на колѣни.

— Постой, дѣдушка,—говоритъ онъ,—хвалить меня погодить, а наказать есть за что: вѣдь я уже совсѣмъ надумалъ седьмого января бѣжать на войну.

Дѣдъ смѣется. Говоритъ:

— Старый да малый, другъ на друга похожи. Вѣдь и у меня, другъ, такія же мысли были. Думалъ: Димку въ пансіонъ, а самъ въ ратники.

— А теперь раздумалъ?—спрашиваетъ Дима.

— Раздумалъ,—говоритъ дѣдъ.

— Ну, и я раздумалъ.

И оба рады. Хорошимъ сномъ встрѣтилъ ихъ Новый Годъ, — тотъ годъ, который обѣщалъ смертію смерть попрать.

ТИХІЙ ЗНОЙ.

ТИХІЙ ЗНОЙ.

1.

Хотя Яковъ Леонидовичъ Бредневъ уже два года тому назадъ получилъ званіе лекаря, но еще онъ былъ такъ молодъ, что ему все нравилось въ жизни. Какъ мальчикъ въ нравоучительной сказочкѣ Круммахера, онъ находилъ очаровательными каждое время года, и каждую хвалимую мѣстность на землѣ, не думая о другихъ временахъ и мѣстахъ и не сравнивая. Поэтому ему очень нравилась и дачная деревушка Мягарраги въ Эстляндіи, на берегу Финскаго залива, и дачники, и мѣстные эстонцы, и милая природа этого края.

Бредневъ совсѣмъ не былъ озабоченъ толками о томъ, что скоро начнется война. Но когда стали говорить, что изъ-за войны придется уѣхать съ побережья въ городъ раньше обычнаго, онъ опечалился и рѣшился дѣйствовать энергично: вѣдь онъ же былъ влюбленъ въ Ольгу Шеину, влюбленъ уже два мѣсяца, но романъ его все еще оставался открытымъ на первой страницѣ.

Бредневъ всталъ рано утромъ, и пошелъ на морской

берегъ. Онъ зналъ, что въ этотъ часъ на берегу, если пройти за деревню версты полторы на западъ, не встрѣтишь никого, кромѣ Ольги и ея двухъ племянниковъ, мальчиковъ семи и шести лѣтъ. Малыши не помѣшаютъ, а съ Ольгою надо поговорить наконецъ рѣшительно и прямо.

Изъ-за рощицы на песчаномъ прибрежномъ бугрѣ слышались голоса и смѣхъ Ольги и дѣтей. Радостное ощущеніе силы, здоровья и веселости охватило Бреднева,—то самое ощущеніе, которое онъ испытывалъ всегда, когда приближался къ Ольгѣ. И это ощущеніе было тѣмъ сильнѣе и милѣе, что и Ольгина сестра Катя и ея мужъ Николай Борисовичъ Ложбининъ были самые подлинные столичные нервники и нейрастеники.

У самой воды на камнѣ сидѣла Ольга, дѣвушка лѣтъ двадцати четырехъ. Ея глаза были устремлены на даль морскую съ выраженіемъ дѣтскаго любопытства и веселаго удивленія,—широкіе, голубые, глубокіе глаза. Широко-разрѣзанный алогубый ротъ улыбался нѣжно, лукаво и довѣрчиво, и отъ этой улыбки все ея милое лицо, бронзово-загорѣлое, казалось озаренно-хорошѣющимъ съ каждою минутою. Пригрѣтая на мелкомъ пескѣ вода обнимала загорѣлыя такъ же темно, какъ и лицо, почти до колѣнъ пріоткрытыя стройныя ноги. Ея простая бѣлая одежда казалась такою нарядною, сквозной зеленовато-синій шарфъ на ея черныхъ волосахъ былъ завязанъ такъ мило,—и отъ всего этого Бредневъ почувствовалъ умиленіе и нѣжность, и ему казалось, что онъ не посмѣлъ бы поцѣловать ни ея алыхъ губъ, ни ея смуглыхъ рукъ.

Два мальчика въ купальныхъ костюмчикахъ, съ голыми руками и ногами, въ соломенныхъ шляпахъ, весело загорѣлые, плескались и бѣгали по водѣ у берега,

радостно занятые водою и камешками. Ольга почти не смотрѣла на нихъ, но чувствовалось, что они водятся ея волею. Услышавъ шаги, Ольга обернулась, встала, улыбнулась радостно и ласково. Бредневъ поздоровался съ нею и съ дѣтьми,—и мальчики опять занялись своею игрою.

— Да, такъ правда, что будетъ война?—спросила Ольга.—И германцы могутъ сюда притти?

Бредневу мило и забавно было видѣть на Ольгиномъ лицѣ это выраженіе вопроса и удивленія. Онъ улыбался и уже хотѣлъ сказать что-нибудь пугающее, но во-время вспомнилъ, что Ольга вовсе не робкая, что она ничего не боится. Желаніе подразнить Ольгу быстро погасло въ его душѣ. Онъ сказалъ:

— Германцевъ сюда не пустятъ, и опасности нѣтъ никакой.

— А мы собираемся уѣзжать,—сказала Ольга.

И на лицо ея легла тѣнь печали. И вдругъ оно стало такимъ, словно никогда и не знало улыбки, и отъ этого еще болѣе очаровательнымъ.

— Сестра Катя очень безпокоится и боится,—говорила Ольга,—и все порывается поскорѣе ѣхать въ городъ.

— А Николай Борисовичъ?—спросилъ Бредневъ.

Ольга опять засіяла улыбками, и на этотъ разъ въ ея улыбкѣ было милое сліяніе радости и печали. Неясное предчувствіе тихо ужалило влюбленное сердце молодого человѣка. Предчувствіе чего? Онъ ждалъ, что скажетъ Ольга.

Она говорила:

— Николай Борисовичъ—прапорщикъ запаса. Его возьмутъ, а сестра Катя уже воображаетъ, что мальчики останутся сиротами.

Слезинки блеснули въ Ольгиныхъ глазахъ.

— А вы?—спросилъ Бредневъ.

Лицо его стало мрачно. Ольга подняла на него удивленные глаза.

— Что я?—спросила она.

— Послушайте, Ольга Григорьевна, — тихо говорилъ Бредневъ,—мнѣ надо сказать вамъ кое-что. Пройдемте немного подальше отъ дѣтей.

— Дѣти насъ не слушаютъ,—отвѣчала Ольга.

Но Бредневъ смотрѣлъ на нее такими умоляющими глазами, что Ольга улыбнулась, посмотрѣла на дѣтей внимательно, съ внезапнымъ выраженіемъ строгой воли, и пошла вдоль берега. Мальчики, занятые игрою, не замѣтили, что она отошла. Казалось, что они и не позовутъ ее, пока она сама о нихъ не вспомнитъ.

Бредневъ шелъ за Ольгою, смотрѣлъ на то, какъ ея загорѣлыя голыя стопы легко и спокойно ступали на сыроватый, теплый песокъ, оставляя на немъ легкіе, красивые слѣды,—и сердце его замирало отъ любви къ этой тихой дѣвушкѣ съ любопытными глазами на смугломъ лицѣ.

Ольга остановилась, улыбнулась, поглядѣла на Бреднева вопросительно.

— Такъ вы о чемъ?—спросила она.

Спросила такъ спокойно, точно ждала, что онъ заговоритъ о завтрашней прогулкѣ. Но ея голубые глаза потемнѣли. Бредневъ понялъ, что она уже знаетъ, о чемъ онъ съ нею будетъ говорить, и сердце его замерло отъ страха. Точно проваливаясь въ бездну, онъ сказалъ поспѣшно:

— Я васъ люблю, Ольга.

Ольгины глаза потемнѣли еще болѣе, и стали испуганными. Но за мгновеннымъ выраженіемъ испуга въ ея

глубокихъ глазахъ явственно было на широкомъ разрѣзѣ алогубаго рта выраженіе воли, уже рѣшившей всѣ свои пути. Подъ тонкою тканью бѣлой одежды Ольгина грудь поднималась высоко и торопливо. Ольга смотрѣла прямо на Бреднева, и говорила:

— Другъ мой, я боялась, что вы мнѣ скажете это. Боялась. Но вѣдь вы знаете, что я только съ дѣтьми. Я ихъ не оставлю, пока они не подрастутъ. И я совсѣмъ не стремлюсь къ семейной жизни.

Бредневъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Слишкомъ спокойно звучалъ ея голосъ. Какъ-будто уже готовъ былъ ея отвѣтъ на всѣ подобные случаи. Самолюбивая досада отразилась въ чертахъ его слишкомъ добродушнаго лица.

— Я такъ и думалъ,—досадливо сказалъ онъ.—Дѣло не въ дѣтяхъ, а въ ихъ отцѣ.

Ольгины глаза гнѣвно зажглись.

— Какъ это глупо!—сказала она, и быстро побѣжала къ мальчикамъ.

Бредневъ не рѣшился итти за нею. Стоялъ на берегу.

II.

— Пора завтракать, дѣти!—сказала Ольга.

Мальчики побѣжали по песку и мшистой подстилкѣ прибрежнаго лѣска къ своей дачѣ на окраинѣ эстонской деревни. Ольга тихо шла вдоль берега, думая о своемъ и мечтая. Она знала, что дѣти найдутъ дорогу и что съ ними здѣсь ничего не случится. Скоро ихъ звонкіе голоса перестали доноситься до нея. Тогда она вдругъ всплеснула руками, повернулась лицомъ къ морю, и по милому лицу ея потекли быстрыя слезы. Не вытирая слезъ, она постояла съ минуту, потомъ вздохнула, улыбнулась и пошла своею дорогою.

Она думала о томъ, кого она любила давно и безнадежно, о мужѣ своей сестры. Зналъ ли онъ, что она его любитъ? Кажется, въ послѣднее время онъ сталъ догадываться объ этомъ. Иногда его усталые, разсѣянные глаза останавливались на ней съ внезапнымъ и пристальнымъ вниманіемъ.

Ольга думала, что женитьба Николая Борисовича на ея сестрѣ Катѣ была ошибкою, и что онъ былъ бы счастливѣе съ нею. Ужъ очень была раздражительна и взбалмошна сестра Катя. Да и не такъ ужъ сильно любила она мужа. Такъ, только держалась за него съ чувствомъ собственницы. Дорожила имъ больше, какъ отцомъ своихъ дѣтей и какъ не скупымъ мужемъ. Но такъ же охотно вышла бы и за другого, если бы не подвернулся въ свое время этотъ. А Ольга могла любить только одного. И что ей ея молодость и красота? Пройти, отцвѣсти, склониться затоптаннымъ цвѣтомъ придорожнымъ.

Каждый разъ, когда кто-нибудь изъ молодыхъ людей подходилъ къ ней съ вниманіемъ и лаской, она замирала отъ страха. Что она скажетъ на слова чужой любви?

Лучше было бы ей уѣхать далеко, жить одной. Но не слышать милаго медленнаго голоса, не видѣть этого первнаго лица съ мерцаніемъ тихихъ глазъ,—это было бы ей ужъ очень тяжело. И она жила съ сестрою. Зимою давала уроки въ школѣ. Присматривала за племянниками. Настаивала на томъ, чтобы ихъ воспитывали въ суровой близости къ природѣ, въ дружбѣ съ чистыми стихіями.

Сначала сестра Катя боялась, что Ольга простудитъ, заморозитъ ея дѣтей. Потомъ повѣрила, оставила дѣтей на попеченіе Ольги, и занялась своими дѣлами и развлеченіями, суетною жизнью женщины, у которой не такъ ужъ мало денегъ, чтобы стоило тратить время и заботы на ихъ добываніе.

Ольга говорила ей и Николаю Борисовичу:

— Посмотрите на себя въ зеркало,—вѣдь вы не живые люди, а просто комки слабыхъ нервовъ. Подумайте, какъ вы живете: вамъ противно встать утромъ рано, и вы оживаете только тогда, когда зажигается электричество.

Катя отвѣчала:

— Зимой утромъ вставать рано! Да это же невозможно,—темно, холодно, тоскливо. Нѣтъ, я только къ вечеру чувствую себя хорошо.

— Слабое, нервное поколѣніе,—говорила Ольга.— Одна только надежда, что дѣти будутъ иными. Я хочу, чтобы ваши дѣти были сильными, смѣлыми.

И часто спорили о дѣтяхъ. Катя сердито кричала:

— У тебя нѣтъ своихъ дѣтей, ты не можешь понять чувствъ матери.

Ольга смотрѣла на нее спокойно, и думала:

«Твои дѣти — дѣти холодной, вялой любви, — полулюбви. Безъ меня они были бы полулюдьми. Только моя любовь, любовь моя безъ мѣры, сдѣлаетъ этихъ дѣтей дѣтьми радости и счастія».

Настойчиво и терпѣливо добилась она того, чтобы дѣти воспитывались, какъ она хотѣла.

III.

Дома—шумъ, крикъ. Еще издали услышала Ольга Катинъ крикъ и дѣтскій плачъ, и побѣжала къ дому.

— Что такое? Что случилось? — спрашивала она, вбѣгая на террасу.

Эмилія, эстонка за нѣмку, по титулу бонна, а на дѣлѣ нѣчто среднее между экономкою и горничною, миловидная молоденькая дѣвушка въ бѣлой блузкѣ и синей юбкѣ

съ кожанымъ поясомъ, босая и загорѣлая, какъ Ольга, пугливо отвѣчала:

— Екатерина Григорьевна сердится, зачѣмъ дѣти долго гуляли. А я не могла за дѣтьми сходить, мясникъ пріѣзжалъ, бѣлье гладить, варенье варить надо, такъ много дѣла по дому.

Видимо радуясь, что можно уйти отъ дѣтей плачущихъ и отъ хозяйки разсерженной, Эмилія быстро побѣжала черезъ садъ въ кухню, поправляя на бѣгу воткнутыя въ прическу желтыя целлулоидныя гребенки. Прическа у нея была такая же, какъ у Ольги, и во всемъ она старалась подражать Ольгѣ.

Ольга подумала:

«Отчего я, такъ легко накладывающая на другихъ печать моей воли, все-таки волею моею не могла взять его любви, не заразила его моею любовью? Или только тотъ и силенъ, кто силенъ не о себѣ, чья любовь не раздѣлена и чиста?»

Ольга не спѣша вошла въ комнату. Мальчики бросились къ ней, и прижались къ ея юбкѣ, боязливо посматривая на разсерженную мать. Катя ходила по комнатѣ, дымила папироскою, постукивала высокими каблуками, и кричала:

— Разбалованные, скверные мальчишки!

Кое-какъ причесанная, кое-какъ одѣтая, слабо зарумянившаяся на лѣтнемъ солнцѣ,—Катя, по всему было видно, только недавно встала съ постели.

— Что случилось?—спросила Ольга.

— Что случилось?—закричала Катя, останавливаясь передъ Ольгою.—Скажи, пожалуйста, Ольга, что это значитъ, что дѣти цѣлое утро пропадали Богъ вѣсть гдѣ, и наконецъ пришли одни?

— Мы были вмѣстѣ,—отвѣчала Ольга,—потомъ дѣти побѣжали домой, я отстала.

— Воплощенная кротость!—язвительно сказала Катя.—Но я знаю, гдѣ ты была и съ кѣмъ любезничала.

— Эмилія Карловна!—крикнула Ольга, подходя къ двери изъ столовой въ сѣни, за которыми была кухня,—возьмите дѣтей, побудьте съ ними часокъ. Дайте имъ ѣсть.

Эмилія торопливо вышла изъ кухни, оправляя рукава на покраснѣвшихъ отъ кухоннаго жара рукахъ, и увела дѣтей въ садъ, въ бесѣдку, гдѣ завтракали и обѣдали въ хорошую погоду.

— Николая Борисовича нѣтъ дома? — спросила Ольга.

— А ты не знаешь, гдѣ онъ?—сердито говорила Катя.—Я завтракала одна въ то время, какъ вы изволили прогуливаться.

— Я съ утра не видѣла Николая Борисовича,—спокойно возразила Ольга.—Увѣряю тебя, ты ошибаешься. Если я съ кѣмъ разговаривала, такъ только съ Бредневымъ.

Катя язвительно захохотала.

— Сказки разсказываешь, милая.

Ольга улыбнулась.

— Бредневъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня.

Катя зажглась нетерпѣливымъ любопытствомъ. Даже папиросу оставила, положила въ пепельницу.

— Ну и что же? Что же ты? Сказала да?

— Сказала нѣтъ,—отвѣтила Ольга, и заплакала.

Катя ярко покраснѣла.

— Вотъ какъ! Сказала нѣтъ!—съ тихою яростью говорила она.—Скажите, пожалуйста! Мы любимъ другого! Но только другой—чужой мужъ. Да тебя это не

останавливаетъ? Ну, что жъ, нарушай чужое счастье, отнимай у сестры мужа.

— Катя, Катя, зачѣмъ ты это говоришь? — плача сказала Ольга.—Я никогда ему ни слова не сказала о моей любви, и онъ никогда не узнаетъ, что я его люблю.

— Зачѣмъ же ты живешь съ нами?

— Только для дѣтей.

— Чтобы сдѣлать ихъ грязными, царапанными дикарями?

— Чтобы сдѣлать ихъ господами и повелителями жизни, кующими свою судьбу по своей волѣ. Но если ты не хочешь, ты можешь сказать мнѣ, чтобы я ушла,— твои дѣти, дѣлай съ ними, что хочешь. Расти ихъ такими же неврастениками, какъ ты и Николай.

Катя засмѣялась. Сѣла на диванъ. Задумалась, успокоилась.

— Ты—хитрая, — сказала она. — Уйдешь, и его за собой потянешь. Нѣтъ, пока ты съ нами, я все-таки спокойна. Я знаю, что ты —честная, что ты меня не обманешь.

Сестры обнялись и плакали.

IV.

Вечеромъ газеты принесли извѣстіе о мобилизаціи. Событія пошли быстро. Черезъ нѣсколько дней Катинъ мужъ былъ призванъ на войну, быстро собрался и уѣхалъ. Сестры остались на дачѣ. Катя хотѣла уѣзжать въ городъ, а Ольга уговаривала ее остаться хоть до половины августа.

— Пойми, — говорила она, — разъ, что Англія объявила войну, такъ германскій флотъ ничего не можетъ сдѣлать. Здѣсь совершенно безопасно, высадка невозможна.

Катя ей бы, пожалуй, и не повѣрила, и настояла бы на немедленномъ отъѣздѣ въ городъ. Но разговоръ съ Бредневымъ далъ ея мыслямъ другое направленіе.

Проводивъ мужа до станціи, Катя возвращалась домой на извозчикѣ вмѣстѣ съ Бредневымъ.

— А Ольга Григорьевна не провожала?—спросилъ Бредневъ.

— Она осталась съ дѣтьми,—отвѣчала Катя.

— Собирается въ городъ?

— Ей не хочется въ городъ, она настаиваетъ, чтобы мы остались здѣсь до конца лѣта.

Бредневъ засмѣялся. Его добродушные сѣрые глаза вдругъ стали злыми. Онъ говорилъ:

— Не можетъ быть! Ольга Григорьевна поступитъ на курсы сестеръ милосердія, и постарается попасть поближе къ Николаю Борисовичу.

Катя поблѣднѣла.

«О, хитрая, хитрая! — думала она про сестру.— Нѣтъ, ты не поѣдешь въ городъ».

И онѣ уѣхали самыми послѣдними изъ дачниковъ, когда уже ночи стали совсѣмъ темны, и когда уже велѣно было не зажигать вечеромъ огня въ комнатахъ, окна которыхъ видны съ моря.

Переѣхали въ городъ, и Катя стала тревожиться ожиданіемъ, когда же Ольга поступитъ на курсы. Но Ольга занималась съ дѣтьми. Катя стала бояться, что Ольга и такъ найдетъ возможность уѣхать въ армію, увидѣть Николая Борисовича и увлечь его. Прочтя въ газетѣ разсказъ о женщинѣ, надѣвшей мужской костюмъ и попавшей въ ряды арміи, Катя очень испугалась.

«Вотъ такъ и Ольга поступитъ, — думала она.— Встрѣтится съ Николаемъ, и онъ влюбится въ нее».

Не стерпѣвъ страха, Катя рѣшила объясниться съ сестрою. Дѣтей отправила съ Эмиліею на улицу, а Ольгѣ сказала:

— Мнѣ надо съ тобою поговорить.

Когда сестры остались однѣ, Катя прямо приступила къ дѣлу. Она сказала:

— Ольга, не скрывай. Я догадалась. Я знаю, что ты хочешь сдѣлать.

И заплакала. Ольга смотрѣла на нее, широко открывая глубину голубыхъ, удивленныхъ глазъ.

— Катя, милая, что ты? О чемъ ты догадалась! Что ты обо мнѣ думаешь? О чемъ плачешь?—спрашивала она, обнимая сестру.

Катя говорила:

— Ты обрѣжешь волосы, одѣнешься мальчишкою, достанешь паспортъ, и поступишь въ солдаты.

Ольга засмѣялась. Потомъ нахмурилась. Спросила:

— Зачѣмъ мнѣ все это сдѣлать?

— Ты сама знаешь, зачѣмъ.

— Зачѣмъ же? Воевать съ германцами? Быть съ твоимъ мужемъ?—спрашивала Ольга.

— Да, да, вотъ именно все это,—сухимъ отъ злыхъ слезъ голосомъ отвѣчала Катя.

Ольга обняла ее, поцѣловала крѣпко, и сказала:

— Катя, милая, повѣрь мнѣ, я никогда не говорю неправды. И то, и другое я уже сдѣлала. Мнѣ не надо рѣзать волосы и поступать въ солдаты,—я и такъ воюю съ врагами. Мнѣ не надо ѣхать туда, гдѣ Николай,—я и здѣсь съ нимъ. Ты меня понимаешь?

— Нѣтъ,—тихо сказала Катя.

— Пойми, Катя,—говорила Ольга,—я воспитываю въ твоихъ дѣтяхъ волю къ господству надъ жизнью, научаю ихъ хотѣть и достигать, и если они и другія дѣти,

теперь растущія, станутъ такими, какъ я хочу, тогда никакой врагъ не будетъ страшенъ нашей родинѣ.

— Въ этомъ, Ольга, я тебѣ давно повѣрила,—отвѣчала Катя.—Помнишь какъ я испугалась, когда первый разъ увидѣла дѣтей голыми на снѣгу, на морозѣ? Теперь я за нихъ не боюсь, я тебѣ вѣрю. Но я того боюсь, что ты тянешься къ моему Николаю, и наконецъ отнимешь его отъ меня.

— Это могло бы быть, Катя, — отвѣчала Ольга, — если бы не было дѣтей. Но вѣдь я, когда съ его дѣтьми, живу съ нимъ и для него. Развѣ ты не понимаешь, какое это высокое счастье—быть съ любимымъ въ томъ, что живо и молодо, въ его дѣтяхъ, и на этомъ мосту между нимъ и мною цѣловать его цѣлованіемъ чистымъ и безъ горечи?

Катя подняла голову, положила руки на Ольгины плечи и долго смотрѣла въ ея дивные навѣки удивленные высокою тайною жизни и любви глаза. Долго смотрѣла и плакала. Потомъ стала передъ Ольгою на колѣни, и приникла губами къ ея рукамъ, и цѣловала ихъ, цѣловала ихъ упоенно и самозабвенно. И въ эту минуту сердце ея открылось для любви, которой раньше она не знала.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

I.

Морозомъ дышали ночные просторы. На темно-синемъ небѣ горѣли звѣзды, и такими близкими казались онѣ землѣ. Внизъ опрокинутый высокій серпъ луны былъ тихъ, чистъ и ясенъ.

Тотъ, кто шелъ въ лучахъ луны, поднимая порою глаза въ лунную непорочность, такъ больно и трепетно чувствовалъ, что онъ все еще только человѣкъ. Человѣкъ, которому горестно и трудно,—можетъ быть, потому, что въ этомъ ясномъ и непреклонномъ сіяніи только ему мглистымъ является его путь.

Иванъ Петровичъ Травинъ возвращался домой по одной изъ окраинныхъ улицъ маленькаго западнаго городка, гдѣ морозъ былъ рѣдкимъ явленіемъ. Чтобы не думать ни о чемъ, Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на снѣгъ. Изъ-за длинныхъ заборовъ пустынной улицы пушистыя и бѣлыя отъ снѣга вѣтки деревьевъ бросали на снѣгъ сквозныя тѣни. Странно было думать, что этотъ снѣгъ бѣлаго цвѣта,—такъ онъ синѣлъ, темнѣлъ въ тѣняхъ, таинственно мерцалъ въ лунномъ свѣтѣ, и неожиданно яснѣлъ въ колеяхъ и выбоинахъ.

Грустныя думы, обычныя спутницы Ивана Петро-

вича, и теперь не покидали его, томили и странно утѣшали. Онъ думалъ о женѣ, которая его оставила, и о подросткѣ сынѣ, который остался съ нимъ.

Жена его оставила потому, что перестала вѣрить въ его святыню, въ его надежды, и повѣрила въ механически-правильныя мысли тѣхъ, кто ждетъ преобразованія міра отъ фабричнаго города. Не потому, что разлюбила его, что полюбила другого. Онъ чувствовалъ, что она разлюбила не его, а эту всю почвенную жизнь, милую для него.

Сынъ остался. Его надо воспитать въ той же любви, чтобы сердце его было пламенѣющимъ и ревнивымъ, иногда ненавидящимъ любимое, но не выносящимъ хулы на родное. Но какъ трудна эта любовь!

Вотъ, за этими заборами таятся дома бѣдняковъ, евреевъ, поляковъ, русскихъ, выходцевъ изъ-за рубежа. Таится жизнь, то безумно-дерзкая, то безумно-робкая. Таится много вражды и злобы. И злоба отъ нищеты и непониманія.

Родина, жена, сынъ — домъ малый, свой, и домъ большой, отечество. И переходъ отъ одного къ другому, гимназіи, гдѣ Иванъ Петровичъ давалъ уроки, и городокъ, взбаламученный войною, недалекою отъ этихъ мѣстъ, но все же увѣренный, что врагъ сюда не доберется. Въ этомъ кругу вращались мысли Ивана Петровича, когда онъ услышалъ за собою чью-то робкую и торопливую побѣжку. Иванъ Петровичъ остановился и, досадливо поеживаясь, ждалъ, чтобы прохожій обогналъ его. Какъ это бываетъ иногда у очень нервныхъ людей, Иванъ Петровичъ не терпѣлъ чьихъ-нибудь шаговъ за спиною.

Всмотрѣлся въ прохожаго, узналъ его по тощей фигурѣ, приподнятымъ плечамъ, рыжей острой бородкѣ,

по безпокойному, внятному и въ полумракѣ, блеску вспыхивающихъ и потухающихъ, усталыхъ глазъ, по утомленной улыбкѣ тонкихъ, опущенныхъ въ углахъ книзу губъ,—узналъ и удивился: это былъ еврей-портной Тейтельбаумъ, о которомъ много въ городѣ говорили въ послѣдніе два дня, и говорили такъ, что Иванъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать встрѣчи съ нимъ на улицѣ.

— Это вы, господинъ Тейтельбаумъ?—воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

Тейтельбаумъ, суетливо кланяясь, приподнялъ фуражку.

— Ну, это таки я,—говорилъ онъ,—и иду къ вамъ, несу заказъ. Вы себѣ думали, Иванъ Петровичъ, что вашего Сережи панталоны уже пропали, и что Тейтельбаумъ болтается на веревкѣ, а Тейтельбаумъ таки живъ, и ничего такого съ Тейтельбаумомъ не случилось.

— Пойдемте вмѣстѣ, господинъ Тейтельбаумъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ,—я иду домой. Да скажите, что такое въ самомъ дѣлѣ было?

Тейтельбаумъ разсказывалъ:

— Вы тоже подумали, что Тейтельбаумъ — шпіонъ, что Тейтельбаума поймали? И это же мнѣ всѣ говорятъ, куда я ни приду: господинъ Тейтельбаумъ, развѣ васъ еще не повѣсили? Но скажите, пожалуйста, за что меня вѣшать? Какой-то шарлатанъ донесъ, что ко мнѣ пришелъ подозрительный человѣкъ, и ко мнѣ пришли брать этого подозрительнаго человѣка, ну и что же, вы думаете, оказалось? Это нашъ таки еврейчикъ, раненый солдатъ. Онъ ко мнѣ пришелъ, вотъ и все.

Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Говорили, что этотъ подозрительный человѣкъ былъ одѣтъ какъ-то странно, не то солдатъ, не то цывильный.

— Ну, такъ онъ же только что вышелъ изъ лазарета, —отвѣчалъ Тейтельбаумъ,—я же не знаю, что онъ себѣ думалъ, зачѣмъ онъ отсталъ отъ своей команды. Его взяли и отправили, куда слѣдуетъ. Скажите, пожалуйста, изъ-за чего такой скандалъ дѣлать? Самъ господинъ комендантъ сказалъ мнѣ: «Ну, идите себѣ, господинъ Тейтельбаумъ, я знаю, что вы—честный еврей, и занимаетесь своимъ дѣломъ».

Ивану Петровичу не хотѣлось разспрашивать Тейтельбаума о подробностяхъ этой исторіи съ легкомысленнымъ солдатомъ. Онъ сказалъ:

— Вотъ и хорошо, господинъ Тейтельбаумъ, — значитъ, васъ ни въ чемъ не подозрѣваютъ.

— И что вы тутъ видите хорошаго?—жалующимся голосомъ говорилъ Тейтельбаумъ.—Начальство знаетъ, въ чемъ дѣло, а въ городѣ всѣ говорятъ,—шпіона поймали, и на базарѣ повѣсили, зачѣмъ шпіонъ. Это очень нехорошо, Иванъ Петровичъ.

— Да, это скверно,—согласился Травинъ.

Тейтельбаумъ продолжалъ:

— Ну, я таки вашъ заказъ исполнилъ, Сережи вашего панталоны починилъ. Правда, очень короткіе вышли, потому что я низочки взялъ отрѣзалъ и положилъ заплатки, гдѣ надобно, но при длинныхъ чулкахъ дома очень хорошо будетъ.

II.

Дошли до того дома, гдѣ жилъ Травинъ. Въ одномъ изъ трехъ окошекъ деревяннаго домика свѣтился огонь. Иванъ Петровичъ стукнулъ палкою въ это окно, и поднялся на крыльцо. Скоро дверь открылась; на порогѣ стоялъ двѣнадцатилѣтній гимназистъ въ сѣрой мягонь-

кой одеждѣ и въ рыженькихъ мягкихъ валенкахъ. Онъ радостно и ласково улыбался отцу, но, увидѣвъ Тейтельбаума, воскликнулъ отъ удивленія:

— Господинъ Тейтельбаумъ, это вы!

— Ну и кто же, какъ не я!—съ кислою улыбкою отозвался Тейтельбаумъ.—Я принесъ вамъ вашу вещь, чтобы вы ее примѣрили. И носите себѣ дома на здоровье, а Тейтельбаумъ еще долго будетъ на васъ работать.

— А у насъ, въ гимназіи, говорили,—началъ было Сережа.

Иванъ Петровичъ строго посмотрѣлъ на него.

Мальчикъ покраснѣлъ и замолчалъ.

III.

Иванъ Петровичъ и Сережа сидѣли въ столовой, и пили чай. Былъ седьмой часъ вечера. Раздался звонокъ, потомъ второй.

— Пелагеюшка наша опять спитъ, не слышитъ,— сказалъ Сережа, и побѣжалъ открывать дверь.

Черезъ минуту онъ вернулся, и вслѣдъ за нимъ въ столовую вошла пятнадцатилѣтняя красивая дѣвочка, ученица Ивана Петровича по женской гимназіи, Сарра Канцель. По ея раскраснѣвшемуся лицу было видно, что она сильно взволнована чѣмъ-то, и даже напугана. И потому въ томномъ взорѣ черныхъ, большихъ глазъ и въ дрожащей улыбкѣ устало-алыхъ губъ особенно ярко выявлялся еврейскій скорбный обликъ. Она заговорила поспѣшно и тревожно:

— Простите, Иванъ Петровичъ, что я такъ поздно, но мнѣ очень, очень надо съ вами поговорить.

Сережа придвинулъ стулъ. Сарра сѣла, и вдругъ заплакала, закрываясь руками.

— Саррочка, что съ вами?—растерянно спрашивалъ Иванъ Петровичъ.—Ахъ, Боже мой, да о чемъ вы плачете?

Онъ неловко суетился около дѣвочки, не зная, что сказать.

— Мнѣ уйти?—тихо спросилъ Сережа.

Но Сарра услышала. Вдругъ перестала плакать и сказала громко и точно со злостью:

— Нѣтъ, пусть и Сережа послушаетъ, что я буду разсказывать. Пусть онъ скажетъ мнѣ, за что, за что?

И опять заплакала горько.

— Саррочка,—говорилъ Иванъ Петровичъ,—успокойтесь, выпейте воды. Разскажите, что случилось.

Онъ ласково и неловко гладилъ по головѣ плачущую дѣвочку. Она взяла его руку, порывисто поцѣловала ее, и сказала:

— Вы такой умный и добрый, и все понимаете, а я не знаю сейчасъ, что я сдѣлала, поцѣловала или укусила. Я не знаю, что со мною, и за что, за что? Слушайте, я вамъ разскажу, и вы объясните мнѣ это. Мы пошли на станцію встрѣчать раненыхъ, я, и Лиза Бѣляева, и Катя Нахтманъ, и еще нѣсколько нашихъ подругъ, и гимназисты были, и Сергѣй Павловичъ, и еще были люди, ужъ я не помню сейчасъ, кто еще былъ. Но это все равно. Ну вотъ слушайте,—мы знали, что въ нашъ городъ сегодня должны привезти раненыхъ въ новый баракъ, и мы приготовили имъ кофе и угощенье. Но вотъ раненые пріѣхали, и сначала все было хорошо, мы разливали кофе, и сами разносили его, и всѣ были довольны и благодарили. Ну вотъ я подошла къ одному солдату, и подала ему стаканъ кофе, говорю ему: «Кушайте себѣ на здоровье!» А онъ посмотрѣлъ на меня такъ сердито, спрашиваетъ: «Ты —жидовка?» Я ему говорю: «Да, я—еврейка, но я—рус-

ская». А онъ замахнулся, вышибъ у меня изъ рукъ стаканъ, и крикнулъ: «Жидовка проклятая!» За что, за что?

Сарра упала головою на столъ, и плакала, плакала мучительно и долго. Сережа стоялъ и слушалъ. Щеки его ярко раскраснѣлись.

— Саррочка,—говорилъ Иванъ Петровичъ,—не судите его строго; онъ раненъ, боленъ, усталъ, можетъ быть, бредитъ; кто-то насказалъ ему злыхъ словъ, и онъ повѣрилъ. Онъ—бѣдный и темный человѣкъ, и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

— Но за что, за что намъ это?—плача, говорила Сарра.—Отчего никто за насъ не заступится? Вѣдь мы же русскіе! У насъ нѣтъ другой родины, кромѣ Россіи! Мы родились здѣсь и выросли, мы любимъ Россію и все русское, мы учимся въ русской школѣ, читаемъ русскихъ писателей, мы во всемъ, во всемъ хотимъ быть съ вами. Полмилліона евреевъ въ русской арміи,—за что же намъ это?

Иванъ Петровичъ слушалъ Сарру, говорилъ ей какія-то блѣдныя, неумѣлыя слова утѣшенія. Голова его кружилась и болѣла. Вдругъ припомнился вчерашній кошмаръ.

Вчера онъ пришелъ изъ гимназіи очень усталый и разстроенный. Послѣ обѣда сѣлъ было просматривать тетрадки. Но такая была усталость, что, посидѣвъ съ полчаса, пошелъ въ спальню, и легъ на кровать, какъ былъ въ пиджакѣ. Даже крахмальнаго воротничка не снялъ. Покрылся халатомъ. Лежалъ на правомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, подложивъ руки на подушку подъ голову. Заснулъ. Черезъ часъ проснулся отъ какого-то шума въ домѣ. Но встать не могъ. Лежалъ въ тяжелой дремотѣ, чувствуя, какъ обезкровленъ усталый мозгъ. Вдругъ чья-то рука просунулась изъ-за изголовья къ его лицу,

мягкая, сѣрая, съ длинными пальцами. Чей-то издѣвающійся голосъ тихо говорилъ:

— Здравствуй, здравствуй.

Иванъ Петровичъ зналъ, что это кошмаръ, но не могъ пошевелиться. Ему было страшно, и казалось, что онъ грызетъ эту вражью руку. Но врагъ смѣялся и не уходилъ. Къ счастью, вошелъ Сережа, тихо сказалъ что-то,— и вражьи чары разсыпались. Онъ всталъ съ постели, и чувствовалъ, какъ холодъ входитъ въ его кости.

«Скоро я умру!» подумалъ онъ. Но эта мысль не была ему страшна. Онъ смотрѣлъ на свѣтлую Сережину улыбку, на его сильныя, стройныя ноги, и думалъ:

«Когда мы всѣ отойдемъ, наши дѣти спасутъ Россію».

IV.

И вдругъ опять звонокъ. Сережа побѣжалъ отворять. Изъ передней послышался его крикъ, радостный, пронизанный радостными слезами:

— Мама, мамочка!

Иванъ Петровичъ поблѣднѣлъ. Сарра сказала:

— Я не во-время пришла. Я уйду.

Иванъ Петровичъ улыбнулся печально и насмѣшливо:

— Останься, Саррочка, Надежда Николаевна сумѣетъ тебя утѣшить.

И пошелъ въ переднюю, встрѣчать жену. Самъ не понималъ, радъ ли ей.

Сарра передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, вытерла слезы, поправила прическу, и отошла къ сторонѣ. Предъ ея глазами словно плылъ туманъ, и, какъ далекіе, звучали радостные голоса.

Молодая, смуглая, черноглазая, быстрая женщина оживленно говорила:

— Я тебѣ не успѣю надоѣсть, завтра же ѣду дальше. Ну да, можешь представить, я выдержала всѣ экзамены, какіе полагается, и ѣду на войну сестрою милосердія. Ты мнѣ позволь только переночевать у тебя. Ты спрашиваешь о Виталіи Андреевичѣ? Но развѣ ты не знаешь,— вѣдь мы же съ нимъ разошлись! Онъ оказался такимъ черствымъ и сухимъ человѣкомъ. Вотъ то ужъ полная противоположность тебѣ,—совершенно машинная психологія, твердо вѣритъ въ свои теоріи, ходитъ въ шорахъ, и всегда счастливъ, тупъ и глупъ. Ну, пои меня чаемъ. Сережка, наливай! Морозъ отчаянный, пока съ вокзала ѣхала, чуть не замерзла, — вѣдь тамъ въ Питерѣ все больше шлепъ-морозы, а у васъ южнѣе, да похолоднѣе. Я вообразила, что у васъ здѣсь чуть ли не розы цвѣтутъ, поѣхала налегкѣ, въ осеннемъ. Или это только сегодня такъ холодно? Да ты не думай, что я послѣ войны тебѣ на шею сяду,—слава Богу, прокормлюсь. А это что за типъ тамъ на диванѣ? Учащаяся дѣвица? Пришла побесѣдовать о Лермонтовѣ? Поди-ка сюда. Ахъ, Боже мой, да это—Сарра!

Иванъ Петровичъ и Сережа улыбаясь смотрѣли на говорливую гостью. Даже Сарра улыбнулась, подходя къ Надеждѣ Николаевнѣ.

— Что, плакала?—всмотрѣвшись въ дѣвочку, спросила Надежда Николаевна. — Иванъ Петровичъ тебѣ двойку влѣпилъ, хочешь выплакать отмѣтку получше?

— Видишь, Надя,—осторожно заговорилъ Иванъ Петровичъ,—это очень тяжелая исторія. Видишь въ чемъ дѣло.

И онъ передалъ разсказъ Сарры. Надежда Николаевна выслушала внимательно, тряхнула головою, и сказала рѣшительно:

— Стоитъ обращать вниманіе! Очевидно, больной,

разстроенный человѣкъ. Вѣрьте, Саррочка, все это пройдетъ, русскій народъ разберется во всемъ этомъ. Я сама, когда уѣзжала отсюда, была въ кислыхъ и злыхъ чувствахъ. Потому и уѣхала. А какъ пожила съ этими машинно-думающими людьми, такъ вдругъ почему-то опять повѣрила въ русскаго человѣка. Вѣрь и ты, Сарра. Садись, поговоримъ по душамъ.

V.

Часа черезъ два Иванъ Петровичъ и Сережа вышли проводить Сарру до ея дому. Сарра была уже спокойна и весела. Да и Иванъ Петровичъ и Сережа шагали бодро и говорили весело. Неожиданная гостья сумѣла всѣхъ утѣшить и заразить своею вдругъ опять загорѣвшеюся вѣрою.

КРАСАВИЦА И ОСПА.

КРАСАВИЦА И ОСПА.

Въ серединѣ марта Кира Лабазина, дѣвушка необычайно-красивая, пришла наниматься въ гувернантки къ двумъ дѣвочкамъ, тринадцати и одиннадцати лѣтъ. Не по объявленію,—послали знакомые. Въ рукахъ было рекомендательное письмо,—очень хвалили,—а въ душѣ—дрожь волненія и смутное воспоминаніе о многихъ мѣстахъ, которые она уже успѣла перемѣнить къ двадцати четыремъ годамъ своей жизни. Нервы были ужъ взбудоражены, пока дожидалась минутъ пять въ гостиной. Вешнее солнце слишкомъ ярко играло на позолоченныхъ стульяхъ, и отраженный отъ паркета свѣтъ тускло блестѣлъ на позолоченныхъ рамахъ картинъ. Домъ богатый, праздный,—и Кира думала, что ей опять придется уходить скоро.

Вышла дама, стройная, миловидная. Очень молодымъ было сдѣлано у нея лицо, и такъ искусно, что простодушные мужчины даже и не подозрѣвали присутствія косметикъ.

Кира робко поднялась со своего стула. Дама, Нина

Андреевна, невнимательно взяла письмо. Пробѣгая его глазами, разсказывала, что у нея трое дѣтей; воспитываются дома,—дѣвочки, и четырнадцатилѣтній мальчикъ, Костя. У него студентъ-репетиторъ. Мужъ на войнѣ, полковникъ.

Въ нарядныхъ комнатахъ странно и празднично смѣшивались запахи освященной вербы и по-парижскому милыхъ духовъ. Нина Андреевна посмотрѣла на Киру, и сказала:

— О, да вы—красавица!

Кира вдругъ покраснѣла очень ярко, и вдругъ заплакала. Нина Андреевна удивилась. Спросила досадливо:

— Что такое? Что вы плачете?

И насторожилась. Такъ трудно найти хорошую гувернантку для дѣвочекъ! Эту отлично рекомендуютъ,—но она такъ красива,—хорошо ли это? И притомъ ни съ того, ни съ сего плачетъ,—что за странность?

Нина Андреевна вопросительно смотрѣла на Киру и ждала отвѣта. Кира горько плакала и говорила:

— Бѣда моя—красота моя! Горе мнѣ отъ нея!

— Бѣда? Горе?—спрашивала Нина Андреевна.—Объясните, пожалуйста, толкомъ. Я ничего не понимаю.

Кира принялась объяснять:

— Ухаживаютъ за мною, пристаютъ. Молодые люди не даютъ прохода.

Нина Андреевна сѣла на диванъ, посадила Киру въ кресло рядомъ, и спросила:

— Отчего жъ вы не выходите замужъ?

И смотрѣла на Киру, все дивясь ея слезамъ и ея красотѣ. Думала:

«Точно у нея тамъ двѣ пипетки выпускаютъ слезку за слезкой».

Слезка за слезкой—а глаза ясные, синіе, а лицо прекрасное, одно изъ тѣхъ, которыя даже странно встрѣчать въ жизни.

Кира говорила:

— О, они, эти молодые люди, развѣ хотятъ жениться на бѣдной гувернанткѣ? Одинъ былъ получше другихъ, я его не любила, впрочемъ, но онъ былъ очень тихъ и милъ. Можетъ быть, я бы и вышла за него,—такъ, чтобы спастись. Но онъ пошелъ на войну,—офицеръ, и его убили на войнѣ. А другіе ухаживали грубо и дерзко. Не знаю, ужъ какъ меня Богъ уберегъ. Но сколько мѣстъ пришлось перемѣнить! Къ вамъ я съ радостью пошла потому, что у васъ нѣтъ взрослыхъ сыновей.

Нина Андреевна засмѣялась. Ея скучающей лѣни почудилось забавное развлеченіе. Она сказала весело:

— О, да ты, моя милая, недотрога. Это мнѣ нравится. Ты у меня останешься. Ну-съ, госпожа мимоза, поговоримте.

Поговорили и сговорились. На все есть такса,—есть такса и на трудъ гувернантки, сговориться не трудно.

Въ тотъ же вешній вечеръ Кира переѣхала въ квартиру Нины Андреевны, и заняла отведенную ей коморку рядомъ съ комнатою студента репетитора. Кира сейчасъ же разложила свое несложное имущество, и приступила къ исполненію своихъ обязанностей.

На другой день утромъ горничная Маша позвала Киру къ Нинѣ Андреевнѣ въ спальню,—Нина Андреевна поздно вставала. Въ спальнѣ было розово, полутемно и душно; въ легкомъ еле слышномъ шумѣ вентилятора запахъ тѣхъ же духовъ, что и вчера, казался выдыхающимся.

Нина Андреевна лежала на спинѣ, до горла закрывшись розовымъ одѣяломъ. Лицо ея было въ тѣни,—толь-

ко на нижній край постели и немного дальше падала узкая полоса свѣта отъ слегка раздвинутой оконной занавѣси.

— Здравствуйте, мимоза,—привычно ласковымъ голосомъ сказала Нина Андреевна.—Не прячьтесь въ тѣни, станьте такъ, чтобы я васъ видѣла. Я вотъ что хочу спросить: надѣюсь, у васъ привита оспа?

— Привита,—отвѣчала Кира.

— Нынче привита?—спрашивала Нина Андреевна.

Кира какъ-будто слегка смутилась. Тихо сказала:

— Нѣтъ, въ дѣтствѣ.

— О, этого недостаточно, — недовольнымъ голосомъ сказала Нина Андреевна.—Всѣ прививаютъ, можно опасаться заноса эпидеміи, если этого не сдѣлать. Вы знаете, война, всякія болѣзни разносятся. Я и себѣ привила, и дѣтямъ, и всѣмъ, кто у меня живетъ. Надо сегодня же и вамъ привить.

Кира заплакала. Нина Андреевна опять удивилась.

— Въ чемъ дѣло? У васъ, милая, неисчерпаемые источники слезъ. Положимъ, къ вашей очаровательной физіономіи это идетъ, но все же это мнѣ положительно не нравится.

Кира говорила:

— Нина Андреевна, я нарочно не прививала оспы. Если заражусь, такъ у меня не будетъ этой ужасной красивой физіономіи, которая составляетъ мученіе всей моей жизни.

Нина Андреевна засмѣялась.

— Какъ это наивно! Но вѣдь вы всѣхъ насъ заразите?

— Я сейчасъ же уйду, какъ только почувствую себя больной, — поспѣшно отвѣтила Кира, словно оправдываясь.

— Ну, это—вздоръ! А на что же вы будете жить!

— У меня есть на книжкѣ четыреста рублей.

— Вы ихъ должны беречь,—наставительно сказала Нина Андреевна,—а не тратить на ненужное леченіе, когда можно предупредить болѣзнь. Ну, мы съ вами еще вернемся къ этой темѣ, а теперь ведите дѣвочекъ гулять.

Кира пошла гулять съ дѣтьми въ Лѣтній садъ, а Нина Андреевна надѣла розовыя бархатныя туфли и фланелевый капотъ, и пошла въ столовую къ телефону позвать знакомую фельдшерицу. Самымъ озабоченнымъ голосомъ, какой только былъ въ ея распоряженіи, она говорила:

— Анна Ивановна, голубушка, къ вамъ просьба усердная. У нашей новой гувернантки оспа еще не привита. Я такъ боюсь за дѣтей.

— Да, конечно, конечно,—шипѣло въ телефонѣ что-то, отчасти похожее на голосъ человѣческій.

— Такъ ужъ вы, Анна Ивановна, пожалуйста, придите къ намъ какъ можно скорѣе.

Оказалось, что какъ разъ черезъ два часа фельдшерица можетъ притти, что у нея есть тубочка съ детритомъ и все прочее, что можетъ понадобиться. Нина Андреевна отошла отъ телефона успокоенная, и принялась одѣваться.

Кира съ дѣтьми вернулась. Черезъ полчаса ее опять пригласили въ спальню къ Нинѣ Андреевнѣ, и почти насильно привили оспу. Какъ она ни отговаривалась, ничто не помогло. Нина Андреевна даже наконецъ сказала:

— Если вы будете упрямиться, я позову Машу и Зину, онѣ васъ подержатъ.

Только этого не доставало! Пришлось покориться.

Кира вышла изъ спальни съ краснымъ и злымъ лицомъ. Но и это не дѣлало ее менѣе красивою.

Костинъ студентъ-репетиторъ, Петръ Иванычъ встрѣтился съ нею въ гостиной. Посмотрѣлъ, усмѣхнулся.

— Что? обидѣли? — участливо спросилъ онъ. — У насъ барынька взбалмошная, но, въ сущности, добрая, не хуже прочихъ изъ дамскаго сословія,—такъ что вы ея словъ особенно близко къ сердцу не принимайте.

Кира молчала. Но не уходила. Искреннее, доброе участіе слышалось ей въ словахъ студента, и это трогало ее теперь особенно. Студентъ продолжалъ спрашивать:

— Что, придралась къ чему-нибудь!

Онъ не былъ очень любопытенъ, но теперь его почему-то тянуло говорить съ Кирою, хотѣлось услышать ея милый, ясный голосъ, смотрѣть въ ея синіе, ясные глаза.

Кира потупилась, и тихо сказала:

— Оспу привили. Я вовсе не хотѣла. Почти насильно.

Онъ засмѣялся, и сказалъ весело:

— Да, и меня заставили. Да что жъ вы сердитесь? Это—дѣло не вредное.

Кира и ему разсказала, почему ей хочется потерять свою красоту. Вдругъ какъ-то довѣрчиво и просто разсказала. Точно знала, что онъ не посмѣется, что онъ пожалѣетъ.

Петръ Иванычъ посмотрѣлъ на нее. Пожалѣлъ. Какъ-то вдругъ до сердца дошла острая жалость. И вдругъ почувствовалъ, что любитъ Киру.

«Исторія!»—досадливо подумалъ онъ. Быстро повернулся и ушелъ, точно сердясь на что-то.

Всю Страстную онъ ходилъ, какъ въ чаду. Старался почаще быть около Киры, помочь ей, поговорить съ нею. И такъ былъ взволнованъ жалостью къ ней и нѣжною любовью, что и она заражалась отъ него этими смутными и влекущими волненіями.

Въ субботу послѣ завтрака Нина Андреевна взяла дѣвочекъ съ собою къ одной изъ своихъ старыхъ род-

ственницъ. Студентъ постучался въ дверь Кириной комнаты. Кира встрѣтила его на порогѣ смущенная и взволнованная почему-то. Сказала:

— Пойдемте лучше въ гостиную.

— Ладно,—согласился Петръ Ивановичъ,—въ гостиную, такъ въ гостиную.

И уже по дорогѣ въ гостиную заговорилъ:

— Послушайте, Кира Сергѣевна, на кой чортъ сдался вамъ этотъ городъ?

— А какъ же?—съ улыбкою спросила Кира.

— Поѣзжайте въ деревню, работайте для народа,— горячо и убѣжденно говорилъ Петръ Иванычъ.—Тамъ жизнь здоровая, нѣтъ этого чаднаго блуда.

— Да я—горожанка,—сказала Кира.

— Все это—ерунда!—воскликнулъ студентъ.—Вотъ я кончу, сдамъ государственные, и въ деревню,—жить, работать. Полною жизнью жить.

— Что жъ вы тамъ будете дѣлать?—спросила Кира.

— Ну, тамъ дѣла сколько хочешь. Займусь устройствомъ коопераціи,—въ нихъ будущее молодой трудовой Россіи. Вотъ бы и вамъ со мною.

Глаза его блестѣли. Кира уже и раньше догадывалась, что онъ влюбленъ. Для нея это была обычная исторія. И привычный страхъ охватилъ ее.

«Опять уходить?» подумала она.

Привитая оспа томила ее зноемъ и ознобомъ. Руку странно и непріятно тянуло,—оспа принялась очень хорошо.

Петръ Ивановичъ заглянулъ ей въ глаза. Говорилъ, волнуясь мило и молодо:

— А? подумайте, да и махните со мною. Право, хорошо будетъ. Я васъ устрою учительницею. Или, быть можетъ, надоѣло съ дѣтворою возиться? Такъ вѣдь тамъ

не такіе ребята, какъ здѣсь. А то и при другомъ дѣлѣ устроить можно. Работы много, работниковъ мало.

Что-то простое и хорошее протянулось отъ его глазъ къ ея душѣ. Она тихо сказала:

— Сама-то я ничего не знаю, никуда не гожусь! Даже въ сестры милосердія не догадалась пристроиться.

И поспѣшно ушла къ себѣ. Поплакала немножко. Много плакать нельзя было,—дѣвочки вернулись, и уже почти все время были съ нею.

Ночью въ церкви было ясно, празднично и радостно. Кира вдругъ забыла все, что томило,—и оспа мучила меньше, и о красотѣ своей не думалось въ этомъ благолѣпіи праздничной службы.

Христосуясь послѣ заутрени, студентъ тихо спросилъ:

— Любишь меня, Кира?

Сама не знала Кира, какъ отвѣтила:

— Люблю.

— Въ деревню со мною поѣдешь?

— Поѣду.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

— Наши Перемышль взяли!—радостно сказала Ирина Григорьевна, входя въ столовую, гдѣ уже сидѣлъ и дожидался обѣда, хмуро читая вечернюю газету, Викторъ Александровичъ Стогоровъ.

Онъ глянулъ на Ирину сердито, кисло усмѣхнулся, и пробормоталъ:

— Читалъ уже сію радостную вѣсть.

У Ирины заныло сердце, и задрожали руки. Она сѣла на свое мѣсто разливать супъ. Знала, что неизбѣженъ непріятный разговоръ, и что опять онъ кончится рѣзкою вспышкою.

Для этого-то вотъ человѣка она оставила мужа и дѣтей! Правда, Стогоровъ умѣетъ быть милъ, любезенъ, остроуменъ даже, когда захочетъ. Но эта его странная непріязнь ко всему русскому, это его презрѣніе къ русскому грязному мужику, къ низкой русской культурѣ,—это его необычайное преклоненіе передъ всѣмъ, на чемъ стоитъ ярлыкъ: «сдѣлано въ Германіи!»

Прежде Ирина не замѣчала всего этого. Казалось

естественнымъ, что человѣку нравится хорошее чужое и не нравится худое свое. Ни къ чему было, что въ своемъ Стогоровъ никогда ничего хорошаго не видѣлъ. Но война вскрыла всѣ эти странныя противорѣчія.

Ирина старалась не слушать нудныхъ разсужденій Стогорова, и думала о своемъ. Объ оставленномъ мужѣ. Было сладко думать о томъ, что онъ прислалъ ей съ войны два письма. Теперь онъ уже командуетъ полкомъ. Былъ въ бояхъ, ни разу не раненъ. Письма такія милыя, дружескія, точно ничего и не было, точно къ сестрѣ пишетъ. Правда, Ирина сама начала переписку.

Такъ задумалась, что совсѣмъ забыла о Стогоровѣ. Только его сердитый вскрикъ разбудилъ ее.

— Вамъ, кажется, не угодно отвѣчать на мои вопросы? Чѣмъ я заслужилъ такую немилость?

— Извини, я задумалась,—краснѣя, какъ молоденькая дѣвушка, отвѣчала Ирина.

Вздохнула. Да, опять разсужденія о войнѣ, придирчивыя о русскихъ, хвалебныя о нѣмцахъ. Надобно отвѣчать, участвовать въ разговорѣ. Еле досидѣла до конца обѣда.

Послѣ обѣда сказала:

— Мнѣ надо сегодня поѣхать къ Кирилловымъ.

Стогоровъ промолчалъ.

На улицѣ пахло весною. Небо было синее и сладостно-ясное, вечерѣющее небо ранней весны. Послѣднюю вербу купила Ирина у веселаго, краснощекаго отъ холода мальчика въ синей маминой кацавейкѣ. И потянуло ее итти къ дѣтямъ.

Ихъ двое,—мальчику Сережѣ пятнадцать, дѣвочкѣ Лизѣ тринадцать. Она у нихъ бываетъ почти каждую недѣлю. Всегда по секрету отъ Стогорова. Чувствуетъ, что они ее жалѣютъ и осуждаютъ. Съ ними живетъ сестра ихъ отца; у нея тоже дѣвочка, на годъ помоложе Лизы.

Когда уже Ирина подошла по шумной улицѣ къ углу того переулка, гдѣ, во второмъ домѣ отъ угла, жили ея дѣти, странное волненіе охватило ее, и она быстро повернула назадъ. Прошла немного, и стыдно ей стало.

«Что со мною?»

Она пошла опять, и опять у того же угла точно что-то отбросило ее назадъ. И такъ нѣсколько разъ подходила она къ переулку, и уходила. Наконецъ ушла.

И всю недѣлю почему-то не рѣшалась итти къ дѣтямъ. Наконецъ ужъ въ понедѣльникъ на Страстной, опять послѣ обѣда съ непріятнымъ разговоромъ о германской культурѣ и о русской дикости, отправилась туда.

Съ сильно бьющимся сердцемъ Ирина позвонила у дверей той квартиры, которую она еще такъ недавно называла своею. Никогда еще она такъ не волновалась передъ этою дверью, какъ теперь. И сама не понимала, почему. Точно зрѣло въ душѣ какое-то рѣшеніе.

Какъ всегда, выбѣжали въ переднюю встрѣчать ее веселыя, прыткія дѣти, и за ними вышла Наталья Сергѣевна, какъ всегда озабоченная, съ чуть-чуть растрепавшеюся прическою.

— Милая Наташа! — сказала Ирина, обняла ее, и вдругъ заплакала.

Дѣти притихли. Лиза взялась за маминъ рукавъ, и ужъ сама собиралась плакать.

— Что съ тобою, Ириночка? что такое?—растерянно говорила Наталья Сергѣевна.—Да пойдемъ ко мнѣ,—успокойся. А вы, дѣти, идите себѣ, идите.

Входя въ комнату Натальи Сергѣевны, Ирина говорила:

— Боже мой, Боже мой, какъ я устала! У тебя такъ хорошо, Наташа, такое благообразіе во всей вашей жизни,—и лампады, и цвѣты, и смѣхъ дѣтскій, и говоръ веселый. А у меня...

— Опять поссорились? — спросила Наталья Сергѣевна.

— Онъ меня измучилъ!—воскликнула Ирина.—Можетъ быть, тебѣ это смѣшно покажется, но онъ заставилъ меня почувствовать въ себѣ русскую душу, любовь къ Россіи, любовь ко всему, о чемъ мы такъ легко забываемъ. Заставилъ тѣмъ, что онъ все это ненавидитъ, все это проклинаетъ. Его злоба вызвала отпоръ въ моей душѣ.

— Зачѣмъ же ты съ нимъ?—спросила Наталья Сергѣевна.

— Сама не знаю, зачѣмъ. Сначала любила, теперь ненавижу. Если бы Володя былъ здѣсь, я бы пришла къ нему просить, чтобы онъ опять пустилъ меня къ себѣ и къ дѣтямъ.

— Какой вздоръ!—сказала Наталья Сергѣевна.—Тебѣ не надо просить объ этомъ, онъ будетъ радъ, ты сдѣлаешь ему радостный праздникъ.

— Мнѣ стыдно, я не смѣю,—говорила Ирина.

Наталья Сергѣевна замахала на нее руками.

— Молчи, молчи!—сказала она.

Раскраснѣвшаяся и взволнованная, она быстро пошла къ двери, и закричала громко:

— Дѣти, дѣти!

Слышенъ былъ веселый топотъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ. Ирина сидѣла, уткнувшись лицомъ въ платокъ, и плакала, плакала. Какъ сквозь туманную завѣсу доносился до нея голосъ Натальи Сергѣевны изъ коридора:

— Сережа, Лиза, мама останется съ вами.

Дѣти завизжали отъ радости, и шумно вбѣжали въ комнату. Смущенно остановились на порогѣ.

— Мама плачетъ,—сказалъ Сережа.

Ирина опустила платокъ, и засмѣялась. Мокрыя отъ слезъ щеки ея были румяны.

— Мама ваша глупая,—сказала она.—Мама боится вашего отца, и не знаетъ, что онъ скажетъ, когда узнаетъ, что я вернулась.

Сережа, мальчикъ съ такими же быстрыми и веселыми глазами, какъ у отца, подошелъ къ матери, обнялъ ее, и сказалъ:

— Мы пошлемъ папѣ письмо, и я знаю, что онъ отвѣтитъ.

— Что, милый?—спросила Ирина.

И со страхомъ смотрѣла на сына, и съ надеждою. А онъ смѣялся и молчалъ.

— Ну, что, что отвѣтитъ? — кричала любопытная Лиза.

— Догадайся сама,—говорилъ Сережа.

Но всмотрѣлся въ испуганные мамины глаза, и ему стало стыдно мучить и дразнить маму. Онъ поцѣловалъ ее прямо въ губы, и сказалъ:

— Папа отвѣтитъ: Христосъ воскресъ.

И всѣмъ стало радостно, большимъ и малымъ.

НАДЕЖДА ВОСКРЕСЕНІЯ.

НАДЕЖДА ВОСКРЕСЕНІЯ.

Сестры ушли къ заутрени, веселыя и нарядныя, а Ирина осталась дома.

— Мнѣ будетъ лучше остаться одной, — говорила она,—помолюсь, подумаю о Колѣ, отдохну и встрѣчу васъ, а вы мнѣ скажете: Христосъ воскресъ.

— Хорошо, только ты не очень плачь,—сказала старшая, веселая Екатерина.

Она была замужемъ за врачомъ, отбывавшимъ свой военный долгъ въ одномъ изъ здѣшнихъ лазаретовъ; у нея было двое дѣтей, и жизнь казалась ей очень, въ общемъ, хорошею.

Когда уходили, младшая сестра, Евлалія, улучила минутку остаться наединѣ съ Ириною, и, быстро поцѣловавъ ее въ дверяхъ гостиной, гдѣ не горѣло ни одной лампочки, шепнула ей:

— Поплачь, Иринушка.

У Евлаліи женихъ, какъ и у Ирины, тоже ушелъ на войну. Иринанъ женихъ убитъ на рѣкѣ Бзурѣ, а Евлаліинъ женихъ раненъ и взятъ въ плѣнъ въ восточной Пруссіи. Евлалія понимала, что слезы—хорошо. И, когда она сама плакала, ей легко становилось.

Ирина прошлась по квартирѣ. Съ улицы доносились веселые голоса. Въ столовой уже накрытъ былъ праздничный столъ. Пахло мирно и домашне. Гіацинты смѣшивали свой тонкій ядъ съ темными дыханіями ванили, миндаля, шафрана и кардамона. И этотъ смѣшанный ядъ благоуханій былъ для Ирины зовомъ смертной тоски.

Прошла въ кухню,—и тамъ пусто. Всѣ ушли,—Ирина одна, совсѣмъ одна.

Вернулась къ себѣ. Надо надѣть бѣлое праздничное платье, снять на одинъ этотъ день свой черный трауръ.

Вотъ оно лежитъ, все бѣлое, перекинутое на спинкѣ голубого кресла. И передъ нимъ на полу пара бѣлыхъ туфель и на кровати бѣлые шелковые чулки.

«Помолюсь немного».

Опустилась на колѣни передъ образомъ, ясно сіяющимъ отсвѣтами лампады на бѣлой серебряной ризѣ Богородицы Милующей. Донесся издалека гулъ выстрѣла,—половина двѣнадцатаго ночи. Уличный шумъ здѣсь былъ неслышенъ,—Иринина комната во дворѣ.

Ирина склонилась передъ образомъ, забылась молитвою, какъ легкимъ сномъ. Сгорѣло время, и весь міръ свился, и передъ нею стоялъ онъ, ея милый, ея Николай, убитый. Лицо его печально и строго, и онъ спрашиваетъ:

— Ирина, любишь ли ты меня?

— Люблю,—говоритъ Ирина.

— Ты меня никогда не забудешь,—говоритъ онъ.

Очнулась Ирина. Никого. Мерцаніе лампады, голубой занавѣсъ окна, синія стѣны. Одна. И слезы льются, льются. И знаетъ Ирина, что ея Николай всегда съ нею, на всю жизнь, и въ этомъ горе, и въ этомъ радость.

И опять, какъ легкимъ сномъ, забылась молитвою. И опять Николай стоялъ передъ нею. И казалось Иринѣ, что множество съ нимъ предстоитъ ей воиновъ.

И опять спросилъ Николай:

— Ирина, любишь ли ты меня?

И опять отвѣтила Ирина:

— Люблю.

Николай говорилъ ей:

— Если ты хочешь, чтобы любовь наша была безсмертна, люби тѣхъ, кто со мною. Слушай меня, Ирина,— люби народъ мой и твой и всегда будь съ народомъ во всѣхъ судьбахъ его и на всѣхъ путяхъ его.

Вскинулась Ирина, точно окрыленная великимъ порывомъ. Разбилась молитва, разсѣялся сонъ,—опять никого, опять одна въ синихъ стѣнахъ передъ яснымъ лампаднымъ мерцаніемъ.

Слезы льются, льются, и дрожатъ ноги, на полу холодѣя, и сердце бьется тяжело и тоскливо.

Народъ мой, народъ мой возлюбленный, темна судьба твоя и заграждены пути твои и затуманенъ взоръ твой,—но буду, буду съ тобою на всѣхъ путяхъ твоихъ, народъ мой, тяжко страдающій.

И третій разъ склонилась и третій разъ погрузилась въ молитву, какъ въ утѣшающій сонъ. Передъ глазами ея свѣтъ ширился и слышала она ликующіе звуки. И опять сталъ передъ нею милый ея, ея Николай. Лицо его было свѣтло и радостно, глаза его сіяли, какъ неугасимыя лампады, и голосъ его звучалъ торжествомъ воскресенія, когда онъ въ третій разъ спросилъ Ирину:

— Ирина, любишь ли ты меня?

— Люблю,—радостно отвѣтила Ирина.

Говорилъ Николай:

— Люби меня, люби народъ мой, вѣрь и не бойся и надѣйся на воскресеніе наше. Кровью нашею, пролитою въ изобиліи и пылающею ярко, озарили мы судьбы народа нашего, и пути его станутъ правы, и тьма совьется ис-

чезая передъ взоромъ его. Слушай меня, слушай, Ирина,—въ надеждѣ воскресенія будь съ народомъ моимъ и воскреснетъ, и воскреснемъ.

И нѣтъ никого, и опять одна Ирина, и радость безмѣрная съ нею.

Бѣлыя, праздничныя одежды взяла бережно, любуясь ими, слушая дальній звонъ благовѣста. Бѣлыя одежды надѣла на себя радостно и благоговѣйно, и такое торжество было въ душѣ, точно радостные ангелы помогали ей облачаться одеждами, знаменующими надежду воскресенія.

Радостная вышла изъ своей комнаты, вездѣ зажгла огни, ждала сестеръ. Вотъ и онѣ.

— Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе.

Обнимаетъ, цѣлуетъ, смѣется.

— Не плакала?—спрашиваетъ Екатерина.

— Поплакала, милая?—шепчетъ Евлалія.

— Онъ приходилъ ко мнѣ трикраты,—говоритъ Ирина,—милый мой говорилъ со мною трижды, и принесъ мнѣ надежду воскресенія. Знаю, воскреснемъ всѣ мы, и возстанетъ народъ мой. Сестры, не смотрите на меня, какъ на безумную,—я рада, я счастлива.

— Счастливая Ирина! — шепчетъ Евлалія, обнимая ее.

Екатерина пожимаетъ плечами, и говоритъ насмѣшливо и ласково:

— Если плакать, такъ, ради Бога, не долго. И пойдемте поскорѣе въ столовую,—я немножко проголодалась.

НЕУТОМИМОСТЬ.

НЕУТОМИМОСТЬ.

Былъ въ концѣ нежаркаго лѣта день праздничный, теплый, слегка туманный. Туманъ, пронизанный горьковатымъ запахомъ гари, стоялъ уже пятый день. Сегодня онъ разсѣивался, небо вверху свѣтло голубѣло, и призрачныя очертанія высокихъ тучъ уже выдѣлялись на немъ. Подъ пеленою рѣдкаго тумана поля, еще не пожелтѣвшія деревья и словно недвижная рѣка, радостно голубая, казались легкими и блаженными. Если задуматься, замечтаться, забыть, то можно было вообразить себя перенесеннымъ въ обиталище блаженныхъ душъ. Къ тому же и людей не было видно. Надъ рѣкою недавно пронеслись свистки двухъ трехъ пароходовъ, а теперь широкая грудь ея звучно дышала легкими отголосками прибрежной тишины.

Прислонясь спиною къ березѣ на высокомъ берегу, на мшистой землѣ сидѣлъ мальчикъ смуглый, загорѣлый, босоногій, въ короткой свѣтлой одеждѣ. По лицу ему можно было дать пятнадцать лѣтъ, да столько ему

и на самомъ дѣлѣ было. Онъ жадно читалъ книгу, быстро перелистывая страницы, нерѣдко возвращаясь къ прочитанному. Тогда онъ призадумывался на минуту, и складка умственнаго напряженія стягивала его черныя, двумя тугими луками изогнутыя брови.

Послышался шорохъ приближающихся шаговъ. Мальчикъ обернулся досадливо. Увидѣлъ подходящую дѣвочку съ кистью крупной рябины въ рукѣ, и улыбнулся радостно. Какъ всегда, съ любованіемъ смотрѣлъ онъ на свою подругу, и ему было пріятно, что она веселая, красивая и стройная. Въ красномъ сарафанчикѣ, босикомъ. Только годомъ моложе его, и очень дружна съ нимъ.

Поздоровались. Мальчикъ увидѣлъ на ея загорѣлой ногѣ обхватывающую подъемъ стопы неширокую бѣлую повязку. Онъ спросилъ:

— Что, Катышокъ, «порѣзала ноженьку голую»?

Катя засмѣялась. Сѣла рядомъ съ мальчикомъ, и говорила:

— Вчера въ полѣ. Серпомъ неловко махнула. Хочешь рябины? Она уже вкусная. Нарочно для тебя сорвала.

— Спасибо, Катышокъ. Косолапые мы съ тобою, Катышокъ, неловкіе пока. А туда же, помогать пошли. Ну да ничего, въ будущемъ году, пожалуй, у насъ дѣло лучше пойдетъ.

Катя прислонилась плечомъ къ его плечу, и сказала:

— Я, Лаврикъ, и этимъ лѣтомъ очень довольна.

— Оно лучше прошлаго?—спросилъ Лаврентій.

— О, да! — съ убѣжденіемъ отвѣчала Катя. — Я и представить не могла, что это—такъ трудно, тяжело до изнеможенія и въ то же время такъ радостно.

Лаврентій улыбаясь смотрѣлъ на нее, и говорилъ:

— Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ сюда къ рѣкѣ выходилъ паренекъ въ родѣ меня, и горланилъ звонко:

Во полѣ твѣточки
Расцвѣтали,
Во лузяхъ дѣвочки
Гуливали.

— А тысячу лѣтъ назадъ только волки здѣсь рыскали, да лѣсъ дремучій шумѣлъ. Отъ лѣта къ лѣту на землѣ все становится лучше, отъ вѣка къ вѣку. Сама природа учится у насъ, и теперь она тоньше, духовнѣе, больше знаетъ и благосклоннѣе къ намъ, чѣмъ тогда, когда на землѣ жилъ нашъ человѣкоподобный предокъ.

Катя улыбнулась. Покачала головою. Сказала:

— Расхвастался ты что-то ужъ очень, Лаврикъ. Развѣ мы лучше нашихъ отцовъ?

— Не лучше, а счастливѣе,—увѣренно сказалъ Лаврентій,—удачливѣе.

— Послушать маму,—говорила Катя,—мы гораздо поплоше. Очень по землѣ ходимъ, вверхъ не полетимъ.

Лаврикъ вспыхнулъ. Заговорилъ горячо:

— Ну, да, знаю. Это наши старшіе братья и сестры много лишняго наболтали. Насчетъ своей практичности, своей близости къ жизни, своего отвращенія къ всему неясному. Но это не то, совсѣмъ не то. Между нами есть всякіе, по-разному смотрящіе на жизнь. Но главное у насъ то, что мы просто удачливѣе вышли.

Дѣти часто бесѣдовали на такія темы. Они сходились часто и зимою, и лѣтомъ. Жили рядомъ и въ городѣ, и здѣсь на дачѣ. Родители были дружны. А мальчикъ и дѣвочка почему-то были увѣрены, что они такъ и родились другъ для друга, и любили одинъ другого чистою и тихою любовью. Настроенія у нихъ были добрыя и спо-

койныя, хотя грозовой годъ коснулся ихъ семей опаляющимъ дыханіемъ: Катинъ отецъ артиллерійскій прапорщикъ запаса, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; отецъ Лаврентія, пѣхотный капитанъ, долго лежалъ въ лазаретѣ, гдѣ ему отрѣзали правую ногу до колѣна. Искусственная нога была сдѣлана очень хорошо; Алексѣя Николаевича отпустили домой, въ отставку. Здѣсь онъ учился все лѣто владѣть ногою, хотя до послѣднихъ дней не рѣшался разстаться съ костылемъ и не столько потому, что нога служила плохо, сколько потому, что еще чувствовалъ себя нервно не окрѣпшимъ послѣ чудовищныхъ потрясеній войны.

— Вотъ хоть бы то взять,—сказалъ Лаврентій, еще болѣе краснѣя и волнуясь,—какъ наши отцы были не тверды и не увѣрены въ своей любви.

Катя опустила глаза. Она знала, что у ея отца есть дѣти отъ другой женщины. Знала и то, что Людмила Павловна, мать Лаврентія, вышла за Алексѣя Николаевича послѣ того, какъ развелась съ своимъ прежнимъ мужемъ. Да, она знала, что родители ихъ измѣнчивы и въ чувствахъ, и въ мнѣніяхъ своихъ.

— А мы?—тихо спросила она.

— А мы не разлюбимъ, не измѣнимъ, и ты сама это знаешь,—увѣренно сказалъ Лаврентій.

Катя подняла глаза,—и глаза ихъ встрѣтились. Съ минуту они смотрѣли другъ на друга, точно въ роковомъ поединкѣ скрестивъ испытующіе взоры. И потомъ они разомъ вдругъ улыбнулись увѣренно и нѣжно. Острая сладость пронизала сердца ихъ, и они поняли еще разъ, что ихъ двѣ жизни сплетены навѣки. Такъ радостно было имъ ощутить въ себѣ вѣрное біеніе мужественныхъ сердецъ, готовыхъ отвѣтить на всякій зовъ быстропроносящейся жизни.

Легкія тѣни призрачно легли на высокій берегъ, на влажную траву, и заблистали радостныя росинки, точно по зарѣ утромъ. На небѣ, сквозь мглистый туманъ пламенѣя, неяркое, но еще высокое стояло солнце, благостно глядя въ смѣющіеся глаза дѣтей, не ослѣпляя поднятыхъ къ нему дѣтскихъ взоровъ. Было все вокругъ благостно, тихо и чисто, какъ въ обители блаженныхъ. И съ простодушнымъ восторгомъ смотрѣла Катя на своего друга.

Послышались невдали звуки домашняго колокола. Лаврикъ хмуро улыбнулся, и въ голосѣ его слышался оттѣнокъ досады, когда онъ говорилъ:

— Зовутъ обѣдать. Сядемъ за столъ, Даша и Надя будутъ намъ служить, и будутъ господа и рабы, и никому это не странно.

— Не господа и рабы, а богатые и бѣдные,—сказала Катя.

— Въ совершенномъ обществѣ такъ не будетъ,—сказалъ Лаврентій.—Только коллективъ можетъ быть богатъ, а люди всѣ до одного должны жить въ радостной, безпечной нищетѣ. Въ народныхъ домахъ пусть будетъ блескъ, великолѣпіе и веселье, а въ нашихъ домахъ— уютъ, покой, простота.

— Теперь не такъ,—сказала Катя.

— Мы, Катя, все это перемѣнимъ, когда будемъ хозяевами въ нашемъ дому.

Катя улыбалась, и молча смотрѣла на него. Лаврикъ подумалъ вдругъ, что еще не скоро имъ быть хозяевами въ ихъ дому. Ну, что же!—подумалъ онъ,—подождемъ, вѣдь не мы домъ строили.

— Научимся, построимъ новый, — сказалъ онъ вслухъ.

Катя понимала. Не первый разъ о домѣ своемъ говорили они,—о недостроенной храминѣ русскаго бытія.

— Къ намъ вечеромъ придете?—спросила она.

— Да. Сегодня весь день дома, завтра опять въ поле.

— И отчего это такой туманъ?—досадливо спросила Катя.

Лаврентій засмѣялся.

— Я читалъ въ здѣшней газеткѣ,—это оттого, что въ Сибири тайга горитъ.

— Ну? такъ далеко приползъ? — съ удивленіемъ спросила Катя.

— Можетъ быть, и правда,—говорилъ Лаврентій.— На землѣ все связано одно съ другимъ. Здѣшніе мужики говорятъ, что тамъ, гдѣ-то за Волгой, торфяныя болота горятъ. А мнѣ, знаешь, Катышокъ, нравится этотъ туманъ. Такъ сквозь него все красиво, какъ во снѣ праздничномъ. Словно что-то лучше жизни.

— Лучше жизни нѣтъ ничего,—съ убѣжденіемъ сказала Катя.

Лаврентій посмотрѣлъ на нее строго. Она повела тонкимъ плечикомъ, и сказала:

— Если понадобится, я отдамъ жизнь за другихъ. Скупиться не стану, но все-таки это самое лучшее, что у насъ есть.

По узкой тропкѣ поднялись они на дорогу, и разошлись, каждый къ себѣ.

Лаврикъ поднялся на террасу, гдѣ обѣдали. Отецъ въ сѣро-зеленомъ кителѣ стоялъ въ дверяхъ изъ гостиной, прислонясь къ косяку двери, и улыбался. Отъ улыбки его суровое, исхудалое лицо совсѣмъ перемѣнялось и казалось добрымъ, простымъ и такимъ красивымъ, что становилось понятно, какъ въ этого человѣка должны были влюблятъся женщины.

— Гдѣ же твой костыль?—опасливо спросилъ Лаврикъ.

— Да что, братъ, костыль, — дома остался. Учусь пользоваться искусственною ногою. Ничего, хожу понемногу. Отдохнулъ, нервы стали покрѣпче, и ужъ не тянетъ каждую минуту, какъ прежде, за костыль хвататься, чтобы не упасть.

Говоря это, Алексѣй Николаевичъ почти совсѣмъ ровно подошелъ къ столу, и сѣлъ рядомъ съ женою. Людмила Павловна была, очевидно, озабочена чѣмъ-то, и лицо ея подъ легкимъ сѣвернымъ загаромъ показалось Лаврентію поблѣднѣвшимъ и осунувшимся. Она смотрѣла на мужа съ неопредѣленнымъ выраженіемъ. Лаврикъ удивился, хотѣлъ что-то спросить, но удержался. Мать слегка вздохнула, окинула Лаврентія привычно-внимательными, привычно-заботливыми глазами, и, замѣтивъ въ его рукѣ, вмѣстѣ съ книгою, полуощипанную вѣтку рябины, спросила:

— Съ Катею былъ?

— Да, мамочка.

Отецъ былъ оживленъ, неспокоенъ. Ему хотѣлось говорить, спорить. Онъ сказалъ женѣ, указывая на Лаврентія:

— Ты знаешь? Онъ тебѣ развивалъ свои теоріи? Какъ же, у него уже есть своя собственная теорія насчетъ новаго поколѣнія. Онъ уже на насъ немного свысока смотритъ.

Лаврентій слегка покраснѣлъ.

— Избави Богъ, папочка. Вы—герои.

— Да, да, герои, но... Гдѣ твое но?—съ легкою насмѣшливостью говорилъ отецъ.—Вотъ въ этомъ твоемъ но и заключается вся соль. Ну, говори, говори, стѣсняться нечего.

Лаврентій легонько пожалъ плечами, и говорилъ:

— Вы — герои, но не воины. Вы способны на такіе

подвиги, которыхъ устрашились бы славнѣйшіе герои древности, но все же вы слишкомъ герои. Вы годитесь для подвиговъ, для самопожертвованія, ваша цѣль — слава и вы если побѣдите, то случайно. А вотъ мы будемъ воинами. Не героями, а машинами для побѣдъ. И насъ никто не побѣдитъ. Нами Россія будетъ сильна и непобѣдима. И намъ никто не измѣнитъ—мы доглядимъ.

Алексѣй Николаевичъ засмѣялся.

— Какая великолѣпная самоувѣренность! Ну, а что ты сдѣлаешь, если тебѣ твоя Катя измѣнитъ?

Лаврикъ самоувѣренно улыбнулся.

— Я знаю, что этого не будетъ,—спокойно сказалъ онъ.—Вѣдь мы не потому будемъ другъ другу вѣрны, что я очарованъ ею, а она мною.

Людмила Павловна спросила досадливо:

— Любовь безъ очарованія? Это что же такое?

— Чистая любовь,—опять легко вспыхивая, сказалъ Лаврентій.—У насъ все будетъ безъ печалей: нравственность безъ угрозы, долгъ безъ принужденія, любовь безъ безумства.

— Вино безъ алкоголя?—спросилъ отецъ.

— Опьяняться не будемъ,—отвѣчалъ Лаврентій.—Просто и вѣрно проживемъ. Катышокъ для меня, я для нея,—иного намъ не нужно. Влюбляться въ красавицъ и въ красавцевъ не станемъ. Красоты намъ не надобно.

Отецъ вздохнулъ. Сказалъ:

— Что будетъ, этого никто не знаетъ. Намъ достаточно знать, чего мы сами хотимъ. Вотъ мнѣ отняли ногу, поставили искусственную, но я хочу ходить, и хожу. Хочу воевать, и буду. Если хочу, значитъ, и могу. Долгъ безъ принужденія—это, Лаврикъ, не ваше изобрѣтеніе; этому вы у насъ научились.

Мать съ укоромъ посмотрѣла на Лаврика. Онъ покраснѣлъ и опустилъ глаза въ тарелку.

Туманъ надъ рѣкою становился гуще. По рѣкѣ бѣжалъ пароходъ, большой, пассажирскій, тяжело и равномѣрно дыша стальными легкими своей машины, сверкая веселыми огнями. Когда онъ прошелъ, тѣни въ саду точно еще болѣе сгустились, и вдругъ на бѣлые стволы березъ упали мелькающіе багровые отсвѣты. Горничная Даша воскликнула:

— Батюшки, да никакъ это горитъ гдѣ-то!

И въ эту же минуту загудѣли тревожные звуки набата въ ближней церкви.

Лаврикъ выскочилъ изъ-за стола, и съ легкостью лѣсного проворнаго звѣрька бросился въ свою комнату одѣваться. Черезъ минуту онъ уже выбѣжалъ опять на террасу, на ходу поправляя завернувшійся неловко подъ правымъ колѣномъ сѣрый чулокъ.

— Уже готовъ?—спросилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Всегда готовъ!—крикнулъ Лаврикъ.

Онъ бѣжалъ по боковымъ дорожкамъ къ дорогѣ въ село.

— Всегда готовъ,—тихо повторилъ отецъ.

Онъ подвинулся къ женѣ, взялъ ея руку, пожалъ крѣпко. Людмила Павловна молча, сдержанно улыбаясь, глядѣла на него. Плечи ея слегка дрожали.

— Тебѣ холодно, Людмила?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ,—такъ же тихо отвѣтила она.

Помолчали. И опять тихо заговорилъ офицеръ съ суровымъ, загорѣлымъ лицомъ:

— Что жъ, Людмила, нога служитъ очень хорошо. Я думаю, меня возьмутъ. Куда-нибудь пригожусь. А, Людмила, что скажешь? Отпустишь меня?

Она нагнулась, заплакала. Потомъ посмотрѣла на

мужа. Страданіе было на лицѣ ея, но лицо ея было свѣтлое. Алексѣй Николаевичъ обнялъ ее за плечи, привлекъ къ себѣ, и глядѣлъ на нее сурово и нѣжно.

— Когда же это кончится, Алексѣй?—сказала она.— Но ты не думай, я не ропщу. Боже мой, если такъ надо,— что же я? Вѣдь я такая же, какъ и всѣ эти милліоны солдатскихъ и офицерскихъ женъ. Отъ Бога, отъ людей, отъ родины мы взяли долю счастія, намъ надо взять и долю печали и трудовъ.

— Надо, Людмила, надо,—съ суровою нѣжностью говорилъ Алексѣй Николаевичъ, тихонько поглаживая жену по спинѣ.—Потерпимъ до конца, Людмила, чтобы нашимъ дѣтямъ было легче.

— Алексѣй,—спросила она, глядя на мужа усталыми, печальными глазами,—можетъ быть, нашимъ дѣтямъ будетъ еще труднѣе?

— Можетъ быть, Людмила,—спокойно отвѣтилъ онъ. —Потому-то мы и должны воспитывать ихъ такъ, чтобы имъ всякая тягота жизни была въ подъемъ.

ДЕНЬ ВСТРѢЧЪ.

ДЕНЬ ВСТРѢЧЪ.

I.

Въ жизни мирныхъ обывателей Россіи, Германіи, Франціи и Англіи въ началѣ лѣта 1914 года ничто не предвѣщало близости и неизбѣжности войны. Всѣ, какъ всегда, занимались своими дѣлами и дѣлишками, а если иногда и заходили разговоры о войнѣ, то она все же казалась еще очень далекою. Европейцы привыкли къ своему домашнему міру, и онъ казался имъ незыблемымъ. Жили спокойно, какъ у подножія давно дремавшаго вулкана наканунѣ внезапнаго изверженія. И не знали, что скоро всѣ они будутъ захвачены могучимъ потокомъ міровыхъ событій. Но уже еле-зримая тѣнь этихъ событій зловѣще ложилась на дѣла и на помыслы людскія...

Розовые и бѣлые цвѣли каштаны. Въ воздухѣ тихой, чистенькой деревни Розенау мило звучали птичьи щебеты и звонкіе голоса только что отпущенныхъ изъ школы дѣтей. Блѣдно-красная черепица кровель на темно-красныхъ кирпичныхъ домикахъ казалась только что вымытою прилежными хозяйками, но вымыта была она про-

шедшимъ вчера веселымъ теплымъ дождикомъ, хозяйки же въ этотъ часъ мыли плитяныя ступеньки своихъ домовъ.

Въ саду и въ огородѣ около школы песочныя дорожки были гладки, и грядки были ровны, и яблони, обѣщая хорошій урожай, радовали глазъ. И все было чисто и прибрано въ комнатѣ молодой учительницы Гульды Кюнеръ.

Гульда стояла у окна и разсматривала свои башмаки, наклонившись слегка и приподнимая немного спереди свое платье. Вешнія очарованія въ этотъ милый день не радовали Гульду. Не потому, чтобы она очень устала,— она была сильная, здоровая дѣвушка съ красными щеками, съ высокою грудью, съ большими руками и ногами, и школьныя занятія не утомляли ее. Выросшая въ трудовой крестьянской семьѣ и въ бѣдности, она считала свою работу легкою и свое положеніе очень хорошимъ.

Весь этотъ день Гульда испытывала жестокое безпокойство и страхъ. Отъ этого ея красивое, крестьянское, грубоватое лицо съ правильными и крупными очертаніями, смягченными милою полумаскою веснушекъ, иногда багряно вспыхивало, словно наливаясь кровью, уши были очень красны, и красивыя руки, только что чисто вымытыя, болѣе обыкновеннаго,—отъ холодной воды,— красныя, крупныя, унаслѣдованныя отъ многихъ поколѣній нѣмецкихъ мужиковъ, дрожали замѣтно.

Гульда волновалась потому, что сегодня утромъ получила непріятное письмо. Школьный инспекторъ ея округа, господинъ Адольфъ Веллеръ, приглашалъ ее для неотложнаго, весьма важнаго разговора сегодня отъ трехъ до четырехъ часовъ дня. Весь день для Гульды былъ этимъ письмомъ испорченъ. На урокахъ Гульда была очень разсѣяна и невнимательна, и вела себя съ

дѣтьми очень неровно,—то не замѣчала шалостей, то съ удвоеннымъ усердіемъ принималась шлепать мальчишекъ и дѣвчонокъ линейкою по спинамъ и по пальцамъ.

Едва отпустивъ дѣтей, Гульда стала собираться въ городъ Кельбергъ, гдѣ жилъ господинъ школьный инспекторъ. До города считалось четыре съ половиною километра.

Гульда, пытаясь обмануть себя и отвлечь вниманіе отъ безпокойныхъ предположеній, думала о своихъ поношенныхъ башмакахъ. Новыхъ у нея не было, — новые она купитъ изъ того жалованья, которое получитъ на-дняхъ. Гульда получала достаточно для нея самой, но она удѣляла кое-что на воспитаніе и обученіе младшаго брата, помогая въ этомъ старой матери. Поэтому ей приходилось быть очень бережливою, и весь ея годовой бюджетъ былъ расчисленъ впередъ по мѣсяцамъ,—когда что можно купить.

Наконецъ Гульда рѣшила, что башмаки еще достаточно крѣпки. Было безъ пяти минутъ два. Пора итти, а то вѣдь, пожалуй, и опоздаешь. Сердце Гульды сильно забилось, когда она, стоя передъ маленькимъ зеркальцемъ, стала надѣвать свое праздничное свѣтло-розовое платье и соломенную желтую шляпу съ голубою лентою.

Что же такъ волновало и страшило сегодня бѣдную Гульду?

II.

Дней пять тому назадъ случилась съ Гульдою въ школѣ непріятная исторія. Одинъ изъ ея учениковъ, непосѣдливый краснощекій мальчишка Антонъ Шмидтъ разсердилъ Гульду какою-то глупою, надоѣдливою шалостью, Гульда нашлепала его по спинѣ линейкою, а такъ какъ

ей показалось, что эти шлепки недостаточно вразумили шалуна, то она вдобавокъ дала ему пощечину, да такъ неосторожно, что у него изъ носу пошла кровь. Гульда смутилась,—она не ожидала такихъ послѣдствій. Мальчишка, утирая носъ грязнымъ кулакомъ, сердито пробормоталъ что-то. Гульда не разслышала. Она спросила притворно-спокойнымъ голосомъ:

— Что ты тамъ бормочешь?

Антонъ опасливо покосился на нее, и промолчалъ. Мальчики смѣялись, радуясь внезапному развлеченію. Дѣвочки сидѣли скромно, съ такимъ видомъ, какъ-будто это ихъ не касается. Кто-то услужливый изъ мальчишекъ поторопился сказать Гульдѣ:

— Онъ говорилъ, что пожалуется.

Смущенная Гульда ярко покраснѣла. Она стояла посреди класса въ неловкой позѣ, и не знала, что сказать.

Антонъ искоса кинулъ на нее быстрый, хитрый взглядъ, и принялся отпираться:

— Я этого не говорилъ. Очень мнѣ нужно жаловаться! Я и не думаю жаловаться. Я—не дѣвчонка. Мнѣ въ прошломъ году Эрихъ Реннеръ тоже носъ расквасилъ, однако, я никому не жаловался.

Гульда спросила:

— А что же ты говорилъ сейчасъ?

Антонъ отвѣчалъ:

— Я говорилъ: простите, больше не буду.

По смѣшливому тону его голоса и по хитрому взгляду его зеленовато-сѣрыхъ глазъ было видно, что онъ говоритъ неправду. Мальчишки смѣялись. Заулыбались и дѣвочки.

Гульда наконецъ сообразила, что надобно сдѣлать. Она отправила Антона умыться холодною водою, чтобы остановить капающую изъ носу кровь.

Весь остатокъ того дня Гульда провела очень неспокойно. Она все ждала, что вотъ-вотъ постучатся въ дверь и войдетъ мать Антона, почтенная вдова Марта Шмидтъ. Войдетъ, и начнетъ говорить непріятныя, укоряющія и угрожающія слова. Съ грубостью и съ мелочностью, свойственными богатымъ мужикамъ во всѣхъ странахъ земного шара, скажетъ она много такого, что совсѣмъ къ этому случаю не относится, но чѣмъ можно уколоть и унизить. Скажетъ, напримѣръ:

— Такая бѣдная дѣвушка, какъ вы, должна была бы дорожить такимъ мѣстомъ.

Или:

— То-то пріятно будетъ вашей матери, когда васъ выгонятъ съ этого мѣста.

Но госпожа Марта Шмидтъ не пришла. Мало-по-малу Гульда стала забывать объ этой исторіи,—и уже думала она, что все это прошло и позабыто. И вдругъ сегодня письмо отъ школьнаго инспектора.

Зачѣмъ зоветъ ее Веллеръ? Неужели изъ-за этой глупой исторіи? Какъ не перебирала Гульда въ умѣ всѣ свои школьныя и служебныя обстоятельства, она никакъ не могла найти другое правдоподобное объясненіе этого вызова. Вѣдь если бы это было что-нибудь обыкновенное, Веллеръ могъ бы сказать третьяго дня на кладбищѣ, во время похоронъ одной изъ городскихъ учительницъ, Анны Крафтъ. Единственное, что оставалось предположить,—Антонъ пожаловался своей матери, а та, со скрытностью старой крестьянки, никому не сказавъ ни слова, сходила въ городъ, и пожаловалась школьному инспектору,—и вотъ послѣдствія этой жалобы.

Гульда боялась вѣрить этому, и старалась найти другое объясненіе. Если это такъ, то страшно и подумать о томъ, что могутъ сдѣлать съ Гульдою. Еще хорошо, если

дѣло кончится строгимъ выговоромъ. А то могутъ перевести въ другую школу,—Гульдѣ было бы это очень непріятно,—или и вовсе уволить отъ службы. Что же тогда скажетъ гофлиферантъ Генрихъ Шлейфъ, дядя ея милаго? Онъ и безъ того ужъ сколько времени упрямится дать согласіе на ихъ бракъ. А безъ согласія господина гофлиферанта обойтись невозможно,—жалованье Карла Шлейфа слишкомъ невелико.

Испуганное воображеніе Гульды рисовало ей будущее въ самыхъ мрачныхъ очертаніяхъ. Если госпожа Шмидтъ нажаловалась школьному инспектору, то, конечно, ее уволятъ. Даже не дадутъ другой школы. Правда ,Гульда почти никогда не навлекала на себя никакихъ замѣчаній, и была вообще на хорошемъ счету. Но сегодня она думала, что школьный инспекторъ Веллеръ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы свести кое-какіе личные счеты съ нею.

Одна только и была надежда на то, что Антонъ ничего не сказалъ матери, и что ее вызываютъ по какому-то другому дѣлу.

III.

Гульда взяла дождевой зонтикъ,—на всякій случай,—и отправилась въ дорогу. Дорога предстояла пріятная и легкая,—полями и перелѣсками. Нанимать экипажъ и лошадь на такое небольшое разстояніе въ такой прекрасный, теплый день Гульда не хотѣла. Зачѣмъ дѣлать лишній расходъ, если можно итти пѣшкомъ? Притомъ же поѣздка въ экипажѣ привлекла бы общее вниманіе, и вызвала бы разные толки, тогда какъ пѣшкомъ можно пройти гораздо незамѣтнѣе.

Встрѣчалось больше людей, чѣмъ бы хотѣлось Гульдѣ. Пока она шла по улицѣ деревни, все еще было ничего и имѣло видъ обычной прогулки. Выдавалъ только дождевой зонтикъ, вызывая любопытные взгляды.

Встрѣчные кланялись Гульдѣ, какъ всегда, привѣтливо, съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ покровительственной ласки, который свойственен всякому собственнику по отношенію къ тому, кто, стоя въ какомъ-нибудь отношеніи выше его, имѣетъ мало денегъ. Но Гульдѣ иногда казалось, что на нее такъ смотрятъ потому, что уже всѣ въ деревнѣ знаютъ о ея дѣлѣ и смѣются надъ нею. Ласково-привѣтливыя лица взрослыхъ и дѣтей казались ей насмѣшливыми.

Антонъ Шмидтъ попался ей навстрѣчу. Здѣсь, внѣ школьныхъ стѣнъ, на вешнемъ солнцѣ, у изгороди, за которою весело и буйно зеленѣли кустарники, Антонъ казался еще болѣе румянымъ, веселымъ и хитрымъ, чѣмъ всегда. Кланяясь Гульдѣ, онъ такъ махнулъ шапкою, словно въ его рукѣ былъ неистощимый запасъ силъ, дѣлающій каждое его движеніе чрезмѣрнымъ.

Гульда подозвала его. Ей захотѣлось поскорѣе провѣрить, жаловался ли онъ. Знать бы навѣрное, зачѣмъ зоветъ ее Веллеръ. Но какъ спросить мальчика? Чуть было не спросила прямо, но удержалъ какой-то самолюбивый расчетъ. Она подумала, покраснѣла и, слегка запинаясь, сказала:

— Ну что, Антонъ, твоя мать довольна твоимъ поведеніемъ?

Антонъ весело засмѣялся, и со всѣмъ благонравіемъ, къ какому только былъ способенъ, отвѣчалъ:

— Да, госпожа Кюнеръ, мама уже давно не бранила меня.

Онъ держалъ шапку въ рукѣ. Его круглая голова

ежилась во всѣ стороны остриженными рыжеватыми вихрами, и крутой лобъ блестѣлъ отъ капелекъ пота и отъ усердныхъ усилій говорить, какъ по книжкѣ.

Гульда спросила:

— Развѣ твоя мать не знаетъ, какъ ты шалилъ въ школѣ?

Антонъ отвѣчалъ:

— Уже нѣсколько дней, госпожа Кюнеръ, я не получалъ отъ васъ ни одного замѣчанія.

Гульда сказала:

— А развѣ ты забылъ, какъ я наказала тебя въ прошлую пятницу? Развѣ ты скрылъ это отъ своей матери?

Антонъ живо спросилъ:

— А развѣ вы, госпожа Кюнеръ, хотите пожаловаться?

Напускное благонравіе соскочило съ него, и на его лицѣ отразились страхъ и злость. Онъ думалъ:

«Носъ расквасила, да еще жаловаться хочетъ!»

И это онъ считалъ большою несправедливостью. Дѣло казалось ему поконченнымъ, и вновь поднимать его было не къ чему.

Гульда увидѣла по его лицу, что онъ боится ея жалобы. Значитъ,—подумала она,—онъ не сказалъ. На короткое время ей стало весело. Но вдругъ пришло ей въ голову, что вѣдь объ этомъ случаѣ могли разсказать его матери другіе. Опять ей стало тоскливо, и она быстро пошла впередъ.

Антонъ шелъ за нею, и упрашивалъ, чтобы она ничего не говорила его матери. Чѣмъ ближе подходили они къ дому вдовы Шмидтъ, тѣмъ плаксивѣе становился его голосъ. Гульда думала, что хитрый мальчишка только притворяется испуганнымъ, а въ душѣ смѣется надъ нею. Она строго поглядѣла на него, и сказала:

— Антонъ, не иди за мною. Я твоей матери не видѣла съ тѣхъ поръ, и пока еще не собиралась съ нею говорить. Не воображай, что у меня только и заботы, что о твоихъ шалостяхъ.

Антонъ остановился. Гульда почувствовала на своей спинѣ его внимательный взглядъ.

IV.

Марта Шмидтъ стояла на высокомъ крыльцѣ своего дома. Какъ у всѣхъ крестьянъ въ той мѣстности, это былъ кирпичный домъ подъ черепицею, и стоялъ онъ, какъ у всѣхъ, между садомъ, выходящимъ на дорогу, и огородомъ сзади дома. Марта Шмидтъ вязала чулокъ, и смотрѣла на дорогу.

Остановившись у калитки сада, Гульда первая сказала:

— Добрый день, госпожа Шмидтъ.

И ей самой стало стыдно, что въ голосѣ ея звучали заискивающія нотки. Марта, улыбаясь, какъ любезная хозяйка, сказала:

— Добрый день, госпожа Кюнеръ. Погода хорошая, а у васъ зонтикъ въ рукахъ. Не собрались ли вы въ далекую прогулку? Но отчего вы не взяли съ собою когонибудь изъ дѣтей?

Гульда отвѣчала:

— Я иду въ Кельбергъ.

Марта удивилась.

— За покупками? Но отчего же вы такъ нарядились? И вы безъ мѣшка.

— Нѣтъ, госпожа Шмидтъ, не за покупками, и не на прогулку. Меня приглашаетъ господинъ инспекторъ Веллеръ.

Говоря это, Гульда внимательно и тревожно смотрѣла на Марту. Марта сказала привѣтливо:

— Зайдите же, госпожа Кюнеръ, посидите немного

Любопытство засвѣтилось въ узкихъ глазахъ старой женщины. Гульда сказала:

— Благодарю васъ, госпожа Шмидтъ. Я посижу минутку съ вами на крыльцѣ, но я должна не опоздать. Господинъ инспекторъ будетъ ждать меня только до четырехъ часовъ, и позже притти было бы невѣжливо, да господинъ инспекторъ, можетъ быть, не будетъ дома, или будетъ занятъ.

Марта, усмѣхаясь съ видомъ человѣка, пожившаго на свѣтѣ и видѣвшаго людей, сказала:

— Не безпокойтесь, госпожа Кюнеръ, вы имѣете достаточно времени, и придете въ назначенное время. Вы можете посидѣть у меня четверть часа. Скажите, зачѣмъ же вызываетъ васъ господинъ школьный инспекторъ?

Гульда отвѣчала:

— Не знаю. Можетъ быть, какая-нибудь жалоба?

Голосъ ея слегка дрогнулъ при этихъ словахъ. Марта махнула рукою:

— Что вы, госпожа Кюнеръ! Кто же можетъ жаловаться! Всѣ въ Розенау довольны вами.

Гульда нерѣшительно сказала:

— Да ужъ я не знаю.

Она взошла на ступени крыльца, и сѣла на скамейку у двери. Марта сѣла рядомъ съ нею, и говорила:

— Ужъ не хочетъ ли господинъ школьный инспекторъ предложить вамъ должность учительницы въ Кельбергѣ на мѣсто покойной госпожи Крафтъ?

— Этого не можетъ быть,—сказала Гульда.—Госпожа Крафтъ только пять дней назадъ скончалась, и господинъ школьный инспекторъ не успѣлъ еще объ этомъ

подумать. При томъ же, я думаю, что есть и другіе желающіе, старше меня.

Поговоривъ съ Мартою минутъ пять о разныхъ деревенскихъ новостяхъ, Гульда пошла дальше. Такъ она и не узнала, жаловалась ли на нее Марта или нѣтъ.

V.

Гульда торопилась. Плотно-убитая пѣшеходная дорожка вдоль шоссе казалась ей нескончаемо-длинною. И уже когда, пройдя липовую рощу надъ рѣкою, у проѣзда къ усадьбѣ богатаго землевладѣльца, барона фонъ-Танненберга, она завидѣла издали бѣлые домики города, она съ отчаяніемъ подумала, что еще остается два километра.

За рѣкою дорога круто поворачивала, и снова шла рощею. Здѣсь совсѣмъ неожиданно Гульда встрѣтила молодого человѣка, высокаго и сильнаго. Она зарумянилась радостно. Въ глазахъ ея засвѣтился тихій восторгъ. Это былъ ея женихъ, Карлъ Шлейфъ, племянникъ гофлиферанта Генриха Шлейфа. У него были голубые, ясные глаза, румяное лицо, мягкіе, русые усы, широкіе плечи, и онъ казался Гульдѣ олицетвореніемъ мужской красоты и силы. Онъ говорилъ:

— Какая пріятная встрѣча! Мой патронъ поручилъ мнѣ уладить одно очень важное дѣло съ барономъ фонъ-Танненбергъ, но я могу проводить тебя немного. Ты гуляешь или по дѣлу? Ты такая сегодня нарядная, и такая красивая.

Гульда, дрожа и краснѣя отъ волненія, могла только слабо обрадоваться похвалѣ ея милаго. Она сказала:

— Мнѣ надо въ Кельбергъ.

Карлъ вынулъ часы, подумалъ немного, и сказалъ:

— Я могу пройти съ тобою десять минутъ по напра-

вленію къ Кельбергу, но затѣмъ я принужденъ буду продолжать свой путь. А зачѣмъ тебѣ надо въ Кельбергъ?

Гульда разсказала Карлу о случаѣ съ Антономъ Шмидтомъ и о своихъ опасеніяхъ. Карлъ нахмурился. Онъ сказалъ:

— Гульда, ты поступила очень неосторожно. Конечно, мальчишекъ нельзя не бить, но не надо бить ихъ по носу.

Гульда жалобнымъ голосомъ сказала:

— Я боюсь, Карлъ, что меня уволятъ.

Лицо Карла приняло непріятное, жесткое выраженіе. Казалось, что его усы жестко топорщились, забывъ свою мягкую холеность, и глаза вдругъ посѣрѣли, когда онъ говорилъ:

— Мой дядя, гофлиферантъ, и такъ не хочетъ согласиться на нашъ бракъ. Я надѣялся его уговорить. Но его самолюбіе не позволитъ ему помириться съ тѣмъ, чтобы я женился на дѣвушкѣ, которую выгнали со службы за то, что она дурно исполняла свои обязанности.

Гульда воскликнула:

— Я хорошо исполняла свои обязанности. Онъ самъ виноватъ,—онъ вертѣлся, когда я его наказывала, тогда какъ онъ долженъ былъ стоять смирно.

Разговоръ кончился взаимными упреками. Разстались, холодно простившись. Гульда плакала. Но некогда было долго заниматься этимъ,—близокъ былъ уже и городъ.

VI.

И вотъ новая встрѣча. Товарищъ Карла, Отто Шарфъ. Онъ тоже ухаживалъ за нею. Но ей не нравилось, что онъ небольшого роста, черноволосый, и что онъ похожъ на

еврея. Онъ казался ей насмѣшливымъ и черствымъ, и она даже побаивалась его. И теперь, когда онъ вѣжливо поклонился Гульдѣ, ей казалось, что онъ съ насмѣшливымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ ея глаза и догадывался, что она только что плакала.

Отто Шарфъ спросилъ ее, почти тѣми же словами, какъ и Карлъ:

— Какая пріятная встрѣча! Госпожа Кюнеръ, куда вы идете?

Робѣя, какъ школьница передъ учителемъ, Гульда сказала:

— Къ господину школьному инспектору.

Улыбаясь, говорилъ Отто Шарфъ:

— Я это знаю.

Гульда досадливо покраснѣла и сказала:

— Если вы бываете у господина Веллера, то неудивительно, что вы это знаете.

Отто Шарфъ спросилъ:

— А знаете, зачѣмъ приглашаетъ васъ господинъ Веллеръ?

— Нѣтъ,—сказала Гульда.—А зачѣмъ?

Забывъ свою досаду, она съ любопытствомъ смотрѣла на него,—ужъ очень хотѣлось поскорѣе узнать. Продолжая улыбаться насмѣшливо, какъ казалось Гульдѣ, а на самомъ дѣлѣ робѣя и волнуясь почти такъ же, какъ она, онъ сказалъ:

— Я бы вамъ сказалъ, госпожа Кюнеръ. Но вы такъ непривѣтливы со мною.

Гульда упрашивала:

— Скажите, прошу васъ!

— Улыбнитесь мнѣ ласково, — настаивалъ Отто Шарфъ.

Гульда улыбнулась ласково, сложила руки ладонями вмѣстѣ, и молящимъ голосомъ говорила:

— Прошу васъ, скажите, милый господинъ Шарфъ.

Любуясь ея смущеніемъ и ея любопытствомъ, Отто Шарфъ радостно улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо, только не говорите господину Веллеру, что я вамъ сказалъ это: господинъ Веллеръ хочетъ предложить вамъ лучшее мѣсто.

Гульда сердито воскликнула:

— Вы надо мной смѣетесь!

Покраснѣла, и быстро пошла дальше. Отто Шарфъ въ недоумѣніи смотрѣлъ за нею. Онъ не могъ понять, почему Гульда не вѣритъ ему.

VII.

Подходя къ дому Веллера, Гульда встрѣтила двухъ его дочерей, дѣвушекъ лѣтъ семнадцати, шестнадцати. Ихъ простенькія бѣлыя платья и свѣтлыя шляпы показались Гульдѣ очень нарядными, и ущемили ея внятнымъ томленіемъ зависти.

Дѣвушки смѣялись чему-то своему,—Гульдѣ показалось, что надъ нею. Старшая изъ дѣвушекъ сказала:

— Отецъ васъ ждетъ.

Гульда со страхомъ вошла въ домъ. Молодая служанка провела ее въ кабинетъ господина Веллера.

Толстый Веллеръ сидѣлъ въ креслѣ у письменнаго стола, сосалъ толстую сигару, и крѣпко держалъ толстыми пальцами карандашъ, которымъ онъ водилъ по строкамъ какой-то лежавшей передъ нимъ на столѣ бумаги, вникая въ ея смыслъ съ такимъ усердіемъ, что весь лобъ его собрался въ глянцевитыя морщины и толстая шея покраснѣла больше обычнаго. Дочитавъ бумагу, онъ под-

нялъ сонные глаза на Гульду, и молча показалъ ей пальцемъ на стѣнные часы. Было безъ двухъ минутъ четыре. Гульда замерла отъ страха. Веллеръ кивкомъ головы показалъ ей на стулъ у стола, и сказалъ:

— Садитесь, госпожа Кюнеръ.

Гульда робко подошла и сѣла. Веллеръ молча смотрѣлъ на нее. Наконецъ сказалъ:

— Вы—красивая молодая дѣвушка, госпожа Кюнеръ, и этотъ легкомысленный молодой человѣкъ не достоинъ васъ. Впрочемъ, я пригласилъ васъ по дѣлу.

И опять замолчалъ.

Сказать или не сказать?—думала Гульда.—Онъ самъ знаетъ. Или не знаетъ? Честно поступая, надобно самой сознаться. Но мало ли бываетъ маленькихъ событій въ школѣ,—не обо всемъ же надобно говорить.

Гульда сидѣла и не знала, что сказать. Веллеръ смотрѣлъ на нее неподвижно. Въ головѣ Гульды быстро пронеслись воспоминанія о томъ, какъ Веллеръ, вскорѣ послѣ смерти своей жены, сдѣлалъ ей предложеніе. Тогда,—это было годъ тому назадъ,—Гульда уже любила Карла Шлейфа, и потому отказала Веллеру. Веллеръ до сихъ поръ еще не былъ женатъ, и Гульда думала, что онъ затаилъ злобу противъ нея.

Веллеръ вынулъ сигару изо рта, и внимательно глянулъ на Гульду.

«Знаетъ, конечно, все знаетъ!» вдругъ подумала Гульда. И, не стерпѣвъ страха ожиданія, неожиданно для самой себя, разсказала про случай съ Антономъ.

Къ ея радости и удивленію, этотъ разсказъ не произвелъ на Веллера никакого впечатлѣнія. Веллеръ молча выслушалъ и сказалъ:

— За то, что мальчишка на васъ ворчалъ, вамъ надо было дать ему нѣсколько хорошихъ ударовъ линейкой по

спинѣ. Но я не понимаю, зачѣмъ вы мнѣ все это разсказываете. Вы обязаны поддерживать дисциплину на вашихъ урокахъ.

Веллеръ побарабанилъ пальцами по столу, и сказалъ:

— Госпожа Кюнеръ, я пригласилъ васъ вотъ по какому дѣлу.

Гульда чувствовала, что сердце ея мучительно замираетъ. Ея руки дрожали. Голосъ Веллера доходилъ до нея словно издалека. Веллеръ говорилъ:

— Вамъ извѣстно, что госпожа Крафтъ скончалась. Школьный совѣтъ намѣтилъ васъ на ея мѣсто. Я долженъ спросить васъ, согласны ли вы перейти на это мѣсто.

Отъ радости и отъ волненія у Гульды закружилась голова. Она воскликнула, всплеснувъ руками:

— Ахъ, господинъ инспекторъ!

И ужъ не могла ничего сказать. Очевидно, никто на нее не жаловался, иначе ей не предложили бы этого мѣста, гдѣ жалованье больше и квартира лучше.

Веллеръ слегка усмѣхнулся и сказалъ:

— Я вижу, госпожа Кюнеръ, что вы согласны. Надѣюсь, вы будете достойны. А теперь, покончивъ съ этимъ дѣломъ, поговоримте о другомъ.

Веллеръ запыхтѣлъ, усиленно засосалъ сигару, окружилъ себя скверно-пахнущимъ дымомъ, и заговорилъ торжественно и волнуясь:

— Госпожа Кюнеръ, вы знаете мои чувства по отношенію къ вамъ. Но вы предпочли мнѣ легкомысленнаго молодого человѣка. Однако, онъ не торопится жениться на васъ.

Гульда сказала:

— Мы надѣемся, что господинъ гофлиферантъ согласится...

Веллеръ прервалъ ее:

— Госпожа Кюнеръ, обращаюсь къ вашему благоразумію. Скоро будетъ война, молодой человѣкъ пойдетъ, потому что числится въ запасѣ, и на войнѣ онъ можетъ быть убитъ. Я же не пойду, такъ какъ мнѣ сорокъ шесть лѣтъ. Я уже старъ для войны, но еще достаточно молодъ для семейной жизни.

— Господинъ Веллеръ,—сказала Гульда,—о войнѣ ничего не слышно.

Веллеръ побарабанилъ пальцами по столу, и сказалъ увѣренно, какъ знающій:

— О, не слышно! Читаете ли вы внимательно вашу газету? Знаете ли вы что-нибудь о русской большой военной программѣ и о русскомъ флотѣ, который будетъ готовъ въ будущемъ году? Если мы теперь не будемъ воевать, то и никогда.

Гульда спросила:

— Но зачѣмъ намъ воевать?

Веллеръ отвѣчалъ:

— Если мы есть великая нація, то намъ нужны рынки. Намъ нужно сокрушить Францію и отобрать ея колоніи. У насъ есть культурная миссія на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. И для нашего народа мало земли, а въ Россіи земли много, и мы можемъ ее завоевать. И должны завоевать, потому что грубый и дикій русскій народъ есть только подстилка для нашего великаго германскаго народа. Германія должна быть сильнѣе всѣхъ и диктовать всему міру свою волю, и тогда настанетъ эпоха вѣчнаго мира, и наши товары будутъ имѣть сбытъ на всемъ земномъ шарѣ, чего они и заслуживаютъ по своей прочности, дешевизнѣ и красотѣ.

Веллеръ помолчалъ, глядя прямо на Гульду. Гульда

не знала, что сказать. Она боялась сказать, что любитъ Карла и будетъ ему вѣрна, боялась, что тогда Веллеръ разсердится и оставитъ ее на прежнемъ мѣстѣ въ Розенау.

Веллеръ всталъ, протянулъ руку Гульдѣ, и сказалъ.

— Итакъ, госпожа Кюнеръ, подумайте внимательно надъ тѣмъ, что я вамъ сказалъ. Отвѣтомъ я васъ не тороплю.

VIII

Гульда вышла отъ Веллера, точно ея на крыльяхъ вынесло. Шла сіяя. И опять встрѣтила Карла, недалеко отъ рѣки, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ и первый разъ.

Онъ нѣжно утѣшалъ ее. Говорилъ ей ласково:

— Я былъ глупъ и грубъ. Я не брошу тебя. Пусть гофлиферантъ откажетъ мнѣ въ наслѣдствѣ и въ деньгахъ, я проживу и безъ него. Ну, что сказалъ тебѣ господинъ школьный инспекторъ?

Сіяющая отъ радости и отъ гордости Гульда разсказала о томъ, что Веллеръ предложилъ ей мѣсто въ Кельбергѣ. Карлъ увѣренно сказалъ:

— Ну, теперь я не сомнѣваюсь, что гофлиферантъ дастъ свое согласіе на нашъ бракъ.

IX.

Гульда не волновалась бы всѣ эти дни, если бы слышала одинъ разговоръ мальчишекъ. Гульда не сіяла бы сегодня, если бы слышала одинъ разговоръ взрослыхъ.

Въ тотъ день, когда она побила Антона Шмидта, послѣ уроковъ, къ Антону подошелъ на улицѣ Альбертъ Кернъ, рослый рыжеватый мальчуганъ съ длинными ру-

ками, одѣтый въ узкую одежду, которая казалась уже тѣсною и короткою для его быстраго роста. У него было сердитое лицо и угрожающій видъ. Антонъ посмотрѣлъ на него опасливо соображая за что Альбертъ можетъ его поколотить. Альбертъ сердито спросилъ:

— Антонъ, ты нажалуешься твоей матери на учительницу?

Антонъ отвѣчалъ:

— Вотъ еще, нашелъ дурака! Чтобы мнѣ еще и дома влетѣло!

— Зачѣмъ же ты сказалъ, что пожалуешься?—сердито спрашивалъ Альбертъ.

Антонъ захохоталъ и сказалъ:

— А такъ чтобы ее попугать. Видѣлъ, какъ она покраснѣла?

Альбертъ говорилъ все такъ же сердито:

— Слушай, Антонъ если ты хоть полслова скажешь дома о томъ что она тебѣ расквасила носъ то я тебя изобью, какъ собаку. Пусть потомъ дѣлаютъ со мною, что хотятъ, но ты меня будешь помнить.

Антонъ опасливо покосился на сжатые кулаки Альберта, и сказалъ:

— Я не скажу ни матери ни кому другому можешь быть спокоенъ.

Другой разговоръ былъ сегодня, за нѣсколько минутъ до второй встрѣчи Гульды съ Карломъ. Карлъ и Отто Шарфъ встрѣтились у воротъ въ паркъ фонъ-Танненберга. Шарфъ разсказалъ Карлу о томъ что Гульда переходитъ въ городъ и получаетъ тамъ очень хорошее мѣсто. Оттого такъ и нѣженъ былъ съ нею Карлъ.

Ничего этого Гульда не знала, и потому была весела. И еще потому она была весела, что знала то, чего не зналъ Карлъ. Она смотрѣла на него нѣжно, и думала:

«Если Карлъ не успѣетъ обвѣнчаться со мною, и пойдетъ на войну, то надо будетъ серьезно подумать о предложенiи господина Веллера. Карла, можетъ быть, и не убьютъ на войнѣ, но ему могутъ оторвать руку или ногу. Быть женою однорукаго или одноногаго очень непрiятно, и ужъ лучше носить имя госпожи Веллеръ».

Эти мысли очень растрогали и разнѣжили Гульду, и, прощаясь съ милымъ при выходѣ изъ лѣсочка, она нѣжно поцѣловала его. Такъ нѣжно, что Карлъ весь этотъ день чувствовалъ въ своей душѣ райскую музыку.

ОШИБКА ГОФЛИФЕРАНТА.

ОШИБКА ГОФЛИФЕРАНТА.

I.

Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ сидѣлъ вечеромъ на своемъ обычномъ мѣстѣ въ лучшемъ изъ Кельбергскихъ кафе, въ кафе Баумвальда на Карлплацѣ, и пилъ свою обычную кружку пива. Казалось, что онъ весь налитъ пивомъ, и не только коротко-подстриженные бачки, но и глаза его были пивного цвѣта. Передъ гофлиферантомъ сидѣлъ его племянникъ Карлъ Шлейфъ, и уговаривалъ его дать согласіе на его бракъ съ Гульдою Кюнеръ, расхваливая Гульду въ сотый разъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Гульда—славная, честная дѣвушка. Она—бѣдная дѣвушка, но она имѣетъ свой, честно заработанный, кусокъ хлѣба. Она будетъ вѣрною женою и хорошею, экономною хозяйкою.

Гофлиферантъ былъ непреклоненъ и повторялъ въ сотый разъ одно и то же:

— Я не хочу, чтобъ мой племянникъ женился на

простой деревенской дѣвушкѣ, у которой нѣтъ ни одного пфенига, и нѣтъ почтенныхъ и уважаемыхъ въ городѣ родственниковъ.

Какъ всегда, ровно въ десять гофлиферантъ кончилъ свою кружку. Крикнулъ:

— Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ сказалъ кельнеру:

— Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора домой.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я буду платить.

Гофлиферантъ остался. Сидя надъ второю кружкою, онъ говорилъ:

— Я не могу допустить этого брака. Я — гофлиферантъ! Мои издѣлія употребляются при дворѣ моего кайзера. Мои издѣлія извѣстны всей Германіи. Мои издѣлія вывозятся за границу, и даже некультурная Россія потребляетъ ихъ, и черезъ ихъ посредство знакомится съ благами нашей германской культуры.

Карлъ воскликнулъ:

— О, да! гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ высоко держитъ знамя германской культуры, и я горжусь честью быть его племянникомъ.

Гофлиферантъ пожалъ его руку, и сказалъ:

— Карлъ, ты—умный и славный молодой человѣкъ, и ты можешь понимать. Да, я сорокъ лѣтъ приношу пользу моему возлюбленному отечеству. Меня уважаютъ всѣ въ городѣ.

— И во всей Германіи,—вставилъ Карлъ.

Гофлиферантъ кивнулъ головою, и продолжалъ:

— Если пріѣзжій на бангофѣ спроситъ любого трегера или, выйдя на улицу, спроситъ любого мальчишку:

«Не знаешь ли ты, гдѣ живетъ гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ?» то всякій мальчишка скажетъ: «О, какъ же не знать, гдѣ живетъ господинъ гофлиферантъ Шлейфъ! Онъ живетъ въ своемъ собственномъ домѣ номеръ семь по Альбрехтштрассе, а его контора находится на Кайзерплатцѣ на углу Вильгельмштрассе». О, гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ не послѣдній человѣкъ въ своемъ родномъ городѣ, и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ нѣтъ города, гдѣ бы не употреблялись издѣлія гофлиферанта Гейнриха Шлейфа!

Гофлиферантъ поставилъ опорожненную кружку на стеклянное блюдце, и сказалъ громко:

— Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ сказалъ:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Подайте еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора домой, гдѣ меня ждетъ госпожа гофлиферантша Гейнрихъ Шлейфъ.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ не возражалъ. Новая кружка была принесена и поставлена передъ нимъ. Гофлиферантъ тыкалъ себя толстымъ, свѣтло-пивного цвѣта, пальцемъ въ широкую грудь, и говорилъ:

— Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ не гордится своими заслугами передъ своимъ дорогимъ отечествомъ. Онъ только честно и добросовѣстно исполнялъ свой долгъ. Выше всего онъ ставилъ интересы своихъ кліентовъ, чтобы никто не могъ сказать, что издѣлія гофлиферанта Шлейфа не есть товаръ высокаго качества, отпускаемый по дешевой цѣнѣ съ гарантіей за прочность.

Карлъ сказалъ:

— Нѣтъ, дядя, этого никто не можетъ сказать. Товаръ гофлиферанта Шлейфа есть товаръ самаго высокаго качества.

Гофлиферантъ продолжалъ:

— Да, высокія качества моего товара извѣстны всѣмъ. Я употребляю самый хорошій матеріалъ и самыя усовершенствованныя машины, у меня работаютъ самые хорошіе мастера, я плачу имъ аккуратно въ срокъ, и они имѣютъ у меня хорошій заработокъ. Когда къ нимъ приходятъ агитаторы отъ соціалистовъ, они смѣются и говорятъ: «Намъ не нужно никакого соціализма, мы—націоналъ-либералы, и мы работаемъ на господина гофлиферанта Шлейфа».

Карлъ сказалъ:

— Мой товарищъ, Отто Шарфъ, соціалъ-демократъ, говоритъ, что есть не мало соціалистовъ и на фабрикахъ гофлиферанта Шлейфа.

Гофлиферантъ покраснѣлъ, стукнулъ кулакомъ по столу, и сказалъ сердито:

— Отто Шарфъ—мальчишка и бездѣльникъ, и его мать—паршивая русская свинья, и я не хочу говорить о какомъ-то Отто Шарфѣ, когда я говорю о моемъ племянникѣ. Гофлиферантъ Шлейфъ не заносчивъ, но онъ знаетъ себѣ цѣну. Каждый вечеръ гофлиферантъ Шлейфъ идетъ въ это кафе, гдѣ рядомъ съ нимъ можетъ сѣсть каждый; онъ выпиваетъ свою кружку въ двадцать пфениговъ, и даетъ кельнеру десять пфениговъ—не больше и не меньше. И никто не смѣетъ сѣсть за тотъ столикъ, гдѣ я привыкъ пить свое пиво. Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ сказалъ:

— Кельнеръ, я плачу за эту кружку. Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора итти домой, гдѣ меня ждетъ госпожа Амалія Шлейфъ, супруга гофлиферанта.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ не спорилъ. Онъ сидѣлъ передъ новою кружкою пива, и продолжалъ распространяться о своихъ достоинствахъ.

Гофлиферантъ говорилъ:

— Я не гордый человѣкъ, нѣтъ. Я пожму руку всякому человѣку, который честно занимается своимъ трудомъ. Я уважаю госпожу учительницу Гульду Кюнеръ, потому что она—честная и достойная дѣвушка. Если она придетъ въ мой магазинъ, я велю сдѣлать ей уступку, какъ самому почтенному изъ моихъ кліентовъ, и скажу, чтобы ей отпустили товаръ хорошаго качества, хотя бы она покупала на самую малую сумму. Но всякій человѣкъ долженъ знать свое мѣсто. У меня и у моей Амаліи нѣтъ дѣтей, но мой племянникъ, сынъ моего единственнаго брата, долженъ помнить, что у меня есть зато много двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Если мой племянникъ хочетъ наслѣдовать мое дѣло и мою фирму, то онъ женится на дочери одного изъ почтенныхъ коммерсантовъ. Я не мѣчу высоко, я не хочу, чтобы мой племянникъ женился на одной изъ юныхъ дѣвицъ фонъ-Танненбергъ, или фонъ-Клостербургъ, или фонъ-Либенштейнъ. Я хочу только того, чтобы жена моего племянника была изъ равной намъ семьи. Я сказалъ, а слово гофлиферанта Гейнриха Шлейфа твердо. Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ не унывалъ. Онъ рѣшился итти до конца, и сказалъ храбро:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возражалъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора итти домой, гдѣ меня ждетъ моя жена, моя дорогая Амалія.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Хорошо. Молодые люди расточительны, но я самъ былъ молодъ, и я понимаю, когда молодой человѣкъ хочетъ позволить себѣ немного покутить. Лучше покутить честно и благоразумно со старымъ дядею, чѣмъ съ легкомысленными и необузданными молодыми людьми, въ родѣ какого-нибудь повѣсы Отто Шарфа.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, если я женюсь на Гульдѣ Кюнеръ, то я не буду проводить свое время съ легкомысленными молодыми людьми, потому что Гульда Кюнеръ—скромная дѣвушка. Она будетъ заботливою и экономною хозяйкой, и мнѣ пріятно будетъ сидѣть дома.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ не хочетъ, чтобы дочь простого мужика вошла въ его домъ и сѣла впослѣдствіи на то кресло, на которомъ нынѣ сидитъ госпожа гофлиферантша Гейнрихъ Шлейфъ, урожденная Амалія Липпертъ, дочь гофлиферанта индустріенрата Фридриха Липперта. Нѣтъ, я хочу, чтобы все шло, какъ прилично, безъ заносчивости и безъ униженія.

Гофлиферантъ, опорожнивъ эту кружку, сказалъ громче, чѣмъ обыкновенно:

— Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ мужественно сказалъ:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Еще одну господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора итти домой, гдѣ меня ждетъ моя милая Амальхенъ.

При воспоминаніи о милой Амальхенъ голосъ гофлиферанта дрогнулъ, и въ его глазахъ блеснули свѣтложелтыя слезинки. Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ остался. И еще. И еще. И еще.

Наконецъ въ двѣнадцать часовъ ночи, когда кафе закрывалось и когда всѣ добрые граждане богоспасаемаго города Кельберга уже мирно спали въ своихъ кроватяхъ, подъ своими теплыми пуховыми одѣялами, вмѣстѣ со своими добродѣтельными женами, гофлиферантъ вышелъ на площадь, поддерживаемый Карломъ. Карлъ хотѣлъ было проводить его до дому, но гофлиферантъ рѣшительно этому воспротивился. Онъ говорилъ:

— Гейнрихъ Шлейфъ всю жизнь твердо стоялъ на своихъ собственныхъ ногахъ, и не нуждается ни въ чьей помощи. Я дойду одинъ, а ты иди домой. Нехорошо молодому человѣку возвращаться домой очень поздно. Твоя почтенная хозяйка, госпожа Клара Фрейманъ, можетъ подумать о тебѣ дурно, а если это повторится, то она перестанетъ держать тебя у себя на квартирѣ.

И на углу Карлплатца и Карлштрассе Карлъ простился съ гофлиферантомъ, и отправился домой, въ свою скромную коморку на окраинѣ города, на Нахтигальштрассе. По дорогѣ предавался онъ грустнымъ размышленіямъ о дядиной непреклонности и сладостнымъ мечтаніямъ объ очарованіяхъ прелестной и невинной Гульды.

II.

Гофлиферантъ шелъ привычною дорогою по Карлштрассе. Шаги его были очень нетверды.

Скоро пришелъ онъ на Кайзерплатцъ, обширную площадь со статуею императора. Пять улицъ выводили на эту площадь: справа отъ Карлштрассе — Вильгельмштрассе, гдѣ была контора и магазинъ гофлиферанта; слѣва — Фридрихштрассе; черезъ площать—Альбрехтштрассе и Альбертштрассе.

Перейдя черезъ площадь и обогнувъ памятникъ, гофлиферантъ направился по одной изъ этихъ улицъ, и скоро добрался до дома подъ номеромъ седьмымъ. Съ трудомъ взобрался онъ по внѣшней лѣстницѣ къ дверямъ своей квартиры, при чемъ его удивило, что лѣстница стала какъ-будто повыше на одну ступеньку. Но скоро онъ сообразилъ въ чемъ дѣло. Онъ подумалъ:

«Я выпилъ сегодня больше одной кружки пива, и это подѣйствовало на мои ноги, но не на мою голову. Всегда я вхожу правою ногою на первую ступеньку, лѣвою на вторую, правою на третью, и такъ далѣе всѣ шесть ступеней. Но сегодня одна изъ моихъ ногъ ступила на ступеньку, гдѣ уже стояла другая нога, и вотъ почему я насчиталъ семь ступенекъ. Нѣтъ,—думалъ гофлиферантъ, —въ моемъ домѣ шесть ступенекъ, а семь ступенекъ— это въ домѣ господина ратмана Вильгельма Шпицера, тоже номеръ семь, но на другой улицѣ, на Альбертштрассе».

Гофлиферантъ досталъ изъ жилетнаго кармана ключъ отъ входной двери. Долго возился онъ, ключъ долго не хотѣлъ входить въ скважину. Наконецъ что-то щелкнуло въ пружинѣ замка, дверь заскрипѣла и отворилась.

Гофлиферантъ съ досадою подумалъ, что служанка Гертруда не исполняетъ своихъ обязанностей и уже давно не смазывала петель двери. Онъ пошарилъ по стѣнѣ, повернулъ выключатель, и глянулъ на себя въ зеркало.

— О!—сказалъ онъ, укоризненно покачивая головою,—старый Гейнрихъ, ты очень красенъ. Не годится тебѣ пить больше одной кружки, хотя бы ты за лишнее пиво и не платилъ ни пфенига. Это вредно для твоего здоровья.

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось шлепанье туфель. Гофлиферантъ умилился. Онъ воскликнулъ:

— Моя Амалія не спитъ и ждетъ своего стараго Гейнриха!

И его широко-улыбающееся лицо обратилось къ двери.

Чей-то грубый голосъ за дверью спрашивалъ:

— Кто тамъ разговариваетъ такъ поздно ночью?

Гофлиферантъ испугался и подумалъ:

«Амалія сердится и говоритъ поэтому низкимъ голосомъ. Она спроситъ: что ты смотришься въ зеркало, какъ молодая дѣвушка? Зачѣмъ ты для этого тратишь электричество, которое стоитъ такъ дорого?»

Гофлиферантъ погасилъ свѣтъ, и поспѣшилъ въ комнаты. Но къ его ужасу и негодованію на порогѣ встрѣтилъ его господинъ ратманъ Вильгельмъ Шпицеръ, въ домашней курткѣ и въ туфляхъ, такой же толстый и такой же красный, какъ и гофлиферантъ.

Гофлиферантъ воскликнулъ:

— Господинъ ратманъ!

Ратманъ воскликнулъ:

— Господинъ гофлиферантъ!

И оба они воскликнули одновременно:

— Какъ вы сюда попали?

И оба отвѣтили одновременно:

— Я у себя дома!

И опять оба въ одно время воскликнули:

— Это—мой домъ!

И въ это время въ души ихъ обоихъ закрались мрачныя подозрѣнія. Гофлиферантъ воскликнулъ:

— Моя Амалія!

Ратманъ воскликнулъ въ тотъ же мигъ:

— Моя Берта!

— Вы идете отъ моей Амаліи!—говорилъ гофлиферантъ.

— Вы идете къ моей Бертѣ!—говорилъ ратманъ.

И оба они воскликнули одновременно:

— Не употребляйте имени вашей несчастной почтенной супруги, которую вы обманываете съ чужою женою.

— Прошу васъ удалиться изъ моего дома!—воскликнули оба они одновременно.

И наконецъ свѣтъ истины озарилъ голову гофлиферанта,—надъ головою ратмана онъ увидѣлъ люстру. Такая же точно люстра, какъ и у гофлиферанта, но лампочки заключены не въ шарообразные футляры льдистаго стекла, какъ у гофлиферанта, а въ футляры многогранные, хотя стекло такое же точно.

Гофлиферантъ въ ужасѣ воскликнулъ:

— Какъ я сюда попалъ!

Ратманъ отвѣчалъ:

— Я не знаю, какъ вы сюда попали, господинъ гофлиферантъ. Но я бы желалъ знать, какъ вы сюда попали, и что вы здѣсь ищете въ такое позднее ночное время.

Гофлиферантъ говорилъ, весь красный отъ пива и отъ смущенія:

— Я отворилъ дверь моимъ собственнымъ ключомъ! Я думалъ, что я на Альбрехтштрассе номеръ семь.

Ратманъ отвѣчалъ:

— Вы на Альбертштрассе номеръ семь, господинъ гофлиферантъ, и вы отворили мою дверь своимъ ключомъ. Я не буду удивляться, если окажется, что мой замокъ сломанъ.

Гофлиферантъ спросилъ:

— Но почему же вы это думаете?

Ратманъ отвѣчалъ:

— Мой замокъ имѣетъ свой ключъ, и чужимъ ключомъ онъ не можетъ быть безъ поврежденія отворяемъ.

Гофлиферантъ подумалъ, что ратманъ слишкомъ мрачно смотритъ на положеніе вещей. Необходимо провѣрить это немедленно, чтобы потомъ ратманъ не вздумалъ говорить о томъ, чего не было. Гофлиферантъ сказалъ:

— Мы должны это посмотрѣть, господинъ ратманъ.

Ратманъ запальчиво отвѣтилъ:

— Мы это посмотримъ сейчасъ же, господинъ гофлиферантъ.

Оба отправились въ переднюю, и тамъ безъ труда убѣдились въ томъ, что замокъ сломанъ. Ратманъ сердито поглядѣлъ на гофлиферанта, и воскликнулъ:

— Господинъ гофлиферантъ!

Гофлиферантъ пожалъ плечами, развелъ руками, и сказалъ:

— Я очень извиняюсь, господинъ ратманъ, за поврежденіе вашего замка, произведенное мною безъ умысла, и я уплачу, что слѣдуетъ, за починку замка.

— Хорошо,—сказалъ ратманъ.—Но мы должны это обсудить. Пожалуйте въ мою гостиную, господинъ гофлиферантъ.

Вошли опять въ гостиную. Послышался за дверью тревожный голосъ Берты Шпицеръ:

— Вильгельмъ, съ кѣмъ ты разговариваешь такъ поздно?

Ратманъ отвѣчалъ:

— Не безпокойся, Берта, это господинъ гофлиферантъ Шлейфъ. У насъ съ нимъ дѣловое совѣщаніе.

— Въ такой необыкновенный часъ?—съ удивленіемъ спросила Берта.

— Дѣла всегда дѣла,—сказалъ ратманъ.—Иди, Берта, черезъ десять минутъ я вернусь къ тебѣ.

За дверью послышались удаляющіеся шаги Берты. Ратманъ повернулся къ гофлиферанту, и, указывая ему на кресло, сказалъ:

— Итакъ, господинъ гофлиферантъ?

Гофлиферантъ сѣлъ на указанное кресло, и, утирая платкомъ выступившій отъ волненія потъ, говорилъ:

— Я пришлю завтра къ вамъ слесаря...

Ратманъ перебилъ его.

— Извините, господинъ гофлиферантъ, но это очень неудобно, чтобы вы чинили замки въ моемъ домѣ. Это подастъ поводъ къ разнымъ непріятнымъ слухамъ. Да и къ чему вамъ безпокоиться? Я сдѣлаю это самъ, а вы уплатите мнѣ сейчасъ въ возмѣщеніе моихъ убытковъ нѣкоторую сумму денегъ.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Въ вечернее время я не ношу съ собою лишнихъ денегъ. Въ моемъ кошелькѣ находится сорокъ пфениговъ, но этого, я думаю, мало за починку такого хорошаго замка.

Ратманъ сказалъ спокойно:

— Вы дадите мнѣ вексель.

Гофлиферантъ воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Вексель! На такую сумму! Я завтра же пришлю вамъ, что слѣдуетъ.

— Я желаю имѣть пятьсотъ марокъ,—невозмутимо сказалъ ратманъ.

Онъ сѣлъ противъ гофлиферанта, сложилъ руки на животѣ, и спокойно смотрѣлъ на своего незваннаго гостя.

— Господинъ ратманъ! — воскликнулъ гофлиферантъ.

Ратманъ говорилъ:

— Я сказалъ Бертѣ: дѣло. Что же я скажу, если она спроситъ: что же тебѣ дало это дѣло, за которымъ ты лишалъ себя ночного отдыха?

Гофлиферантъ растерянно говорилъ:

— Это невозможно, господинъ ратманъ!

Ратманъ сказалъ рѣшительно:

— Господинъ гофлиферантъ, я могъ бы сдѣлать большой скандалъ. Но я его не дѣлаю изъ уваженія къ вамъ.

Гофлиферантъ понялъ, что споръ безполезенъ. Онъ бросилъ на ратмана негодующій взглядъ, и сказалъ съ тихою злобою:

— Давайте бумагу, я пишу вексель на триста марокъ.

— Пятьсотъ, господинъ гофлиферантъ.

Пришлось гофлиферанту писать вексель на пятьсотъ марокъ.

III.

На другой день, когда Карлъ сидѣлъ въ своей конторѣ, ему сказалъ конторскій мальчикъ въ курточкѣ съ бронзовыми пуговками и съ узкими галунчиками:

— Господинъ Шлейфъ, къ вамъ пришелъ мальчикъ отъ господина гофлиферанта Шлейфа.

Карлъ взялъ съ ясеневаго пенька надъ конторкою котелокъ, и вышелъ на улицу, гдѣ его ожидалъ другой мальчикъ съ такими же галунчиками и пуговками. Карлъ на-

дѣлъ котелокъ, мальчикъ снялъ фуражку съ галунами, поклонился и сказалъ:

— Добрый день,—господинъ Шлейфъ.

Карлъ сказалъ:

— Добрый день, Фрицхенъ. Что скажешь?

Фрицхенъ отвѣчалъ:

— Господинъ гофлиферантъ проситъ васъ пожаловать вечеромъ въ девять часовъ въ кафе господина Баумвальда.

Карлъ подумалъ, поглядѣлъ для чего-то на часы, кинулъ взглядъ вдоль улицы, и наконецъ сказалъ:

— Скажи господину гофлиферанту, что я приду.

Мальчикъ опять поклонился, надѣлъ фуражку, и пошелъ къ Карлплатцу спорою походкою хорошаго посланнаго мальчика, не тихо и не скоро, не останавливаясь передъ витринами хорошихъ магазиновъ съ хорошими и дешевыми товарами. Карлъ же вернулся въ контору, къ своей конторкѣ. Онъ думалъ:

«Гофлиферанту понравилось пить мое пиво. Хорошо, пусть пьетъ, мнѣ не жалко, я могу сдѣлать экономію на другомъ. Но я бы хотѣлъ, чтобы мои деньги и мое время не пропали даромъ и чтобы гофлиферантъ согласился на мой бракъ съ Гульдою. Онъ долженъ понять, что я имѣю свой расчетъ въ жизни и что хорошая жена полезнѣе для хозяйства, чѣмъ хорошее приданое, которое можно все растратить на прихоти избалованной въ богатствѣ жены».

IV.

Вечеромъ въ кафе Карлъ усердно хвалилъ Гульду. Гофлиферантъ молчалъ. Когда третья кружка подходила къ концу, гофлиферантъ сказалъ:

— Госпожа Гульда Кюнеръ—хорошая дѣвушка, и она получила хорошее мѣсто въ городѣ.

И замолчалъ. Карлъ еще ревностнѣе продолжалъ хвалить свою возлюбленную.

Допивая четвертую кружку, гофлиферантъ сказалъ:

— Вчера я долго шелъ домой, и по дорогѣ успѣлъ подумать о многомъ. Я, гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ, заблудился и пошелъ не по настоящей дорогѣ. Я долго думалъ и понялъ, что всякій человѣкъ можетъ одинъ разъ въ жизни сдѣлать ошибку, только надо, чтобы ему было чѣмъ заплатить за эту ошибку.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, я еще не сдѣлалъ ошибки.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Нѣтъ, Карлъ, ты сдѣлалъ ошибку уже тогда, когда влюбился въ бѣдную дѣвушку. И вторую ошибку ты сдѣлалъ, когда ты далъ ей надежду на бракъ съ тобою. Но у тебя, Карлъ, будетъ чѣмъ заплатить за твои ошибки, —я рѣшилъ дать мое согласіе на твой бракъ съ Гульдою.

Карлъ засіялъ. Онъ думалъ:

«О, мои расходы не пропали даромъ!»

И воскликнулъ:

— Кельнеръ, еще одну кружку господину гофлиферанту, и одну также мнѣ!

Гофлиферантъ говорилъ:

— У Гульды Кюнеръ нѣтъ денегъ, но я на свой счетъ сошью ей все, что надо для молодой дѣвушки, выходящей замужъ. Скажи ей, Карлъ, пусть она завтра же идетъ къ госпожѣ Пельцеръ,—я уже сказалъ, чтобы госпожа Пельцеръ сняла съ нея мѣрку для бѣлья. И оттуда пусть она идетъ къ госпожѣ Шварцъ, которая сошьетъ ей платья, и къ господину Крюгеру, который сдѣлаетъ ей башмаки. И потомъ пусть она идетъ въ мою контору, гдѣ ей дадутъ еще триста марокъ на прочіе мелкіе расходы.

Карлъ прослезился и воскликнулъ:

— Благодарю васъ очень, дядя, очень благодарю. Господь Богъ вознаградитъ васъ за ваше великодушіе и за вашу щедрость!

— О!—воскликнулъ гофлиферантъ,—я платилъ за мою ошибку, я буду платить за твою ошибку; мои кліенты въ некультурной Россіи заплатятъ за наши ошибки.

СОДЕРЖАНІЕ.

1 р. 25 к.

2007341389